

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

Гоним за вину — выживаем
боль и смерть и страшные
жестокости! Они не должны
забыть не вернуться...

АВТОКАТАСТРОФА

ВОСКРЕСЕН
17:00

Джеймс Грэм Баллард

Автокатастрофа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159035

Автокатастрофа: Центрполиграф; М.; 2002

ISBN 5-227-01839-1

Аннотация

В автокатастрофе гибнет известный телеведущий Роберт Воан. Но мало кто знает, что аварийную ситуацию спроектировал сам погибший. И для Воана, и для оставшихся в живых его друзей, любящих нетрадиционные сексуальные забавы, секс в автомобиле на грани аварии не мог сравниться ни с одним из способов получения наслаждений...

Содержание

Автокатастрофа

4

Джеймс Баллард

Автокатастрофа

Воан умер вчера, в своей последней автокатастрофе. За время нашей дружбы он репетировал свою смерть во множестве катастроф, но только эта была его единственным настоящим несчастным случаем. Ведомая по траектории столкновения к лимузину киноактрисы, его машина перелетела через ограждения эстакады возле Лондонского аэропорта и вонзилась в крышу автобуса, заполненного авиапассажирами. Размозженные тела загруженных в него туристов все еще лежали поперек виниловых сидений, напоминая лучи кровоточащего солнца, когда час спустя мне удалось просочиться сквозь толпу полицейских механиков. Держась за руку своего шофера, киноактриса Элизабет Тейлор, умереть с которой так много месяцев мечтал Воан, стояла под вращающимися огнями кареты скорой помощи. И когда я, встав на колени, склоняюсь над телом Воана, она кладет облеченную в перчатку руку себе на горло.

Смогла ли она увидеть в позе Воана формулу смерти, разработанную для нее? В последние недели жизни Воан думал только о ее смерти как о ритуале коронации ран и ушибов, которому он полностью посвятил себя, как в свое время граф

Маршалл¹. Стены его квартиры, расположенной в Шефертоне, неподалеку от киностудии, были увешаны фотоснимками, которые он делал каждое утро с помощью своего мощного объектива, когда она выходила из отеля в Лондоне; он снимал с пешеходных мостов над автострадами и с крыш многоэтажной автостоянки на киностудии. На копировальной машине в своем офисе мне приходилось с тяжелым сердцем готовить для Воана увеличенные фрагменты ее коленей и рук, внутренней поверхности ее бедер, левого уголка ее рта, вручая ему пакеты отпечатков, словно они были главами смертного приговора. В этой квартире мне доводилось смотреть, как он совмещает части ее тела с фотографиями ран самого нелепого вида из руководства по пластической хирургии.

Как только в воображении Воана всплывали подробности катастрофы с участием актрисы, его тут же начинали преследовать навязчивые картины, воссоздающие ужасающие подробности аварии: трескающиеся хромированные детали и переборки их машин, встретившихся лоб в лоб в сложном столкновении, которое бесконечно повторялось, словно в замедленной съемке; множество ран и ударов, нанесенных их телам; образ лобового стекла, которое как будто изморозью покрывает ее лицо, когда она пробивает его тонированную поверхность – актриса похожа на мертворожден-

¹ Маршалл, Пембук В. (1146-1219) – английский дворянин, советник Генри II, регент при Ричарде I, советник короля Джона, регент при Генри III, занимался разработкой ритуала коронации.

ную Афродиту; сложные переломы их бедер, врезавшихся в механизмы ручных тормозов. Но повреждения их половых органов всегда выступают на передний план: ее матка, разодранная геральдическим клювом фирменного знака, его семя, извергнутое на люминесцентные приборы, которые зафиксировали последнюю температуру мотора и остаток топлива.

И только в те минуты, когда Воан описывал мне свою последнюю катастрофу, он был спокоен, говоря об этих ранах и столкновениях с эротической нежностью истомленного долгой разлукой любовника. Перебирая фотографии в своей квартире, он стоял вполоборота ко мне, демонстрируя увесистые чресла, и я замирал при виде почти вставшего члена. Ему было хорошо известно, что пока он провоцирует меня своей сексуальностью – он время от времени давал ей выход, держась небрежно, словно в любой момент мог отказаться от этого, – я не оставлю его.

Десять дней спустя, угнав мою машину из гаража многоэтажного дома, Воан взлетел по бетонному скату моста – сорвавшаяся с цепи чудовищная машина. Вчера его тело лежало под эстакадой в изящных кровавых кружевах в свете полицейских прожекторов. Изломанные очертания ног и рук, кровавая геометрия лица, казалось, пародировали фотографии, представляющие травмы, которыми были завешены стены его квартиры. Мой взгляд в последний раз упал на его громадный пах, налитый кровью. В двадцати ярдах от

него в свете вращающихся ламп повисла на руке своего шофера актриса. Воан мечтал умереть в момент ее оргазма.

Прежде чем умереть, Воан участвовал во множестве автокатастроф. Когда я думаю о Воане, я вижу его в угнанных автомобилях, которые он разбивал, вижу поверхности деформированного металла и пластика, заключившие его в вечные объятия. За два месяца до последнего события мне случилось найти его под дорожной развязкой аэропорта после первой репетиции собственной смерти. Водитель такси помогал двум потрясенным стюардессам выбраться из маленькой машины, в которую врезался Воан, вынырнув из-за невидимого поворота петли развязки. Я подбежал к месту происшествия и увидел Воана сквозь потрескавшееся ветровое стекло белого кабриолета, который он взял с автостоянки Океанического терминала. Его истощенное лицо и испещренный шрамами рот освещены изломанными радугами. Я вынимаю из рамы смятую пассажирскую дверь. Воан сидит на усыпанном стеклом сиденье, самодовольным взглядом изучая собственную позу. Его руки, лежащие ладонями вверх вдоль тела, покрыты кровью из поврежденных коленных чашечек. Он разглядывает пятна рвоты на манжетах его кожаной куртки, протягивает руку, чтобы прикоснуться к шарикам спермы, прилипшим к приборной панели. Я пытаюсь вынуть его из машины, но тугие ягодицы прочно сжаты, словно их заклинило, когда они выталкивали из семенников последние капли жидкости. Рядом с ним на сиденье лежат изорванные

фотографии киноактрисы, воспроизведенные мною в то же утро в офисе. Увеличенные фрагменты губ, бровей, согнутого локтя складывались в беспорядочную мозаику.

Для Воана автокатастрофа и сексуальность сочетались последним браком. Я вспоминаю ночь – он с нервными молодыми барышнями в разбитых салонах выброшенных на автосвалку машин. И их фотографии в позах некомфортных сношений – жесткие лица и напряженные бедра, освещенные вспышками его поляроида, словно испуганные подводники, чудом выжившие в катастрофе. Эти отчаянные шлюхи, которых Воан встречал в ночных кафе и супермаркетах Лондонского аэропорта, были ближайшими родственницами пациентов, изображенных в его хирургических учебниках. В период практики, ухаживая за покалеченными женщинами, Воан был одержим пузырьками газовой гангрены, травмами лица и повреждениями половых органов.

Воан помог мне открыть истинный смысл автокатастрофы, значение ссадин и переворачивающегося автомобиля, экстаз лобового столкновения. Мы вместе посещали лабораторию дорожных исследований, что в двадцати милях к западу от Лондона, и смотрели на опытные машины, разбиваемые о бетонные монолиты. Позже в своей квартире Воан прокручивал в замедленном темпе ролики об этих испытательных столкновениях, снятых им на кинокамеру. Сидя в темноте на напольных подушках, мы смотрели на беззвучные удары, мерцавшие на стене над нашими головами.

Повторяющиеся последовательности разбиваемых автомобилей сначала успокаивали, а потом возбуждали меня. Проезжая в одиночестве по шоссе под желтым светом фонарей, мне часто случалось представлять себя за рулем этих бьющихся машин.

В следующие месяцы мы с Воаном провели много часов, разъезжая по автострадам вдоль северных границ аэропорта. Спокойными летними вечерами эти скоростные магистрали становились зоной кошмарных столкновений. Настроив приемник Воана на полицейскую волну, мы двигались от аварии к аварии. Мы часто останавливались под прожекторами, пылавшими над местами крупных столкновений, наблюдая за пожарниками и полицейскими механиками – с ручными фонариками и подъемными приспособлениями они освобождают бессознательных жен, заключенных возле своих мертвых мужей, и ждут, пока врач возится возле умирающего человека, пригвожденного перевернутым грузовиком. Иногда Воана оттесняли другие зрители или он дрался за свою камеру с санитарями скорой помощи. Прежде всего Воан ждал лобовых столкновений с бетонными опорами дорожных развязок – меланхолических сочетаний разбитой машины, оставленной на травяной кромке, и безмятежно динамичной скульптуры бетона.

Однажды мы первыми подъехали к смятой машине, за рулем которой была женщина. Средних лет кассирша беспощинного магазина напитков из аэропорта, она, скособочив-

шись, сидела в смятом салоне, лоб, как цветами, инкрустирован осколками битого стекла. Пока приближалась полицейская машина, пульсируя своим огоньком, Воан побежал за камерой и вспышкой. Ослабляя галстук, я беспомощно пытался отыскать травмы на ее теле. Она глядела на меня безмолвно, лежа на боку поперек сиденья. Я смотрел, как кровь окрашивает ее белую блузку. Сделав свой последний снимок, Воан опустился на колени в машине и осторожно взял ее голову в ладони, шепча что-то ей на ухо. Мы вместе помогли уложить ее на носилки скорой помощи.

По дороге домой Воан узнал аэропортовскую шлюху, она ждала перед придорожным рестораном. Работая неполный день билетершей в кинотеатре, она все свободное время посвящала лечению дефекта слуха у ее маленького сына. Как только они устроились на заднем сиденье, она пожаловалась Воану, что я нервно веду машину, но он наблюдал за ее движениями абстрагированным взглядом, почти поощряющим жестикуляции руками и коленями. На пустой крыше Норт-фолкской многоэтажной автостоянки мне пришлось подождать возле балюстрады. На заднем сиденье автомобиля Воан располагал ее конечности в позе умирающей кассирши. Его сильное тело, обвившееся вокруг нее в отраженном свете фар проезжающих мимо машин, трансформировалось, демонстрируя ряд стилизованных поз.

Воан развернул передо мной всю свою одержимость мистическим эротизмом ран: извращенная логика приборных

панелей, залитых кровью ремней безопасности, испачканных экскрементами, солнцезащитных козырьков, забрызганных мозговой тканью. Для Воана каждая разбитая машина излучала дрожь наслаждения: сложной геометрией измятого бампера, неожиданными вариациями расшибленных радиаторных решеток, гротескным нависанием вдавленной в пах водителю панели управления, словно в каком-то тщательно выверенном акте машинной похоти. Глубоко личное время и место отдельного человеческого существа навсегда окаменело здесь, в этой сети хромированных лезвий и изморози стекла.

Через неделю после погребения кассирши, когда мы ночью ехали вдоль западной стороны аэропорта, Воан вильнул к обочине и сбил большую дворнягу. Импульс этого тела – когда собаку пронесило по крыше – как удар молота или стеклянный душ убедили меня, что мы и сами едва не погибли в автокатастрофе. Воан никогда не останавливался. Мне выпадало только наблюдать, как он рванул прочь – его покрытое шрамами лицо почти вплотную прижалось к продырявленному лобовому стеклу, – яростно стряхивая со щек снежинки осколков. Его акты насилия уже стали настолько непредсказуемыми, что мне оставалась лишь роль плененного наблюдателя. Следующим утром на крыше стоянки аэропорта, где мы оставили эту машину, Воан спокойно указал мне на глубокие вмятины на капоте и на крыше. Он уставился на полный пассажиров авиалайнер, взлетающий в за-

падное небо, его желтоватое лицо собралось в кучку, как у тоскливого ребенка. Длинные треугольные канавы на корпусе машины сформировались силой смерти неизвестной твари, ее исчезнувшая сущность проявилась в новой форме этого автомобиля. Как много загадок будет в наших смертях и в смертях сильных и славных мира сего?

Эта первая смерть казалась лишь тенью по сравнению с последующими, в которых участвовал Воан, и с теми воображаемыми, что наполняли его мозг. Пытаясь истощить себя, Воан разработал ужасающий альманах вымышленных автомобильных трагедий и безумных ран – легкие пожилых мужчин, пробитые дверными ручками, грудные клетки молодых женщин, пронзенные рулевыми колонками, щеки юношей, разорванные выступающими частями хромированной автофурнитуры. Для него эти раны были ключами к новой сексуальности, рожденной извращенной технологией. Образы этих ран были развешаны в галерее его сознания, как экземпляры музея бойни.

Сейчас, думая о Воане, тонущем в собственной крови под полицейскими прожекторами, я вспоминаю бесчисленные воображаемые катастрофы, которые он описывал, когда мы вместе курсировали по автострадам вокруг аэропорта. Он мечтал о посольских лимузинах, которые врезаются в сминающиеся танкеры с бутаном, о полных нарядно одетых детей такси, сталкивающихся лоб в лоб перед яркими витринами безлюдных супермаркетов. Он мечтал о разлученных

братьях и сестрах, случайно встречающих друг друга в точке столкновения, на стыках дорог возле нефтеперерабатывающих заводов, когда в этом соединяющемся металле и в протуберанцах их мозговой ткани, расцветающих под алюминиевыми насосными камерами и химическими резервуарами, проявится их бессознательный инцест. Воан измыслил грандиозное цепное столкновение заклятых врагов: смерть и ненависть, торжествующие в пылании топлива в придорожной канаве, в живописном фейерверке на фоне скучного полуденного света провинциальных городов. Он рисовал в своем воображении специальные автокатастрофы для беглых преступников, для проводящих свой выходной день портье, затиснутых между рулем и бедрами любовников, которых они мастурбировали. Он думал об автокатастрофах для молодых людей, сидящих рядышком после удара о прицеп дальнобойного контейнера с сахаром. Он думал об автокатастрофах для автомобильных дизайнеров. Они изранены в своих автомобилях вместе с неразборчивыми лаборантками – самые абстрактные из всех возможных смертей.

Воан разрабатывал бесконечные вариации таких столкновений: капризный ребенок и переутомленный от работы врач воспроизводят свои смерти сначала в лобовом столкновении, а потом – перевернувшись через крышу; отставная проститутка врезается в бетонный парапет автострады, ее тяжеловесное тело прошибает трескающееся стекло, а климактерическое лоно рвется о хромированный фирменный знак

на капоте. Ее кровь оставит росчерк на побеленном цементе вечерней набережной и навсегда отпечатается в памяти полицейского механика, который будет нести части ее тела в желтом пластиковом пакете. В другом варианте Воан видел, как ее бьет сдающий назад грузовик на придорожной бензозаправке, врезавшись в дверь ее машины, когда она наклонилась, чтобы поправить правую туфлю, контуры ее тела похоронены за окровавленной сталью дверцы. Он видел, как она пробивает ограждения эстакады и умирает – как умрет позже и Воан, – вонзившись в крышу аэропортовского автобуса; число его пассажиров увеличится на эту одну близорукую мертвую женщину средних лет. Следующий вариант: ее сбивает проносящееся такси, когда она выходит из машины, чтобы облегчиться в придорожной уборной, ее тело прокатывается с сотню фунтов, разбрызгивая кровь и мочу.

Я теперь думаю о других катастрофах, которые мы воображали, абсурдных смертях раненых, калек и безумцев. Я думаю об автокатастрофах психопатов, неправдоподобных столкновениях, выдуманных в припадках желчного самоотвращения, отвратительных трагедиях, измышленных в угнанных автомобилях на пути вдоль автострад между машин утомленных работой конторщиков. Я думаю об абсурдных автокатастрофах неврастенических домохозяек, возвращающихся из венерологических клиник и врезающихся в припаркованные машины на пригородных проспектах. Я думаю о катастрофах возбужденных шизофреников, сталкива-

ющихся лоб в лоб с припаркованными автофургонами прачечных на улицах с односторонним движением; о депрессивных маньяках, смятых во время бесцельного разворота на дорожной развязке; о неудачливых параноиках, едущих на полной скорости к кирпичным стенам в конце всем известных тупиков; о сиделках-садистках, обезглавленных в перевернутой на опасном перекрестке машине; о лесбиянках – менеджерах супермаркетов, сгорающих в разбитых клетях их миниатюрных автомобильчиков под стоическими взглядами немолодых пожарников; о дебильных детях, сплюснутых в цепном столкновении, – их глаза наименее искалечены смертью; об автобусах с психически недоразвитыми пассажирами, мужественно падающими в придорожные канавы индустриальных отходов.

Задолго до того, как умер Воан, я стал задумываться о своей собственной смерти. С кем я умру и в какой роли – психопата, неврастеника, скрывающегося преступника? Воан бесконечно мечтал о смертях знаменитостей, изобретая для них воображаемые автокатастрофы. Он соткал трудоемкие фантазии вокруг смертей Джеймса Дина² и Альбера Камю, Джейн Мэнсфилд и Джона Кеннеди. Его воображение было тиром, мишенями – киноактрисы, политики, воротилы бизнеса и телеадминистраторы. Воан везде следовал за ними со своей камерой, его линза наблюдала со смотровой площадки Океанического терминала аэропорта, с гостиничных

² Дж. Дин (1931-1955) – американский киноактер. Разбился в автокатастрофе.

балконов и автостоянок киностудий. Для каждого из них Воан разработал оптимальную автосмерть. Онассис и его жена должны были умереть в воссоздании убийства Дили Плаццы. Он видел Рейгана в сложном цепном столкновении, умирающим стилизованной смертью, которая выражала одержимость Воана половыми органами Рейгана, как и его одержимость изысканными прикосновениями нижних губ киноактрисы к капроновым чехлам сидений арендованных лимузинов.

После его последней попытки убить мою жену Кэтрин я знал, что Воан наконец вернулся к своей изначальной идее. В этом перенасыщенном светом королевстве, управляемом насилием и технологией, он сейчас уезжал навсегда со скоростью ста миль в час по пустой автостраде, мимо опустевших автостоянок по кромке диких степей, ожидая единственную встречную машину. Воан представлял весь мир гибнущим в одновременном автомобильном бедствии, миллионы повозок ввергнуты во внеочередной съезд брызжущих чресл и машинного масла.

Я помню мое первое микростолкновение на пустой стоянке автопарка отеля. Потревоженные полицейским патрулем, мы едва завершили поспешное совокупление. Выруливая с автостоянки, я врезался в непобеленное дерево. Кэтрин вырвало над моим сиденьем. Эта лужица рвоты с похожими на жидкие рубины комочками крови все еще остается для меня эссенцией эротического бреда автокатастрофы, более волну-

ющей, чем ее же ректальная и вагинальная влага, столь же чистая, сколь экскременты очаровательной принцессы или микроскопические шарики жидкости, выступающие на выпуклостях ее контактных линз. В этой волшебной лужице, поднимающейся из ее горла, словно редкостное извержение жидкости из источника далекого мистического святилища, я видел собственное отражение – в зеркале из крови, спермы и рвоты изо рта, который всего лишь несколько минут назад плотно облегал мой пенис.

Теперь, когда Воан умер, мы будем жить вместе с другими, с теми, кто собрался вокруг него, как толпа вокруг калек, чья искаженная осанка открывает тайные формулы их собственных мыслей и жизней. Все мы, кто знал Воана, принимаем извращенный эротизм автокатастрофы, причиняющий такую же боль, какую причиняет хирург, извлекая больной орган из глубины человеческого организма. Я смотрел на совокупающиеся пары, движущиеся вдоль темных ночных автострад: мужчины и женщины на грани оргазма. Их машины мчатся по заманчивым траекториям к вспыхивающим фарам встречного потока. Одинокие молодые люди за рулями своих первых автомобилей – развалин, подобранных на автостоянке, – мастурбируют, двигаясь на истертых шинах к своему бесцельному месту назначения. Чудом удастся избежать столкновения на перекрестке, и семя брызжет на треснувшее окошко спидометра. Позже высохшие остатки этого же семени вытрутса лакированными волосами женщины,

лежащей поперек его бедер, обхватившей губами его член, правая рука на руле направляет автомобиль сквозь тьму к многоуровневой дорожной развязке, тормоз на вираже вытягивает из него семя в момент, когда он задевает боком кузов тяжелого грузовика, нагруженного цветными телевизорами, левой рукой он подталкивает ее клитор к оргазму, а фары грузовика неодобрительно мигают уже в зеркале заднего вида. Еще позже он наблюдает за другом, который на заднем сиденье уже слился в едином порыве с девочкой-подростком. Замасленные руки механика демонстрируют ее ягодицы пронесшимся мимо рекламным щитам. По сторонам в свете фар проносится мимо мокрое шоссе, кричат тормоза. Сперма брызжет в поношенную пластиковую крышу автомобиля, помечая ее желтую поверхность, ствол его члена вышпашается над девушкой, поблескивая в темноте.

Уехала последняя скорая. За час до этого киноактрису посадили в ее лимузин. В вечернем свете белый цемент зоны столкновения под эстакадой напоминал секретную взлетную полосу, с которой в металлическое небо будут уходить загадочные машины. Стекланный аэроплан Воана летал где-то над головами утомленных зрителей, возвращающихся в свои автомобили, над усталыми полицейскими, собирающими смятые чемоданы и сумки авиапассажиров. Я думал о теле Воана, теперь холодеющем; его ректальная температура падала по той же нисходящей, что и у других жертв катастрофы. В вечернем воздухе эта кривая падала вместе с кри-

вой температуры карнизов офисных небоскребов и жилых домов города и теплых выделений киноактрисы, которыми пропитался ее гостиничный халат.

Я ехал обратно мимо аэропорта. Огни вдоль Западного проспекта освещали машины, дружно несущиеся на свой праздник телесных повреждений.

Я начал понимать истинное очарование автокатастрофы после своей первой встречи с Воаном. Передвигаясь на паре изрезанных неровных ног, неоднократно поврежденных в том или ином транспортном столкновении, грубая и обескураживающая фигура этого хулиганствующего ученого вошла в мою жизнь, когда его одержимость лишь наполовину выдавала в нем безумца.

Омытым дождем, июньским вечером я ехал с Шефертонской киностудии. Мою машину занесло возле въезда на эстакаду Западного проспекта. Пару секунд меня несло на встречную полосу со скоростью шестидесяти миль в час. Когда машина ударилась о бровку разделительной полосы, правую шину спустило и сорвало с обода. Непослушная машина пересекла разделительную линию и пошла по скоростной полосе. Приближались три машины, седаны, точную модель, окраску и внешние аксессуары которых я все еще помню с мучительной точностью неизбежно повторяющегося ночного кошмара. Первые две я объехал, тормозя и еле выруливая между ними. В третью, везущую женщину-врача и ее мужа, я врезался в лоб. Мужчина, инженер-химик американской пи-

щевой компании, был убит мгновенно, вытолкнутый сквозь лобовое стекло, как матрац из жерла цирковой пушки. Он умер на капоте моей машины, его кровь брызнула сквозь трещины в ветровом стекле мне на лицо и грудь. Пожарники, которые позже вырезали меня из смятой кабины моего автомобиля, думали, что я смертельно ранен и истекаю кровью.

Я был ранен легко. На пути домой, после встречи с моей секретаршей Ренатой, которая была рада освободиться от обременительных отношений со мной, я был все еще пристегнут ремнем безопасности, который я неохотно закрепил, чтобы избавить ее от необходимости формального прощального объятия. Моя грудь была покрыта синяками от удара о руль, коленные чашечки разбились о приборную панель, когда мое тело дернулось вперед, к столкновению с интерьером моей машины, но мое единственное серьезное увечье – оторванное в черепе нервное окончание.

Те же таинственные силы, которые не позволили рулевой колонке проткнуть меня, спасли и молодую жену инженера. Она почти не пострадала, если не считать синяков на верхней челюсти и нескольких выбитых зубов. В первые часы в Эшфордской больнице в моем мозгу рисовался единственный образ – мы, обращенные лицом к лицу и запертые каждый в своей машине, и тело ее умирающего мужа, лежащее между нами на моем капоте. Не в силах пошевелиться, мы смотрели друг на друга через треснувшие стекла. Рука ее мужа, находящаяся не более чем в нескольких дюймах от ме-

ня, лежала вверх ладонью возле правого дворника. Во время полета тела с сиденья на мой капот, рука ударилась обо что-то твердое, и пока я сидел в машине, на ней вырисовывался знак, сформированный в громадный кровоподтек, – знак тритона с эмблемы на моем радиаторе.

Поддерживаемая диагональным ремнем безопасности, его жена сидела за рулем, уставившись на меня с формальным любопытством, словно ее занимал вопрос: что послужило причиной нашей встречи? Симпатичное лицо увенчано широким лбом интеллектуалки, глаза смотрели бессмысленным и безответным взглядом мадонны с иконы раннего Ренессанса. Она силилась постичь чудо или кошмар, изошедший из ее лона. Только раз на лице промелькнула тень эмоций, когда она, кажется, впервые ясно увидела меня, и ее рот перекосил правую сторону лица, словно кто-то дернул струну нерва. Сознавала ли она, что кровь, покрывающая мои грудь и лицо, принадлежала ее мужу?

Кольцо зрителей окружило нашу машину. Их безмолвные лица выглядели чрезвычайно серьезно. После короткой паузы все вокруг взорвалось маниакальной деятельностью. Запели шины, полдюжины машин съехали к краю шоссе, некоторые облепили разделительную полосу. Вдоль Западного проспекта образовалась огромная пробка, завывли сирены, и полицейские фары отразились на задних бамперах выстроившихся вдоль эстакады машин. Пожилой мужчина в прозрачном полиэтиленовом дождевике неуверенно дергал руч-

ку задней двери у меня за спиной, словно опасаясь, что машина может ударить его мощным электрическим разрядом. Девушка с шотландским пледом в руках прижала голову к окну. С расстояния в несколько дюймов она смотрела на меня, сжав губы, словно плакальщица, вглядывающаяся в тело, распростертое в открытом гробу.

Не ощущая в этот момент никакой боли, я сидел, держась правой рукой за перекладину руля. Все еще пристегнутая ремнем безопасности, жена мертвеца приходила в себя. Небольшая группа людей – водитель грузовика, солдат в униформе и продавщица мороженого – прикасались к ней через окно, очевидно, пытаясь дотронуться до отдельных частей ее тела. Она отстранила их жестом и освободилась от упряжи ремня безопасности, повозившись неповрежденной рукой в хромированном фиксирующем механизме. На секунду я почувствовал, что мы – исполнители главных ролей в какой-то угрюмой пьесе обходящегося без репетиций театра технологий, в которой участвуют эти разбитые машины, мертвец, уничтоженный в столкновении, и сотни водителей, толпящихся возле сцены.

Женщине помогли выбраться из машины. Ее неуклюжие ноги и угловатые движения головы, казалось, повторяли искаженную обтекаемость двух автомобилей. Прямоугольный капот моей машины был вырван из гнезда под ветровым стеклом, и моему измотанному разуму казалось, что острый угол между капотом и крылом повторяется во всем вокруг

меня – в выражениях лиц и позах зрителей, восходящем пандусе эстакады, в траекториях авиалайнеров, поднимающихся с далеких взлетных полос аэропорта. Человек с оливковой кожей в темно-синей униформе пилота арабских авиалиний осторожно отвел женщину от машины. По ее ногам произвольно струилась тонкая струйка мочи, сбегая на дорогу. Пилот заботливо придерживал ее за плечи. Стоящие возле своих машин зрители смотрели, как на заляпанном маслом битуме формируется лужица. В угасающем вечернем свете вокруг ее слабых щиколоток закружились радуги. Она обернулась и устремила на меня взгляд, покрытое синяками лицо отчетливо выражало смесь участия и враждебности. Однако все, что я мог видеть, – странную геометрию ее бедер, вывернутых ко мне в деформированном ракурсе. И даже не сексуальность этой позы задержалась в моей памяти, а стилизация ужасных событий, захвативших нас, экстремумы боли и насилия, ритуализированные в этом жесте ее ног, напоминающем гротескный пируэт умственно отсталой девочки, которую я как-то видел в соответствующем заведении на сцене в рождественской пьесе.

Я обеими руками вцепился в руль, стараясь сидеть спокойно. Мою грудь, едва позволяя пробиться дыханию, сотрясала непрерывная дрожь. Сильная рука полицейского держала меня за плечо. Второй полицейский положил свою плоскую шапочку на капот моего автомобиля возле мертвеца и начал возиться с дверью. Лобовой удар смял переднюю часть

пассажирского салона, заклинив дверные замки.

В салон протиснул руку санитар скорой помощи и разрезал мой правый рукав. Молодой человек в темной униформе вытащил мою руку через окно. Когда тонкая игла впилась в руку, я подумал, был ли этот врач, казавшийся не более чем слишком крупным ребенком, достаточно взрослым, чтобы иметь профессиональную квалификацию.

До больницы меня сопровождала тревожная эйфория. Меня вырвало на рулевое колесо при попытке пробиться сквозь серию полусознательных неприятных фантазий. Два пожарника срезали дверь с петель. Уронив ее на дорогу, они уставились на меня, как ассистенты раненого тореадора. Даже мельчайшие их движения казались схематическими, руки тянулись ко мне в последовательности кодированных жестов. Если бы один из них расстегнул грубые полотняные брюки, обнажая половые органы, и втиснул свой пенис в окровавленную щель моей подмышки, то даже это чудовищное действие было бы приемлемым в условиях стилизации насилия и освобождения. Я ждал, чтобы кто-нибудь приободрил меня, сидящего там, облаченного в кровь другого человека, пока моча его молодой вдовы радужно переливалась под ногами моих спасителей. Следуя этой кошмарной логике, пожарники, бегущие к пылающим останкам разбитых авиалайнеров, могли бы писать неприличные или юмористические лозунги пеной своих огнетушителей на опаленном бетоне, палачи могли бы одевать своих жертв в гротеск-

ные костюмы. Взамен жертвы могли бы стилизовать вход в мир иной, иронически целуя приклады орудий своих палачей, оскверняя воображаемые знамена. Хирурги небрежно черкали бы себя скальпелем, прежде чем сделать первый надрез, жены небрежно бормотали бы имена своих любовников в момент оргазма их мужей, шлюха, облизывая пенис клиента, могла бы без обиды откусить маленький кусочек ткани с кончика его головки. Так же больно укусила меня как-то усталая проститутка, раздраженная моей неуверенной эрекцией. Мое поведение во время переживаемых тогда ощущений напоминает мне схематические жесты санитаров скорой помощи и работников бензозаправочных станций каждого со своим набором типичных или индивидуальных движений.

Позже я узнал, что Воан коллекционирует в своих фотоальбомах гримасы сиделок. Их темная кожа отражала весь тайный эротизм, возбуждаемый в них Воаном. Их пациенты умирали между двумя мягкими шагами их резиновых подошв, когда контуры их бедер соприкасались, смещаясь в дверях палаты.

Полицейские вынули меня из машины и уложили на носилки. Наконец я почувствовал себя оторванным от реальности этой аварии. Я попытался сесть на носилках и снял одеяло с ног. Молодой врач толкнул меня обратно, ударив в грудь ладонью. Удивленный его раздражением, я послушно лег на спину.

Покрытое тело мертвеца подняли с капота моей машины. Сидя, как обезумевшая мадонна, в дверях другой кареты скорой помощи, его жена бездумно глядела на вечерний поток машин. Рана на правой щеке медленно формировала ее лицо – это поврежденные ткани напитывались собственной кровью. Я уже осознал, что сцепившиеся радиаторные решетки наших автомобилей сложились в модель неизбежного и извращенного союза между нами. Я уставился на очертания ее бедер. На сером одеяле над ними возвышалась изящная дюна, хранительница прекрасного сокровища – ее лобка. Это опрятное возвышение и нетронутая сексуальность столь интеллигентной женщины затмили собой трагические события вечера.

Резкие голубые огни полицейских машин вертелись в моем мозгу все три недели, пока я лежал в пустой палате больницы скорой помощи возле Лондонского аэропорта. В этих спокойных местах, отведенных под рынки подержанных автомобилей, водные резервуары и тюремные комплексы, окруженных автострадами, обслуживающими Лондонский аэропорт, я начал оправляться от аварии. Две палаты по двадцать четыре койки – максимальное число предполагаемых выживших – были постоянно зарезервированы для возможных жертв авиакатастрофы. Одну из них и занимали пострадавшие в аварии.

Не вся кровь, покрывавшая меня, принадлежала убитому мной человеку. Доктор-азиат в больнице скорой помощи об-

наружил, что обе мои коленные чашечки перебиты о приборную панель. Длинные спицы боли тянулись по внутренней стороне бедер в пах, словно по венам моих ног протягивали тонкие стальные катетеры.

Через три дня после первой операции на колене я подхватил какую-то незначительную больничную инфекцию. Я лежал в пустой палате, занимая койку, по праву принадлежавшую жертве авиакатастрофы, и беспорядочно думал о ранах и болях, которые она должна была бы испытывать. Пустые кровати вокруг меня помнили сотни историй столкновений и невозможных утрат, говорили о ранах на языке авиационных и автомобильных катастроф. Две медсестры двигались по палате, поправляя постели и наушники над кроватями. Эти подвижные девушки правили службу в соборе невидимых травм, их расцветающая сексуальность царила над ужаснейшими повреждениями лиц и половых органов.

Они поправляли повязки на моих ногах, а я слушал, как из Лондонского аэропорта взлетают самолеты. Геометрия этих сложных машин для пыток, казалось, имела какое-то отношение к округлостям и очертаниям тел этих девушек. Кто будет следующим обитателем этой кровати? Какая-нибудь банковская кассирша средних лет, направлявшаяся на Балеарские острова, с играющим в голове джином и лоном, увлажненным от близости сидящего рядом с ней уставшего от жизни вдовца? После аварии на взлете в Лондонском аэропорту ее тело будет на долгие годы отмечено ударив-

шей ей в живот ручкой сиденья. Каждый раз, выскальзывая в уборную в провинциальном ресторане, когда ослабевший пузырь будет взывать к изношенному мочеиспускательному каналу, во время каждого полового акта со своим страдающим простатитом мужем она будет вспоминать несколько сладостных секунд перед катастрофой. Ее воображаемая супружеская неверность навсегда отпечатается в этих травмах.

Задумывалась ли когда-нибудь моя жена, каждый вечер посещая палату, какое эротическое приключение привело меня на эстакаду Западного проспекта? Когда она сидела около меня, производя своими пронизательными глазами инвентаризацию анатомических частей моего тела, еще оставшихся в ее распоряжении, я был уверен, что она читала в шрамах на моих ногах и груди ответ на свой невысказанный вопрос.

Вокруг меня сновали санитарки, исполняя свою причиняющую боль работу. Когда они сменяли дренажные трубки на моих коленях, я пытался не вытошнить вводимое мне достаточно сильное болеутоляющее. Оно не ослабляло моих страданий. Только крутой нрав санитарок помогал мне совладать с собой.

Врач, молодой блондин с огрубевшим лицом, осмотрел травмы на моей груди. В нижней части грудной клетки, там, где работающий мотор вытолкнул в салон клаксон, кожа была изодрана. Мою грудь украшал полукруглый синяк – мраморная радуга от соска к соску. В течение следующей недели

эта радуга прошла через последовательность оттенков, напоминая цветовой спектр образцов автомобильных лаков. Глядя на себя, я понял, что по узору моих повреждений автоконструктор мог бы точно определить марку и год выпуска моей машины. Очертания руля запечатлелись на груди, приборная панель отпечаталась на коленях и берцовых костях. Импульс столкновения между мной и интерьером салона автомобиля был закодирован в этих ранах, как очертания женского тела оставляют след на теле партнера в течение нескольких часов после полового акта.

На четвертый день без очевидной причины мне перестали вводить болеутоляющее. Меня все утро рвало в эмалированную посудину, которую держала перед моим лицом медсестра. Она смотрела на меня добродушным, но неподвижным взглядом. Я прижимался щекой к холодной кромке почкообразной посуды. Ее гладкую поверхность пересекала маленькая жилка крови какого-то безымянного предыдущего больного.

Когда меня рвало, я прислонялся лбом к сильному бедру медсестры. Возле моего покрытого синяками рта ее уставшие пальцы странно контрастировали с юной кожей. Я заметил, что думаю о ее половых губах. Когда она в последний раз мыла эту влажную ложбинку? По мере моего выздоровления подобные вопросы все чаще овладевали мной во время бесед с врачами и медсестрами. Когда они в последний раз ополаскивали половые органы? Оставались ли

на их задних проходах частички фекалий? Пропитывал ли их белье аромат прелюбодеяния, когда они ехали из больницы домой? Сочетались ли браком следы спермы и вагинальной слизи на их руках с выплеснувшимся в неожиданной автокатастрофе охладителем для мотора? Пока несколько нитей зеленой рвотной массы сочились в посудину, я ощущал теплые контуры бедра девушки. Шов на ее льняном полосатом платье разошелся и был зашит несколькими стежками черных хлопчатобумажных ниток. Я заметил змеевидные следы поноса на округлой поверхности ее левой ягодицы. Их спиральные очертания казались столь же деспотичными и значащими, сколь повреждения моих ног и груди.

Автокатастрофа высвободила из моего сознания эту одержимость сексуальными возможностями всего, что меня окружало. Я представлял себе палату, наполненную выздоравливающими авиапассажирами, а в голове каждого – целый бордель образов. Столкновение наших двух автомобилей было моделью казалось бы элементарного, но все же невообразимого сексуального единения. Меня манили травмы еще не прибывших пациентов – необъятная энциклопедия податливого воображения.

Казалось, Кэтрин ощущала присутствие этих фантазий. Во время ее первых визитов я был еще в шоке, и она познакомилась с планировкой и атмосферой больницы, обмениваясь добродушными шуточками с врачами. Когда медсестра унесла мою рвоту, Кэтрин деловито подтащила к изголо-

вью кровати металлический столик и выгрузила на него кипу журналов. Она села возле меня, пробежала быстрым взглядом по небритому лицу и поддрагивающим рукам.

Я попытался улыбнуться. Швы на моей голове – второй прибор на дюйм левее настоящего – мешали мне изменить выражение лица. В небольшом зеркале, которое подносили к моему лицу медсестры, я напоминал настороженного акробата, испуганного собственным искаженным скелетом.

– Извини, – я прикоснулся к ее руке, – я, наверное, кажусь слишком замкнутым.

– С тобой все в порядке, – сказала она. – Абсолютно. Ты похож на одну из жертв в музее Мадам Тюссо.

– Попробуй зайти завтра.

– Я найду, – она прикоснулась к моему лбу, робко разглядывая рану на голове. – И принесу тебе косметику. Наверное, косметические услуги здесь предоставляют только в Эшфордском морге.

Я взглянул на нее радостнее. Проявления теплоты и супружеского участия меня приятно удивили. Умственная дистанция между моей работой на коммерческой телестудии в Шефертоне и ее молниеносной карьерой в отделе заграничных путешествий компании «Пан-Американ» в последние годы все больше разделяла нас. Кэтрин брала сейчас летные уроки и создала с одним из своих приятелей маленькую туристическую чартерную авиафирму. Этой деятельностью она занималась весьма целеустремленно, произволь-

но подчеркивая свою независимость и самодостаточность, словно она застолбила участок земли, который скоро невероятно поднимется в цене. Я на все это отреагировал, как большинство мужей, быстро развивая обширный запас забытых отношений. Слабое, но отчетливое жужжание ее маленькой авиации в конце каждой недели пересекало небо над нашим домом – набат, задававший тон нашим взаимоотношениям.

Палату пересек врач-блондин, кивнув Кэтрин. Она отвернулась от меня, обнажив при этом бедра вплоть до самого выпуклого лобка, что дало возможность вычислить сексуальный потенциал этого молодого врача. Я заметил, что она была одета скорее для приятного ужина с администратором авиалинии, чем для посещения больного мужа. Позже я узнал, что в аэропорту ее донимали офицеры полиции, расследующие случаи смерти на дорогах. Очевидно, авария и любые возможные обвинения в непреднамеренном убийстве, предъявленные мне, делали ее чем-то вроде знаменитости.

– Эта палата предназначена для жертв авиакатастрофы, – сказал я Кэтрин. – Кровати ждут.

– Если наш самолет в субботу спикирует, ты сможешь проснуться и увидеть меня на соседней койке.

Кэтрин осмотрела пустые кровати, возможно, представляя каждую возможную травму.

– Завтра ты уже встанешь. Они хотят, чтобы ты ходил. – Я уловил ее сочувствующий взгляд. – Бедняга. За что тебя

так? Может, ты с ними поссорился?

Я пропустил это замечание мимо ушей, но Кэтрин добавила:

– Жена погибшего мужчины – врач, доктор Елена Ремингтон.

Скрестив ноги, она погрузилась в процесс прикуривания сигареты, чиркая незнакомой зажигалкой. У какого нового любовника она одолжила этот уродливый механизм, явно мужской? Сработанная из гильзы авиаснаряда, она больше напоминала оружие. Уже много лет я наблюдаю за связями Кэтрин, они проявлялись буквально в течение нескольких часов после ее первого полового акта с новым партнером. Я просто отмечаю любые новые физические или душевные штрихи – внезапный интерес к какому-нибудь третьесортному вину или кинорежиссеру, новый поворот курса в водах авиационной политики. Часто я мог угадать имя ее последнего любовника задолго до того, как она выдавала его в кульминации нашего совокупления. Эта дразнящая игра нужна была нам обоим. Лежа вместе, мы воспроизводили случайную встречу, от первых слов на вечеринке в аэропорту до самого соития. Кульминацией этих игр было имя последнего партнера по прелюбодеянию. Умалчивание до последнего о факте существования любовника всегда заканчивалось наиболее изысканным оргазмом для нас обоих. Было время, когда я чувствовал, что эти связи служили лишь для того, чтобы поставлять сырье для наших эротических игр.

Глядя, как дым ее сигареты расстилается над пустой палатой, я спрашивал себя, с кем она провела последних несколько дней. Возможно, мысль о том, что ее муж убил другого человека, придала неожиданное величие ее прелюбодеянию, которое совершилось, вероятно, на нашей кровати возле тумбочки с серебристым телефоном, принесшим первые известия о моей аварии. Так элементы новых технологий стали связующими звеньями в нашей страсти.

Раздраженный шумом аэропорта, я присел, опершись на локоть. Из-за синяков на груди мне было больно дышать. Кэтрин глядела на меня взволнованно, очевидно, чувствуя, что я могу умереть прямо у нее на глазах. Она вставила мне в рот сигарету. Я неуверенно затянулся дымом с привкусом герани. Теплый кончик сигареты со следами розовой помады, поднесенный к моему рту уникальным телодвижением Кэтрин, наваял забытый мною в феноловом духе больницы аромат воспоминаний. Кэтрин потянулась за сигаретой, но я ухватился за нее, как ребенок. Лоснящийся, чуть липкий фильтр напоминал мне о ее сосках, слегка подкрашенных помадой, которые я прижимаю к лицу, к рукам, к груди, воображая, что на месте их отпечатков остаются раны. Однажды мне снился кошмар, будто бы она дает жизнь ребенку дьявола, а из ее набухших грудей брызжет разжиженный кал.

В палату вошла темноволосая медсестра-студентка. Улыбнувшись моей жене, она откинула одеяло и взяла у меня между ног бутылку с мочой. Оценивая уровень ее со-

держимого, она набросила одеяло обратно мне на ноги. На конце моего пениса сразу же задрожала капля; я с трудом контролировал сфинктер, онемевший от анестезии. Лежа с ослабленным мочевым пузырем, я спрашивал себя, почему после этой трагической аварии, повлекшей за собой смерть неизвестного молодого человека – его личность, несмотря на все вопросы, на которые мне ответила Кэтрин, оставалась для меня загадкой, словно на беспричинной дуэли я убил анонимного оппонента, – все женщины, окружавшие меня, обращали внимание только на наиболее инфантильные части моего тела. Медсестры, которые выливали мою мочу и обрабатывали кишки хитроумными приспособлениями клизм, которые доставали мой пенис из ширинки пижамы и поправляли дренажные трубки на моих коленях, которые снимали гнойные повязки с черепа и вытирали мне рот жесткими руками, эти накрахмаленные женщины, исполняющие каждая свою роль обслуживающий персонал моих отверстий, напоминали мне тех, кто ухаживал за мной в детстве. Медсестра-студентка двигалась вокруг моей кровати – упругие бедра под льняным халатом, – не сводя глаз с эффектной фигуры Кэтрин. Подсчитывала ли она, сколько любовников было за время, прошедшее после аварии, у Кэтрин, возбужденной странной позой своего мужа на этой кровати, или – более банально – стоимость ее дорогого костюма и драгоценностей? Кэтрин же совершенно откровенно разглядывала фигуру девушки. Она с нескрываемым интересом

оценивала очертания бедер и ягодиц, груди и подмышек, и их связь с хромированной арматурой спиц на моих ногах – абстракционистской скульптурой, созданной для того, чтобы подчеркнуть изящество ее фигуры. Сознание Кэтрин было опутано интересными лесбийскими нитями. Часто, когда мы занимались любовью, она просила, чтобы я представил ее в отношениях с другой женщиной, например, с ее секретаршей Карен, неулыбчивой девушкой с серебристой помадой, которая на рождественской вечеринке у них в офисе беспрестанно неподвижно глядела на мою жену, словно гончий пес, предвкушающий сладость случки. Кэтрин часто спрашивала меня, как бы ей позволить Карен совратить себя. Я посоветовал ей вместе с девушкой сходить в универмаг и попросить Карен помочь выбрать нижнее белье. Я ждал их среди вешалок с ночными рубашками возле примерочной, время от времени бросая взгляд за занавеску, и видел их вместе, их тела и пальцы, вовлеченные в мягкую технологию грудей Кэтрин и фасонов бюстгалтеров, разработанных для того, чтобы подчеркнуть то или иное достоинство предмета женской гордости. Карен чрезвычайно ласково прикасалась к моей жене, легонечко притрагиваясь кончиками пальцев сначала к плечам возле розовых желобков, оставленных бельем, потом к спине, где в кожу впечатался медальон металлической застежки лифчика, и наконец, к ложбинке между упругими грудями Кэтрин. Моя жена стояла почти в транс-состоянии, бормоча что-то себе под нос, когда указа-

тельный палец Карен касался ее соска.

Я думал об утомленном взгляде, который бросила на меня продавщица, женщина средних лет с маленьким лицом развращенной куклы, когда эти две молодые женщины уходили, задернув занавеску, словно закончилась некая сексуальная пьеска. Выражение ее лица наталкивало на мысль, что не только я знал о происходящем за ширмой и что эти кабинки часто используются для подобных целей. Но едва ли она догадывалась, что я и Кэтрин будем позже использовать этот опыт для наших удовольствий. Когда я сидел возле своей жены в машине, мои пальцы двигались по приборной панели, включая зажигание, поворотные огни, выбирая передачу. Я осознал, что почти в точности моделирую движения женщин и передаю их машине в соответствии с тем, как Карен прикасалась к телу Кэтрин. Ее угрюмый эротизм, элегантная дистанция, которую она сохраняла между кончиками своих пальцев и сосками моей жены, были воспроизведены между мной и машиной.

Неугасающий эротический интерес Кэтрин к ее секретарше, казалось, настолько же распространялся на идею заняться с ней любовью, насколько и на физическое удовольствие от полового акта как такового. Так или иначе, эти поиски начали придавать нашим взаимоотношениям все более абстрактный оттенок. Скоро она оказалась не в состоянии достичь оргазма без замысловатых фантазий о лесбийском акте с Карен: она ласкает ее клитор языком, ее соски напряже-

ны, пальцы прикасаются к аппетитной попке. Ее воображение, казалось, направлено на поиск новых объектов, а, возможно, она была началом новой сексуальности, абстрагированной от любого мыслимого физического выражения.

Я допускал, что она по меньшей мере однажды занималась любовью с Карен, но мы уже достигли точки, где это перестало что-либо значить и не имело отношения ни к чему, кроме нескольких квадратных дюймов влагалищных желез, ногтей и синяков на губах и сосках. Лежа в больничной палате, я смотрел, как Кэтрин оценивающе рассматривает изящные ноги и сильные ягодицы практикантки, темно-синий пояс, подчеркивающий ее талию и широкие бедра. Я ожидал, что Кэтрин протянет ладонь и положит на грудь девушки или юркнет под ее короткую юбку, скользнув ребром ладони между большими губами в липкую промежность. Далекая от того, чтобы взвизгнуть от возмущения или даже удовольствия, медсестра, вероятно, будет продолжать заниматься своими больничными обязанностями, не тронутая этим сексуальным порывом, заслуживающим не больше внимания, чем самое банальное устное замечание.

Кэтрин вытащила из сумки картонную папку. Я узнал проект коммерческого телеролика, который я готовил. Для этого дорогостоящего клипа – тридцатисекундного рекламного ролика новейшей спортивной модели Форда – мы надеялись пригласить одну из множества знаменитых актрис. В день моей аварии я присутствовал на конференции с при-

глашенной постановщицей Аидой Джеймс. По счастливому стечению обстоятельств одна из актрис, Элизабет Тейлор, как раз собиралась начать съемки в новом художественном фильме в Шефертоне.

– Аида звонила, чтобы сказать, как она сожалеет о случившемся. Ты можешь еще раз взглянуть на проект? Она внесла кое-какие изменения.

Я раскрыл папку, но перед тем посмотрел на свое отражение в зеркальце Кэтрин. Защемленный в голове нерв переломил линию моей правой брови, которая нависла, как черная повязка пирата, скрывая от меня мой новый характер. Этот странный козырек, очевидно, скрадывал меня всего. Я вглядывался в свое бледное лицо манекена, пытаюсь прочесть его черты. Эта гладкая кожа, казалось, принадлежала персонажу какого-то фантастического фильма, который покинул летательный аппарат и ступил на светящуюся почву незнакомой планеты. В любой момент моя кожа могла соскользнуть.

Повинуясь порыву, я спросил:

– Где машина?

– Внизу, на больничной стоянке.

– Что? – я приподнялся на локте, пытаюсь выглянуть в окно. – Моя машина, а не твоя.

Я представил себе ее, установленной в качестве назидательного экспоната под окнами операционных.

– Она разбита вдребезги. Полиция отвезла ее на стоянку возле отделения.

– Ты ее видела?

– Сержант просил меня опознать ее. Он не поверил, что ты остался жив. – Она смяла сигарету. – Мне жаль мужа доктора Ремингтон.

Я многозначительно посмотрел на часы над дверью, надеясь, что она скоро уйдет. Это фальшивое соболезнование мертвому мужчине раздражало меня. Явно всего лишь повод для упражнения в нравственной гимнастике. Бесцеремонность молодых медсестер была частью той же пантомимы сожаления. Я часами думал об убитом, представляя себе, как скажется эта смерть на его жене и детях. Я думал о безумных миллисекундах боли и бессилия, о последних мгновениях его жизни, куда он был катапультирован из приятной домашней интерлюдии к концертине металлической смерти. Такие ощущения жили в сфере моих взаимоотношений с мертвым человеком, в сфере реальности моих израненных ног и груди, в незабываемой сфере столкновения моего тела с интерьером автомобиля. По сравнению с этим карикатурное горе Кэтрин было не более чем схематическим жестом – она могла разразиться трагической арией, хлопнуть себя по лбу, прикоснуться к каждому второму температурному графику в палате, включать наушники, висящие над кроватями.

В то же время я знал, что мои чувства к мертвому человеку и его жене уже носили оттенок некой неопределенной враждебности, полусформировавшейся мечты об отмщении.

Кэтрин смотрела, как я перевожу дыхание. Я взял ее ле-

вую руку и прижал к своей грудной клетке. В ее изощренном представлении я уже становился чем-то вроде эмоциональной видеокассеты, занявшей место в одном ряду со всеми теми, которые освещали трагические эпизоды нашей жизни, представляли сцены боли и насилия – теленовости о войнах и студенческих выступлениях, стихийных бедствиях и произволе полиции, которые мы мимоходом смотрели по нашему цветному телевизору в спальне, мастурбируя друг друга.

Это насилие, пережитое в стольких повторях, стало близко ассоциироваться с нашими сексуальными отношениями. Драки и пожары в наших мозгах сочетались браком со сладостной дрожью наших эрегирующих тканей; пролитая студентами кровь – с вязкой жидкостью, истекающей из половых органов и орошающей наши пальцы и рты. Даже моя собственная боль, когда я лежал на больничной койке, а Кэтрин устанавливала стеклянный сосуд для мочи между ног, задевая пенис крашеными ногтями, даже спазматические вспышки, охватившие мою грудь, казались продолжением того реального мира насилия, успокоенного и прирученного до рамок наших телепрограмм и журнальных страниц.

Кэтрин оставила меня отдыхать, прихватив с собой половину цветов, которые она принесла. Под взглядом стоящего в дверях старшего из врачей-азиатов она замешкалась в ногах моей кровати, улыбнувшись мне с внезапной теплотой, словно сомневаясь, увидит ли она меня снова.

В палату вошла сестра с чашкой в руке. Это была новая сотрудница отделения скорой помощи, хорошо сохранившаяся женщина лет под сорок. После теплого приветствия она откинула одеяло и стала осматривать повязки, скользя серьезным взглядом вдоль очертаний синяков. Один раз я поймал ее взгляд, но она, невозмутимо посмотрев мне в глаза, вернулась к своей работе – она как раз водила губкой возле бинта, который шел от опоясывающей меня повязки в пах. О чем она думала – о вечерней трапезе мужа, о приболевших детях? Различала ли она автозапчасти, оттиснутые, как печатная матрица, на моей коже? Может быть, она пыталась угадать марку машины, оценивая массу корпуса и наклон рулевой колонки?

– С какой стороны вам его положить?

Я посмотрел вниз. Она держала мой вялый пенис большим и указательным пальцами, ожидая моего решения – с какой стороны он должен лежать: слева или справа от центрального бинта.

Пока я обдумывал эту странную задачу, мой пенис охватила короткая вспышка первой после аварии эрекции, слегка ослабив напряжение ее тонких пальцев.

Этот поощрительный толчок, от которого налился мой член, почти буквально поднял меня с больничной койки. Через три дня я уже ковылял в физиотерапевтическое отделение, выполняя поручения медсестер, и околачивался в ординаторской, пытаюсь болтать с утомленными врачами. Сквозь

грустную эйфорию, сквозь тревожную вину за убитого мною человека пробивалось ощущение живительной силы секса. Неделя, прошедшая после аварии, провела меня через лабиринт боли и безумных фантазий. Рутинная повседневная жизнь, с ее приглушенными драмами, притупила или стерла мою естественную способность бороться с физическими травмами. Эта катастрофа была моим единственным реальным опытом за многие годы. Впервые я оказался в физической конфронтации с собственным телом – неисчерпаемой энциклопедией боли и выделений, – с враждебными взглядами других людей и с фактом убийства. После бесконечной бомбардировки пропагандой безопасности дорожного движения попасть в настоящую аварию было для меня почти облегчением. Подстрекаемый, как и все мы, этими плакатными разглагольствованиями и телефильмами о воображаемых авариях, я испытывал смутный дискомфорт от того, что чудовищная кульминация моей жизни отрететирована много лет назад и наступит на какой-то автостраде или дорожной развилке, известной только создателям этих фильмов. Иногда я даже пытался вообразить себе, в катастрофе какого типа я умру.

Меня послали в рентгенографическое отделение. Симпатичная девушка, обсуждавшая со мной состояние киноиндустрии, фотографировала мои колени. Мне нравилась эта беседа – контраст между ее идеалистическими представлениями о коммерческих художественных фильмах и прозаично-

стью, с которой она управляла своим причудливым оборудованием. Как у всех лаборанток, было что-то клинически сексуальное в ее полном теле, облаченном в белый халат. Сильные руки разворачивали мое тело, укладывая ноги, словно я был какой-то громадной куклой на шарнирах, одним из тех человекообразных манекенов, снабженных всеми мыслимыми отверстиями и болевыми реакциями.

Я лежал на спине. Она сконцентрировалась на работе прибора. Под халатом вздымалась левая грудь – округлость начиналась под ключицей. Где-то в этом коконе из нейлона и крахмаленного ситца лежал, втиснувшись розовой мордашкой в ароматную ткань, крупный инертный сосок. Когда она переключала мои руки в новое положение, я заметил, что ее рот оказался не далее чем в дюйме от меня. И не подозревая о моей заинтересованности ее телом, она отошла к пульту дистанционного управления. Как я мог ее оживить? Воткнуть один из этих массивных железных разъемов в воображаемую розетку у основания ее позвоночника? Может быть, тогда она бы включилась, оживленно заговорила со мной о последней ретроспективе Хичкока, затеяла бы бурную дискуссию о правах женщин, вызываясь выставила бы бедро, обнажила сосок.

Вместо этого наши лица маячили друг напротив друга в нагромождении электронной машинерии, словно наши мозги были обесточены. Среди этого сложного оборудования затаился язык невидимого эротизма, неизведанных половых

актов. Та же невидимая сексуальность клубилась над очередями пассажиров на аэровокзалах, над соприкосновением их едва прикрытых половых органов с кабинами гигантских авиалайнеров, над раздраженными гримасами стюардесс. За два месяца до аварии, во время поездки в Париж меня так взволновало сочетание желто-коричневой габардиновой юбки стюардессы, стоявшей передо мной на эскалаторе, и отдаленных фюзеляжей лайнеров, наклоненных, словно серебряные члены, к ее половым губам, что я невольно прикоснулся к ее левой ягодице, положив ладонь на небольшую ямочку в изношенной ткани, когда эта совершенно безликая с моей точки зрения девушка переносила свой вес с левого бедра на правое. После долгой паузы она пристально на меня посмотрела. Я взмахнул портфелем и пробормотал что-то на ломаном французском, одновременно исполнив замысловатую пантомиму падения на поднимающемся эскалаторе, от чего я чуть было и вправду не потерял равновесие. Полет в Орли прошел под скептическим взглядом двух пассажиров – свидетелей этого эпизода, бизнесмена из Голландии и его жены. Я провел короткий полет в состоянии сильного возбуждения, думая о странной геометрической форме зданий аэропорта, о тусклых полосках алюминия и имитирующих дерево панелях. Даже мое общение с молодым барменом на балконе аэропорта было спровоцировано горизонтальными светильниками над его лысеющей головой, стеной, покрытой плиткой, и его строгой униформой. Я думал о моих послед-

них вымученных оргазмах с Кэтрин, о сперме, вяло выталкиваемой в ее влагалище моими утомленными яичками. Теперь очертания ее тела затмевало металлическое возбуждение от наших общих технологических фантазий. Элегантные серебрястые вентиляционные решетки на стенах рентгенографического отделения манили с очаровательной теплотой органических отверстий.

– Ну вот, с вами мы закончили, – поддерживая сильной рукой мою спину, она помогла мне сесть, ее тело так близко к моему, как было бы при соитии. Я взял ее за руку чуть выше локтя, мое запястье прижалось к ее груди. За ней маячил рентгеновский аппарат на высокой оси, по полу тянулись тяжелые кабели. Шаркая прочь по коридору, я все еще ощущал на разных частях тела давление ее сильных ладоней.

Утомленный передвижением на костылях, я задержался у входа в женскую травматологическую палату, облокотившись о тонкую стену коридора. Старшая медсестра что-то выговаривала темнокожей санитарке. Пациентки лежали в кроватях, утомленно их слушая. Ноги двух из них были приподняты на подвесках, словно эти дамы пришли из фантазий обезумевшего гимнаста. Одним из моих первых поручений было принести образец мочи пожилой женщины из этой палаты, которую сбил ребенок, ехавший на велосипеде. Ей ампутировали правую ногу, и теперь она коротала время, заматывая вокруг маленькой культи шелковый шарф, она снова и снова завязывала и развязывала его, словно бесконечно упа-

ковывала посылку. Днем эта дряхлая старушенция была гордостью обслуживающего персонала, но ночью, когда не было посетителей, ее унижали две медсестры, которые в ординаторской что-то вязали на спицах, бессердечно игнорируя ее просьбы подать ей судно.

Старшая медсестра высказала все свои претензии и развернулась на каблуках. Из двери палаты, предназначенной для «друзей больницы» – членов обслуживающего персонала, врачей и их семей, – вышли молодая женщина в домашнем халате и врач в белом. Я часто видел этого мужчину прежде, всегда с обнаженной грудью под белым халатом, он ходил туда-сюда по поручениям, не более достойным, чем мои. Я предполагал, что он студент-выпускник, специализирующийся в этом госпитале аэропорта по травматологической хирургии. Его сильная рука держала портфель, набитый фотографиями. Глядя на его изрытые оспинками челюсти, чавкающие жвачкой, я внезапно сообразил, что он ходит по палатам, охотясь за непристойными фотографиями, порнографическими рентгеновскими снимками и неблагоприятными анализами мочи. На его голой груди болтался медный медальон на черном шелковом шнурке, но что его отличало, так это шрамы на лбу и вокруг рта – отметины какого-то ужасающего акта насилия. Я предположил, что он был одним из честолюбивых молодых терапевтов – оппортунистов с модным хулиганским имиджем, настроенных открыто враждебно к своим пациентам. Мое недолгое пребывание в больни-

це уже убедило меня, что медицинская профессия открывает двери для любого, кто лелеет неприязнь к человеческой породе.

Он оглядел меня с ног до головы, с нескрываемым интересом впитывая каждую деталь моих травм, но меня больше занимала женщина, которая приближалась ко мне, опираясь на трость. Очевидно, эта подпорка была не более чем жеманством, пластическим приемом, который позволял ей прикрывать приподнятым плечом лицо и прятать синяк, которым была отмечена ее правая челюсть. В последний раз я видел ее, когда она сидела в карете скорой помощи возле тела своего мужа, глядя на меня со спокойной ненавистью.

– Доктор Ремингтон?... – я не задумываясь назвал ее имя.

Она подошла ко мне, перехватив трость, словно готовясь треснуть меня ею по лицу. Свообразным движением шеи она повернула лицо, непроизвольно обрушивая на меня свою травму. Дойдя до двери, она приостановилась, ожидая, когда я сойду с ее пути. Я взглянул на шрам на ее лице – трехдюймовый след от невидимого зиппера – пробежавший от правого глаза к уголку рта. Сочетаясь с другими черточками лица, эта новая линия создавала образ линий ладони чувствительной и неуловимой руки. Читая воображаемую биографию, начертанную на этой коже, я представил себе, как она, роскошная, но переутомленная студентка-медик, получив диплом врача, вырывается из затянувшегося юношества в период неопределенных сексуальных отношений, счастли-

во увенчавшихся глубоким эмоциональным и сексуальным союзом с мужем-инженером, и каждый обшаривает тело другого, словно Робинзон, ищущий, что бы забрать со своего корабля. И вот уже на коже, собранной в частокол зарубок на нижней губе, лежит печать вдовства, отчаянное предчувствие, что она уже никогда не найдет себе другого любовника. Я не мог не заметить ее сильное тело под лиловым халатом, ее грудную клетку, частично скрытую чехлом белого пластыря, идущего от плеча к противоположной подмышке, напоминая классический бальный наряд Голливуда.

Решив игнорировать меня, она жестко прошла по коридору, неся, как знамя, ярость и раны.

В последние дни, проведенные в больнице, я не видел доктора Елену Ремингтон, но постоянно думал о катастрофе, которая нас свела. Между мной и этой осиротевшей молодой женщиной возникло мощное поле эротизма – словно я неосознанно хотел воссоздать ее мертвого мужа в ее влагище. Войдя в ее лоно среди металлических кабинок и белых кабелей рентгеновского отделения, я мог бы каким-то образом воскресить ее мужа из мертвых, сочетая ее левую подмышку с хромированной подставкой рентгеновского аппарата.

Я слушал, как в ординаторской спорят медсестры. Ко мне пришла Кэтрин. Она мылила руку туалетным мылом, которое лежало на влажном блюде в моей тумбочке, и мастурбировала меня; взгляд ее бледных глаз был устремлен

сквозь уставленное цветами окно, а левая рука сжимала сигарету, источавшую незнакомый мне аромат. Предупреждая мою просьбу, она заговорила о катастрофе и о полицейском расследовании. Она рассказывала о повреждениях, нанесенных машине с увлеченностью вуайериста, почти изводя меня живописными описаниями смятой радиаторной решетки и крови, разбрызганной по капоту.

– Тебе стоило сходить на похороны, – сказал я.

– Мне и самой хотелось, – тут же ответила она. – Но они очень быстро его похоронили, не следовало, наверное, так торопиться. Я не была готова.

– Ремингтон был готов.

– Думаю, был.

– А как его жена? – спросил я. – Эта женщина, врач. Ты виделась с ней?

– Нет, я не смогла. Я чувствую, что мы слишком близки.

Кэтрин уже видела меня в новом свете. Уважала ли она меня за то, что я убил кого-то едва ли не единственным способом, которым сегодня один человек может легально отнять жизнь у другого? А может быть, даже завидовала? В координатах автокатастрофы направление смерти определяется векторами скорости, неистовства и агрессии. Соответствовала ли Кэтрин тем образам, которые угадывались – словно были отпечатаны на фотопленке или запечатлены в кадрах из теленовостей, – в темных синяках на моем теле и в реальных очертаниях рулевого колеса? На моем левом ко-

лене шрамы над сломанной чашечкой в точности повторяли выступающие выключатели дворников и габаритных огней. Когда я был уже близок к оргазму, она начинала мылить руку каждые десять секунд, забывая о сигарете и концентрируя внимание на этом отверстии моего тела, как медсестры, ухаживавшие за мной в первые часы после аварии. Когда семя брызгало в ладонь Кэтрин, она крепко сжимала пенис, словно эти первые после катастрофы оргазмы знаменовали собой уникальные события. Ее восхищенный взгляд напоминал мне об итальянской гувернантке, нанятой миланским финансистом, с которым мы однажды летом отдыхали в Сестри-Леванте. Эта чопорная холостячка отдавала себя всю половому органу двухлетнего мальчика, за которым она ухаживала: она постоянно целовала его маленький пенис, посаживала головку, чтобы та набухла, и после этого показывала ее с огромной гордостью.

Я удовлетворенно кивнул. Моя рука лежала на ее бедре под юбкой. Ее очаровательно-неразборчивое воображение, годами сидевшее на диете авиакатастроф и военных кинохроник, насилия, проецируемого в темных кинозалах, немедленно уловило связь между моей аварией и кошмарной фатальностью мира, воспринимаемой ею как часть сексуальных утех. Я ласкал мягкую окружность ее бедра сквозь дырку в колготках, потом скользнул указательным пальцем по шапочке светлых лобковых волос, которые, как огоньки пламени, завивались над уголком губ. Казалось, ее лоно оформ-

лял эксцентричный галантерейщик.

В надежде смягчить перевозбуждение, вызванное в Кэтрин моей катастрофой – сейчас она возрождается в памяти как более значимая, более жестокая и зрелищная, – я начал ласкать ее клитор. Расслабленная, она скоро ушла, крепко поцеловав меня в губы, словно едва надеялась увидеть меня снова. Она все болтала и болтала, будто думала, что моя катастрофа еще не произошла.

– Ты собираешься сесть за руль? Но твои ноги, Джеймс! Ты же еле ходишь!

Мы мчались по полосе Западного проспекта со скоростью семьдесят миль в час, и голос Кэтрин звучал на обнадеживающей ноте супружеского отчаяния. Я откинулся на упругом сиденье ее спортивной машины, радостно глядя, как она сражается со светлыми волосами, падающими на глаза, тонкими руками, мечущимися между лицом и леопардовым чехлом миниатюрного руля. После моей аварии Кэтрин стала водить еще хуже, словно уверенная, что незримые силы вселенной теперь будут охранять ее эксцентричный путь по этим скоростным бетонным проспектам.

В последний момент я указал на выросший перед нами грузовик с виляющим из стороны в сторону на истертых шинах рефрижераторным прицепом. Кэтрин нажала маленькой ступней на тормоз, объехав грузовик по полосе более медленного движения. Я отложил брошюрку автопрокатной компании и уставился через ограду на пустые запасные

взлетные полосы аэропорта. Казалось, над истертым бетоном и неухоженной травой царил нерушимый покой. За взлетными полосами свисали занавеси стеклянных стен аэровокзала и многоэтажных автостоянок, тоже принадлежавших этому зачарованному королевству.

– Ты хочешь арендовать машину... надолго?

– На неделю. Я буду недалеко от аэропорта. Ты сможешь присматривать за мной из офиса.

– Так я и буду делать.

– Кэтрин, мне нужно почаще выходить из дома, – я постучал кулаками по ветровому стеклу. – Я не могу сидеть на балконе и чувствовать себя комнатным растением.

– Понимаю.

– Не понимаешь.

Всю последнюю неделю – после того, как меня на такси привезли домой, – я сидел в одном и том же пологом кресле на балконе нашей квартиры, глядя через хромированные перила на незнакомый пейзаж в десяти этажах подо мной. В первый день я едва узнавал бесконечный ландшафт из бетона и стальной арматуры, который простирался от автострад южнее аэропорта, через бесконечные взлетные полосы до нового жилого района вдоль Западного проспекта. Наш дом в Драйтон-парке стоял в миле севернее аэропорта на уютном островке современного жилого квартала, окруженного бензозаправками и супермаркетами, отделенного от громады Лондона клином развязки северной окружной дороги,

протянувшейся мимо нас на элегантных бетонных столбах. Я смотрел на эту колоссальную динамичную скульптуру, дорожное полотно которой, казалось, почти возносилось над балконными перилами, на которые я облакачивался. Я снова начал ориентироваться в этой обнадеживающей громаде, в этой знакомой перспективе скорости, цели и направления. Дома наших друзей, винный магазин, где я покупал напитки, маленький кинозал, где мы с Кэтрин смотрели американские авангардные фильмы и немецкие учебные эротические ролики, – все это наново выстраивалось вдоль ограды шоссе. Я осознал, что человеческие обитатели этого технологического ландшафта утратили способность оставлять следы – эти ключи к границам идентичности. Привлекательная походка Франсуазы Воринг, утомленной жены моего сотрудника, проходящей через турникет местного супермаркета, домашние перебранки наших состоятельных соседей по дому – все надежды и фантазии этого спокойного пригородного анклава, пропитанные неверием, отступали перед монолитной реальностью ограждений автострады и площадок автостоянок с их постоянной прямолинейной геометрией.

Возвращаясь с Кэтрин из больницы домой, я удивился тому, насколько сильно изменился в моих глазах образ машины, словно авария вскрыла ее истинную природу. Опираясь об окно задней двери, я обнаружил, что вздрагиваю, возбужденный транспортным потоком развязок Западного проспекта. Вспыхивающие лезвия вечерних огней, отраженные

от хромированной отделки панели управления, мурашками пробегали по коже. Тяжелый джаз, доносящийся из радиаторных решеток, движение машин к Лондонскому аэропорту вдоль освещенной солнцем встречной полосы, отделка улиц и дорожные знаки – все казалось угрожающим, гиперреальным, возбуждающим и напоминало ускоряющиеся вертящиеся барабаны игровых автоматов, которые выпустили из зловещих залов на эти дороги.

Заметив мое перевозбуждение, Кэтрин быстро отвела меня к лифту. Зрительно пропорции нашей квартиры трансформировались. Отстранив Кэтрин, я вышел на балкон. Машины заполняли улицы окраины города подо мной, громоздились на автостоянках возле супермаркетов, взбирались на тротуары. На Западном проспекте произошли две небольшие аварии, потянувшие за собой массивный автомобильный хвост вдоль эстакады. Хвост заслонял въезд в туннель, ведущий к аэропорту. Нервно сидя на балконе под взглядом Кэтрин – она наблюдала за мной из гостиной, держа руку на телефоне, – я впервые вглядывался в это колоссальное свечение лакированных поверхностей, распространяющееся от южного горизонта до северных автострад. Я испытывал неопределимое чувство крайней опасности, словно должна была произойти катастрофа, в которую будут вовлечены все эти машины. Пассажиры авиалайнеров, взлетающих из аэропорта, бежали из этой зоны бедствия, покидали грядущий автогеддон.

Это предчувствие беды не оставляло меня. В первые дни, проведенные дома, я все время сидел на балконе, наблюдая за движением транспорта по шоссе, обреченный первым увидеть признаки конца света, наступившего от вмешательства автомобиля, моей личной репетицией которого была авария.

Я позвал Кэтрин на балкон и показал незначительное столкновение на дороге, ведущей к автостраде с юга. Белый фургон прачечной ударил сзади седан, полный свадебных гостей.

— Это очень похоже на репетицию. Когда каждый в отдельности отрепетирует свою роль, начнется настоящее представление. — Над центром Лондона снижался авиалайнер. Над дрожащими от шума крышами выпускалось шасси. — Еще один груз нетерпеливых жертв... Не удивлюсь, если увижу Брейгеля и Иеронима Босха, разъезжающих по автострадам на арендованных машинах.

Кэтрин встала возле меня на колени, положив руку на хромированную ручку кресла. Я смотрел на вспыхивающие огни, такие же, как отражались в стеклах приборной панели, когда я сидел за сломанным рулем, ожидая приезда полиции, которая должна была меня освободить. Кэтрин с некоторым интересом разглядывала измененные очертания моей коленной чашечки. Она испытывала естественное и здоровое любопытство к извращенности во всех ее формах.

— Джеймс, мне нужно идти в офис, с тобой будет все в по-

рядке? – обеспокоенно спросила она, зная, что по отношению к ней я был способен на любую хитрость.

– Конечно. Движение стало более интенсивным? Мне кажется, что сейчас в три раза больше машин, чем было перед аварией.

– Я никогда на это не обращала внимания. Ты не будешь попытаться угнать машину дворника?

Меня тронула ее заботливость. Казалось, после аварии она впервые за многие годы чувствовала себя со мной абсолютно раскованно. Катастрофа преподала мне урок свое-нравия, который Кэтрин усвоила через собственную жизнь и сексуальность. Мое тело, расположенное ею в своеобразной сексуальной перспективе, ограниченной рамками приблизительно одного года нашей супружеской жизни, снова ее возбуждало. Очарованная шрамами на моей груди, она прикасалась к ним влажными губами. Я и сам чувствовал эти счастливые перемены. Когда-то тело Кэтрин, лежавшее возле меня в кровати, казалось мне инертным и бездушным, как кукла для сексуальных упражнений с резиновым вла-галищем. Преследуя какие-то свои извращенные цели, она не спешила на работу, болталась по квартире и обнажала передо мной части своего тела, вполне осознавая, что последнее, чего я от нее хочу, – это как раз то светловолосое отверстие между ее ног.

Я взял ее за руку.

– Я спущусь вместе с тобой. И не смотри на меня так уко-

ризенно.

Я смотрел с крыльца, как она уезжает в спортивной машине в сторону аэропорта, ее белая промежность веселым семафором вспыхивает между подвижных бедер. Изменчивая геометрия ее лобка услаждала взгляд утомленных водителей, отвлекающихся от вращающихся стрелок в окошках заправочных насосов на бензоколонках.

Когда она уехала, я не пошел в квартиру, а спустился в подвал. В гараже стояла дюжина машин, в основном принадлежащих женам юристов, живущих в нашем доме. Место, отведенное для моей машины, все еще пустовало, цемент был отмечен знакомым узором масляных пятен. Я вглядывался сквозь полумрак в дорогие приборные щитки. На полочке под задним стеклом лежал шелковый шарф. Я вспомнил, как Кэтрин описывала наше личное имущество, разбросанное по сиденьям и полу моей машины после катастрофы: карта, оставшаяся после отпуска, пустой пузырек из-под лака для ногтей, рекламный журнал. Вычленение этих принадлежностей нашей жизни – словно бригада взломщиков извлекла и сложила в ряд неповрежденные воспоминания и интимные подробности – было частью того самого процесса повторения банальностей, который я получил в наследство после смерти Ремингтона. Серая елочка на ткани его пиджака, белизна воротника его рубашки увековечены этой аварией.

Из машин, застрявших на шоссе, раздались звуки клаксонов – хор отчаяния. Глядя на масляные пятна на своем

парковочном пятачке, я думал об убитом. Казалось, что в этих несмываемых отметках полностью запечатлелась авария – полиция, зрители и санитары скорой помощи в немых позах склонились надо мной, сидящим в разбитой машине.

За моей спиной заиграл приемник. Дворник, молодой человек с волосами почти до пояса, возвращался в свою контору, расположенную возле двери лифта. Он сел на металлический столик, обняв свою инфантильную подружку. Игнорируя его почтительные взгляды, я опять вышел на крыльцо. Проспект с трехполосным движением, ведущий к местному торговому центру, был пуст, под платанами в длинный хвост вытянулись машины. Довольный тем, что я могу прогуляться, и меня не собьет с ног какая-нибудь агрессивная домохозяйка, я побрел по проспекту, время от времени прислоняясь к полированной оградке. Было без малого два часа, и торговый центр пустовал. Машины заполняли автостоянку, стояли по обе стороны каждого переулка, а их водители отдыхали в домах, скрываясь от палящего солнца. Я пересек вымощенную плитами площадку в центре скверика перед торговым центром и взобрался по ступенькам на автостоянку на крыше супермаркета. Каждое из сотни парковочных мест было занято, ряды ветровых стекол отражали солнечный свет, как щиты стеклянной фаланги легионеров.

Прислонившись к бетонной балюстраде, я вдруг осознал, какая безмерная тишина окружала меня. Изредка мигал контрольный маячок аэропорта, но ни один самолет не садил-

ся и не взлетал. Движение на шоссе замерло в очереди на юг. Машины и автобусы аэропорта на Западном проспекте застыли в ожидании смены светофора. Трехполосный хвост повозок взбирался на эстакаду развязки и дальше, к новому южному продолжению шоссе.

За недели, проведенные мною в больнице, инженеры-автомобилисты проложили громадные плиты более чем на полмили к югу. Пристально глядя на эти безмолвные земли, я осознал, что вся зона, определявшая ландшафт моей жизни, была сейчас очерчена непрерывным искусственным горизонтом, составленным из вздымающихся парапетов, оград шоссе, их ответвлений и развязок. Такая же зона окружала все эти повозки подо мной, словно стены кратера диаметром в несколько миль.

Тишина не прерывалась. То здесь, то там за рулем ерзал водитель, попавший в западню под неудобным горячим солнцем, и внезапно у меня возникло ощущение, что мир остановился. Рубцы на коленях и груди были маячками, настроенными на множество передатчиков, отправляющих неизвестные мне самому сигналы, которые должны были вскрыть этот колоссальный затор и освободить водителей для истинной цели, поставленной перед их повозками, – для рая электрической автострады.

Воспоминания об этой необычной тишине были все еще свежи в моей памяти, когда Кэтрин везла меня в мой офис в Шефертоне. Вдоль Западного проспекта от пробки к пробке

несся извивающийся поток машин. Моторы авиалайнеров, взлетающих из Лондонского аэропорта, изматывали небо над головой. То минутное зрелище неподвижного мира, тысяч водителей, сидящих в машинах на очерчивающих горизонт автострадах, казалось абсолютно уникальной демонстрацией этого машинного ландшафта, приглашением к исследованию виадука наших сознаний.

Сейчас, когда дело шло к окончательному выздоровлению, можно было взять напрокат машину. Заехав на коммерческую телестудию, Кэтрин принялась бесцельно кружить по автопарку, не желая меня выпускать. Молодой водитель прокатной компании, ждущий возле своей машины, смотрел, как мы описываем вокруг него кольца.

– Рената поедет с тобой? – спросила Кэтрин.

Меня удивила проницательность этой случайной догадки.

– Я думаю, она могла бы прокатиться... возможно, управлять машиной после такого перерыва гораздо утомительнее, чем я могу себе представить.

– Удивляюсь, что она позволяет тебе везти себя.

– Ты не ревнуешь?

– Может быть, немножко.

Выбросив из головы мысль о какой бы то ни было доверительной беседе, которая могла произойти между этими двумя женщинами, я попрощался с Кэтрин. Следующий час я провел в офисе студии, обсуждая с Полом Уорингом нестыковки в контракте, мешающие производству рекламного ро-

лика, в котором мы надеялись занять актрису Элизабет Тейлор. Однако на самом деле все это время мое внимание было сосредоточено на взятой напрокат машине, которая ждала меня на стоянке. Все остальное – то, что я раздражал Уоринга, загроможденное офисное помещение, галдеж, поднятый сотрудниками, – лишь слабая тень, бесполезный подстрочник, который будет удален при редактировании. Когда ко мне в машину села Рената, я едва осознавал ее присутствие.

– С тобой все в порядке? Куда поедем?

Я уставился на руль в моих руках, на плавные очертания приборной панели с ее циферблатами и контрольными огоньками.

– Куда же еще?

Агрессивный дизайн этой стандартной кабины, с неестественно сильно выступающими ободками циферблатов, подчеркивал растущее во мне чувство связи между моим телом и автомобилем, связи более сильной, чем влечение к широким бедрам и сильным ногам Ренаты, скрытым под красным нейлоновым плащом. Я подался вперед, чтобы ощутить шрамами на груди колесо руля, прижаться коленями к включателю зажигания и рычагу ручного тормоза.

Через полчаса мы добрались до въезда на эстакаду. Вечерний поток машин тек по Западному проспекту и разделялся у въезда на развязку. Я проехал мимо места моей аварии, развернулся и направился назад по пути, преодоленно мною в минуты перед самой катастрофой. Случилось так,

что дорога впереди была пуста. Ярдах в четырехстах от меня на мост взбирался грузовик. На полотне восходящей дороги возник черный седан, но я, нажав на газ, его обогнал. Через пару секунд мы достигли точки столкновения. Я притормозил и остановился на кромке бетона.

– Здесь можно парковаться?

– Нет.

– Давай остановимся, может, полиция сделает исключение в твоём случае.

Я расстегнул плащ Ренты и положил руку ей на бедро. Она подставила шею для поцелуя, поощрительно, как нежная властительница, приобняв меня за плечо.

– Мы виделись перед самой аварией, – сказал я, – ты помнишь? Мы занимались любовью.

– Я все еще ассоциируюсь у тебя с этой катастрофой?

Я провел рукой по ее бедру – цветок ее губ был влажен. Проехал автобус аэропорта, на нас смотрели пассажиры, направляющиеся в Штутгарт или Милан. Рената застегнула плащ и взяла с приборной доски «Пари-матч». Она пролистала журнал, взглянув на фотографию женщин, погибших на Филиппинах. Это совпадение параллельных мотивов насилия оказалось удачной приманкой. Ее серьезные студенческие глаза чуть задержались на занимавшей целую страницу фотографии вздувшихся трупов. Мелодия смерти и увечий все текла под ее листающими пальцами, а я уставился на развилку дорог. В пятидесяти ярдах от места, где я сейчас си-

дел, я убил другого человека. Анонимность этой дорожной развилки напомнила мне о теле Ренаты с его чутким набором отверстий и сгибов, которые однажды станут такими же необыкновенными и значительными для какого-нибудь мужа из пригорода, каковыми для меня являются эти бровки и разделительные линии на дороге.

Приближался белый кабриолет. Когда я выходил из машины, его водитель мигнул фарами. Я прохромал вперед, разминая правое колено, утомленное забытым сопротивлением педали. Под ногами валялся мусор: мертвые листья, сигаретные пачки и стеклянные кристаллы. Сметенные в сторону поколениями санитаров скорой помощи, эти осколки разбитых ветровых стекол были похожи на тонкие ручейки. Я загляделся на эту пыльную ленту со следами множества аварий. За пятьдесят лет, в течение которых здесь будет разбиваться все больше машин, тонкие стеклянные полоски соберутся в широкую ленту, еще за тридцать лет лягут колючим кристаллическим пляжем. Появится новая генерация пляжных бродяг – они будут сидеть на корточках на этих кучах разбитых окон, роясь в поисках окурков, использованных презервативов и оброненных монет. Погребенная под этим вновьявленным геологическим слоем, нанесенным эрой автотрагедий, будет лежать и моя маленькая смерть, анонимная, как затвердевший рубец на окаменевшем дереве.

В сотне ярдов за нами на обочине припарковался пыльный американский автомобиль. Сквозь забрызганное грязью

ветровое стекло на меня смотрел водитель, его широкие плечи громоздились на фоне дверной стойки. Когда я пересек дорогу, он поднял фотокамеру с тяжелым тубусом и уставился на меня сквозь объектив.

Рената посмотрела на него через плечо, как и я, удивленная столь агрессивной позой. Она открыла мне дверь.

– Ты можешь вести машину? Кто он – частный детектив?

Когда мы тронулись с места в сторону Западного проспекта, высокая, облаченная в черную куртку фигура мужчины прошагала по дороге к месту, где мы стояли. Мне было любопытно увидеть его лицо, и я сделал круг на развороте.

Мы проехали в десяти футах от него. Он прогуливался небрежной, рассеянной походкой вдоль следов, оставленных шинами на поверхности дороги, словно отмечая в своем мозгу какую-то невидимую траекторию. Солнечный свет выхватил шрамы на его лбу и губах. Когда он бросил на меня взгляд, я узнал молодого врача, которого я в последний раз видел, выходящим из палаты Елены Ремингтон в Эшфордской больнице скорой помощи.

В следующие дни я брал напрокат несколько автомобилей. Я испробовал каждый из доступных вариантов машины, начиная с тяжелого американского кабриолета и заканчивая престижным спортивным седаном и итальянской малолитражкой. То, что начиналось как иронический жест, направленный на то, чтобы поддеть Кэтрин и Ренату – обе женщины хотели, чтобы я больше никогда не водил машину, – ско-

ро приобрело иной оттенок. Мое первое мимолетное путешествие к месту аварии снова оживило призрак мертвеца и – что более важно – набросок моей собственной смерти. В каждой из этих машин я проезжал по аварийному маршруту, представляя себе варианты другой смерти и другой жертвы, иные очертания ран.

Несмотря на попытки отмыть эти машины, следы предыдущих водителей продолжали цепляться за их салоны – отпечатки каблучков на резиновых ковриках под педалями, сухой окурочок, запятнанный немодной помадой, пойманный комочком жвачки на крышке пепельницы; композиция странных царапин, словно хореография неистовой битвы, покрывала винил сиденья, как будто двое калек насильовали друг друга. Опуская ноги на педали, я чувствовал всех этих водителей, объемы, занимаемые их телами, их амурные встречи, попытки сбежать от обыденности, уныние – все, что они пережили здесь до меня. Ощущая эти наслоения, я силой заставлял себя вести машину осмотрительно, примеряя свое тело к выступающей рулевой колонке и солнцезащитным козырькам.

Вначале я бесцельно ездил по окружным дорогам южнее аэропорта, между водными резервуарами Стэнвелла, принаравливаясь к незнакомым рычагам управления. Потом я двигался вдоль восточного фланга аэропорта к развязке в Гарлингтоне, где движение в час пик буквально сметало меня неудержимым бегом металла вдоль переполненных полос

Западного проспекта. Неизменно в час своей аварии я обнаруживал, что нахожусь возле въезда на эстакаду – или меня влекло мимо места аварии вместе с безумно рванувшимся к следующему светофору потоком машин, или я застывал в массивной пробке в десяти безумных футах от точки столкновения.

Когда я брал американский кабриолет, сотрудник прокатной компании заметил:

– Ну и попотели же мы, вычищая его, мистер Баллард. Машину использовала одна из ваших телекомпаний – следы от зажимов камеры остались на крыше, на дверях, на капоте.

Мысль о том, что эта студийная машина в моих руках продолжает использоваться как часть воображаемых событий, пришла мне в голову по пути из гаража в Шефертоне. Ее салон, как и салоны всех остальных машин, которые я арендовал, был покрыт царапинами и следами обуви, окурками и вмятинами, отмечающими роскошную отделку детройтского образца. На розовом виниловом сиденье была дыра, достаточно большая, чтобы вставить флагшток или, допустим, пенис. Возможно, эти отметки были оставлены в процессе воображаемых драм, изобретенных различными компаниями, использовавшими эту машину, актерами, игравшими роли детективов и мелких жуликов, тайных агентов и скрывающихся от дележа наследниц. Потертый руль хранил на своих перекладинах жир сотен рук, располагавшихся на нем в позициях, диктуемых режиссером и оператором.

Повинуясь вечернему движению Западного проспекта, я думал о том, что значит быть убитым в этом колоссальном аккумуляторе художественных образов, когда мое тело будет отмечено отпечатком сотни детективных телесериалов, ро-счерком забытых драм; через годы после того, как их положили на полки, присвоив номер, они оставят свои координаты на моем теле.

Отвлеченный этими ассоциациями, я обнаружил, что еду не по своей полосе и нахожусь у въезда на дорожную развязку. Тяжелая машина с ее мощным двигателем и чувствительными тормозами напоминала мне, что я переоценил себя, полагая, что могу вписать свои раны и свой опыт в эти чудовищные очертания. Сидя за рулем машины такой же модели, как была у меня раньше, я свернул на дорогу, ведущую к аэропорту.

Въезд в туннель был заблокирован массивной пробкой; я пересек встречную полосу и выехал на аэропортовскую площадь – обширную зону транзитных отелей и круглосточных супермаркетов. Выехав с автозаправки возле туннеля, я узнал трио аэропортовских шлюх, прогуливающихся туда-сюда по маленькому островку посередине шоссе.

Увидев мою машину и, вероятно, решив, что я – американский или немецкий турист, старшая из них направилась в мою сторону. Разгуливая по этому островку среди вечернего движения, глядя на проносящиеся машины, словно ожидая переправы через Стикс, они пытались между делом под-

цепить путешественников. Эта троица – болтливая брюнетка из Ливерпуля, которая делала все под солнцем, робкая и безмозглая блондинка, которую, очевидно, хотела Кэтрин, судя по тому, как часто она обращала на нее мое внимание, и старшая – женщина с усталым лицом, тяжелой грудью, работавшая когда-то на бензозаправке в гараже на Западном проспекте, – казалось, составляла некую элементарную сексуальную единицу, способную так или иначе удовлетворить любого клиента.

Я остановился возле островка. В ответ на мой кивок ко мне подошла старшая из женщин. Она оперлась о пассажирскую дверь, положив сильную руку на хромированную рамку окна. Усевшись в машину, она помахала своим компаньонкам, зрачки которых двигались, как щетки дворников на поблескивающих отраженным светом ветровых стеклах проезжающих машин.

Я влился в поток машин, текущий сквозь туннель аэропорта. Плотное тело женщины, сидящей возле меня в арендованной американской машине – неизвестной героине столь многих второсортных телесериалов, – неожиданно заставило меня вспомнить о моих больных коленях и бедрах. Несмотря на дополнительные тормозные рычаги и мощную трансмиссию руля, вести американскую машину было уютно.

– Куда мы едем? – спросила она, когда мы выехали из туннеля и направились к зданиям аэровокзала.

– На многоэтажную автостоянку – верхние уровни по вечерам пусты.

Аэропорт и его окрестности кишели проститутками всевозможных рангов. Одни ошивались в отелях, в дискотеках, где никогда не крутили музыку, они комфортно располагались возле спален для тысяч транзитных пассажиров, которые никогда не выходили за пределы аэропорта. Второй эшелон работал в толпе в здании вокзала и в ресторанчиках под крышей. Вдобавок к этому – армия предпринимательниц, снимающих поденно комнаты в жилых кварталах вдоль шоссе.

Мы подъехали к многоэтажному автопарку возле здания аэрофрахтовочных компаний. Я поднялся по спирали бетонной окантовки этого вычурного, претенциозного здания и припарковался на пустом пятачке среди машин на крыше. Спрятав банкноты в серебристую сумочку, женщина склонила свое сосредоточенное лицо над моими бедрами и стала со знанием дела одной рукой расстегивать ширинку. Она начала работать над моим пенисом поочередно ртом и ладонью, удобно положив руки поперек моих колен. Я вздрогнул от боли, когда она прижала меня своим жестким локтем.

– Что с твоими ногами? Авария?

В ее устах это прозвучало как сексуальное оскорбление.

Когда она оживила мой пенис, я взглянул на ее сильную спину, на контур ее плеч, отмеченных лямками бюстгалтера, и на продуманно оформленную приборную панель это-

го американского автомобиля, я уловил связь между ее толстыми ягодицами, которые поглаживала моя левая рука и пастельно оттененными циферблатами часов и спидометра. Вдохновленный этими утопленными в панель циферблатами, мой безымянный палец пополз к ее заднему проходу.

Из машин, столпившихся внизу, доносились сигналы клаксонов. Над моим плечом сверкнула фотовспышка, освещающая испуганное лицо этой утомленной проститутки, обхватившей губами мой пенис, ее увядшие волосы, разбросанные на хромированных спицах руля. Отстранив ее, я посмотрел вниз, за балюстраду. Автобус аэропорта врезался в багажник такси, припаркованного у въезда в аэровокзал. Два таксиста и мужчина, все еще сжимающий в руке свой пластмассовый дипломат, доставали из кабины раненого водителя. Площадь перед аэровокзалом была перекрыта огромной пробкой из автобусов и такси. Мигая фарами, на тротуар взобралась полицейская машина и поползла между пассажирами и служащими аэропорта, сбив бампером пластмассовый дипломат.

Отреагировав на движение, отраженное в хромированной стойке окна, я посмотрел направо. В двадцати футах от меня, отделенный несколькими полосками пустых парковочных мест, на капоте автомобиля, припаркованного вплотную к бетонной балюстраде, сидел мужчина с фотоаппаратом. Я узнал этого высокого человека со шрамами на лбу. Это был врач из госпиталя. Он вынул из вспышки потемневшую лампу и швырнул ее под машины. Вытаскивая снимок из по-

ляроида, он взглянул на меня без особого интереса, словно давно привык к виду проституток и их клиентов на крыше этого многоэтажного автопарка.

– Можешь заканчивать. Достаточно.

Женщина как раз снова начала возиться у меня в паху в поисках задумчивого пениса. Я жестом велел ей сесть. Глядя в зеркало заднего вида, она поправила волосы и, не взглянув на меня, покинула машину и направилась к шахте лифта.

Высокий мужчина с камерой побрел через крышу. Я заглянул через заднее окно в его автомобиль. Пассажирское сиденье было завалено фотооборудованием – камеры, тренога, коробка с лампами. К приборной доске была прикреплена кинокамера.

Он направился обратно к своей машине, держа камеру, как пистолет. Когда он подошел к перилам, его лицо выхватил из темноты свет полицейских фар. Я вспомнил, что много раз видел это рябое лицо прежде. Оно маячило в дюжине забытых телепрограмм и мелькало на снимках в информационных журналах – это был Воан, доктор Роберт Воан, бывший специалист по компьютерам. Будучи одним из первых телевизионных ученых новой формации, Воан сочетал личный шарм – густые черные волосы над покрытым шрамами лицом, американская армейская куртка – с агрессивной лекторской манерой и полной убежденностью в значимости своей разработки – использование компьютерной технологии для контроля над международной системой дорож-

ного движения. Три года назад в первых же программах из подготовленного им цикла Воан создал убедительный образ ученого-хулигана, мечущегося между лабораторией и телецентром на мощнейшем мотоцикле. Образованный, честолюбивый, склонный к саморекламе, он уберегся от того, чтобы быть не более чем пробивным карьеристом со степенью доктора философии, лишь благодаря оттенку наивного идеализма и странному взгляду на автомобиль и его истинную роль в нашей жизни.

Он стоял возле перил, глядя вниз на столкновение. Фары освещали четкие уплотнения шрамов над его бровями и ртом, разбитую и восстановленную переносицу. Я вспомнил, почему так внезапно оборвалась карьера Воана: в середине своего телевизионного цикла он был серьезно покалечен, попав в аварию на мотоцикле. Его лицо и характер до сих пор очень четко хранили память об этом ударе, ужасающем столкновении где-то на шоссе северных предместий. Его ноги были сломаны задними колесами грузовика, черты его лица выглядели так, будто бы их, снесенные в сторону, восстановили после катастрофы по собранию выцветших рекламных фотографий. Шрамы на губах и на лбу, самостоятельно подстриженные волосы и два недостающих верхних зуба придавали его образу оттенок запущенности и враждебности.

Выступающие косточки запястий торчали из подпаленных манжет его кожаной куртки как наручники.

Он сел в машину. Это был «линкольн-континенталь» десятилетней давности, та же модель, в которой погиб президент Кеннеди. Я вспомнил, что одним из предметов одержимости Воана было убийство Кеннеди.

Задним ходом он проехал мимо меня, чиркнув левым крылом «линкольна» по моему колену. Когда он соскользнул вниз по эстакаде, я не спеша побрел через крышу. Эта первая встреча с Воаном до сих пор не потускнела в моей памяти. Я знал, что мотивы, по которым он меня преследует, далеки от мести или вымогательства.

После нашей встречи на крыше автостоянки аэропорта я постоянно ощущал присутствие Воана. Он больше не преследовал меня, но, казалось, нависал, словно экзаменатор над студентами, наблюдая течение мыслей в моей голове. На скоростных полосах Западного проспекта я смотрел в зеркало заднего вида и сканировал парапеты мостов и многоэтажных автостоянок.

В некотором смысле я видел в Воане союзника в моих беспорядочных поисках. Я сидел, зажатый с двух сторон плотными рядами машин на развязке, алюминиевые стены автобусов аэропорта загораживали небо. Глядя с нашего балкона на переполненные цементные полосы автострад, пока Кэтрин готовила вечерние напитки, я убеждался, что ключ к этому бесконечному металлическому ландшафту лежит где-то среди этих строгих, неизменных дорожных узоров.

К счастью, мой партнер, Пол Уоринг, скоро обнаружил

во мне эту мессианскую одержимость. Он договорился с Кэтрин сократить мои визиты в студию до часа в день. Легко утомляемый и возбуждаемый, я затеял абсурдную перебранку с секретаршей Уоринга. Но все это казалось призрачным и банальным. Гораздо важнее было то, что региональный дистрибьютор доставил мне новую машину.

Кэтрин отнеслась к тому, что я выбрал такую же марку и модель машины, как та, в которой я разбился, с глубочайшим подозрением. Даже боковое зеркальце было таким же. Она и секретарша критически смотрели на меня с крыльца авиафрахтовочного офиса. Карен стояла чуть позади Кэтрин, почти касаясь ее лопатки отставленным локтем, как молодая и честолюбивая матрона, покровительственно присматривающая за своим новым открытием.

– Зачем ты нас сюда позвал? – спросила Кэтрин. – Вряд ли кому-нибудь из нас хотелось снова видеть эту машину.

– И уж в любом случае не эту, миссис Баллард.

– Воан тебя преследует? – спросил я у Кэтрин. – Ты разговаривала с ним в больнице.

– Он сказал, что он полицейский фотограф. А что ему нужно?

Глаза Карен остановились на моем покрытом шрамами черепе.

– Трудно поверить, что он когда-то выступал по телевидению.

Я с трудом выдерживал взгляд Карен. Она глядела на ме-

ня, как хищник, из-за серебристых прутьев своей клетки.

– Кто-нибудь видел его на месте моей аварии?

– Понятия не имею. А ты собираешься устроить для него еще одну катастрофу?

Кэтрин не спеша прошла вокруг машины и уселась на переднее пассажирское сиденье, смакуя звонкую упругость новехонького пластика.

– Я вообще не думаю о катастрофе.

– Ты слишком много внимания уделяешь этому человеку, Воану... Ты все время о нем говоришь.

Кэтрин глядела в безупречно чистое стекло. Ее бедра были выразительно раздвинуты.

На самом деле я думал о контрасте между этой благодатной позой, занавесом стеклянных стен здания аэропорта и витринным блеском новой машины. Сидя здесь, в точной копии машины, в которой я почти убил себя, я представил себе искореженный бампер и радиаторную решетку, отчетливо вспомнил контуры деформированного капота, перекошенных оконных стоек. Треугольник лобка Кэтрин напомнил мне о том, что наш первый половой акт в этой машине еще не произошел.

На полицейской стоянке в Нортхолте я предъявил пропуск охраннику-хранителю этого музея обломков. Войдя, я замешкался, как муж, выбирающий себе жену на складе странных, извращенных снов. Под ярким светом солнца возле задней стены заброшенного кинотеатра стояло штук два-

дцать разбитых повозок. В дальнем конце асфальтированной площадки стоял грузовик. Его кабина была смята, словно пространственные измерения сжались вокруг тела шофера.

Потрясенный этими деформациями, я брел от машины к машине. Первому автомобилю, голубому такси, удар пришелся в левую фару. С одной стороны корпус был нетронутым, а с другой – переднее колесо оказалось вдавленным в салон. По соседству стоял белый седан, сплюснутый какой-то гигантской машиной. Следы огромных шин пересекали смятую крышу, прижимая ее к бугру карданного вала между сиденьями.

Я узнал свою машину. С переднего бампера свисали остатки буксировочного троса, кузов был забрызган маслом и грязью. Водя рукой по грязному стеклу, я всматривался сквозь окна в кабину. Не задумываясь, я встал на колени перед машиной и уставился на смятое крыло и радиаторную решетку.

В течение нескольких минут я смотрел на эту разбитую машину, пытаясь восстановить в памяти ее нормальный вид. Сквозь мое сознание на стертых покрышках прокатились кошмарные события. Что меня больше всего удивило, так это степень повреждения. Капот во время столкновения вздыбился над мотором, скрывая от меня реальную картину повреждения. Оба передних колеса и мотор сместились назад, к водителю, изогнув пол. Капот был все еще отмечен кровью – полосы черных ручейков бежали к дворникам. По

сиденью и рулю рассыпались точки веснушек. Я вспомнил мертвого мужчину на капоте. Кровь, текшая по измятому металлу, несла в себе большой заряд потенции, чем остывавшая в его яичках сперма.

Двор пересекли двое полицейских с черной овчаркой. Они посмотрели на меня, болтавшегося возле машины так, словно были бы недовольны, если бы я к ней прикоснулся. Когда они ушли, я взялся за ручку водительской двери и с трудом открыл ее.

Я опустился на пыльное, отклоненное назад пластиковое сиденье. Рулевая колонка поднялась на шесть дюймов и почти упиралась в грудь. Я поднял в машину свои нервные ноги и поставил стопы на ребристую резину педалей, выдавленных мотором настолько, что колени поднялись к груди. Приборная панель передо мной была выгнута, стекла часов и спидометра треснули. Сидя там, в этой деформированной кабине, среди пыли и сырой обшивки, я пытался вспомнить себя в момент столкновения, когда оказались несостоятельными отношения между моим телом, защищенным только кожей, и технологической структурой, поддерживавшей его. Я вспомнил, как с другом ходил в Имперский военный музей и тот пафос, с которым люди смотрели на кусок кабины японского камикадзе времен второй мировой войны. Путаница электрических проводов и рваные полотняные ленты на полу в полной мере выражали атмосферу изоляции войны. Мутный пластик фонаря кабины впускал маленький

клочок тихоокеанского неба, ревела авиация, разогревавшаяся тридцать лет назад на палубе авианосца.

Я посмотрел, как двое полицейских дрессируют во дворе пса. С трудом открыв защелку «бардачка», я обнаружил внутри покрытые пылью и раскрошившейся пластмассой несколько вещей, которые так и не нашла Кэтрин: набор автодорожных карт, легкий порнографический роман, одолженный Ренатой в качестве дерзкой шутки, и фотография – я снял ее поляроидом, сидящую в машине возле водного резервуара с обнаженной левой грудью.

Я открыл пепельницу. На бедро вывалился металлический ковшик, из него высыпалось с дюжину отмеченных помадой окурков. Каждая из этих сигарет, выкуренных Ренатой по дороге из офиса в мою квартиру, была свидетельницей какого-нибудь одного из множества половых актов, произошедших между нами. Глядя на этот музейчик возбуждения и реализации страсти, я понял, что смятая кабина моего автомобиля, похожая на причудливую повозку, приспособленную для безнадежнейшего калеки, была идеальной схемой для всех вариантов моего ускоряющегося будущего.

Кто-то прошел перед машиной. С проходной донесся голос полицейского. Сквозь лобовое стекло я увидел женщину в белом плаще, она шла вдоль ряда разбитых автомобилей. Вид привлекательной женщины, передвигающейся по этому унылому двору от машины к машине, словно интеллигентная посетительница галереи, прервал мои размышления о

двенадцати округлах. Женщина подошла к машине, стоящей рядом с моей – смятому кабриолету, побывавшему в крупном цепном столкновении. Ее умное лицо – лицо переработавшегося врача со лбом, прикрытым длинной челкой, – разглядывало исчезнувшую кабину.

Не раздумывая, я начал выбираться из машины, но потом опять уселся на сиденье. Елена Ремингтон отвернулась от смятого кабриолета. Она взглянула на капот моего автомобиля, очевидно, не узнавая повозку, убившую ее мужа. Подняв голову, она увидела сквозь ветровое стекло меня, сидящего за деформированным рулем, среди высохших пятен крови ее мужа. Волевые глаза этой женщины только немного сместили фокус, но одна рука непроизвольно потянулась к щеке. Она разглядывала повреждения моей машины, ее взгляд перемещался с разбитой радиаторной решетки на вздыбившийся в моих руках руль. Потом она принялась за визуальное исследование моей особы, изучая меня терпеливым взглядом врача, столкнувшегося со сложным пациентом, страдающим от множества заболеваний, вызванных потаканием собственным порокам.

Она побрела к разбитому грузовику. И опять меня поразила ее необычная постановка ног: внутренние поверхности бедер, идущих от широкого таза, были вывернуты наружу, словно на обозрение ряду разбитых машин. Ждала ли она, что я тоже приду на полицейскую стоянку? Я знал, что некая конфронтация между нами неизбежна, но в моем сознании

она уже трансформировалась в другие чувства – сожаление, эротизм, даже странную ревность мертвого человека, которого знала она, но не я.

Она возвращалась. Я ждал на запятнанном маслом асфальте перед моей машиной.

Она указала на разбитые автомобили:

– После такого, как людям удастся смотреть на машины, не говоря уже о том, чтобы вести их?

Я не ответил, она просто добавила:

– Я пытаюсь найти машину Чарльза.

– Ее здесь нет. Вероятно, полиция еще работает с ней. Судебная экспертиза...

– Они сказали, что она здесь. Сегодня утром сказали, – она критично посмотрела на мою машину, словно была озадачена ее искаженными формами, и тут же нашла им соответствия в вывихах моего собственного характера. – Это ваша машина?

Она протянула одетую в перчатку руку и прикоснулась к радиаторной решетке, ощупывая разорванную хромированную планку, словно в поисках каких-нибудь следов присутствия своего мужа на этой написанной кровавыми мазками картине. Я никогда не разговаривал с этой усталой женщиной и чувствовал, что мне стоило бы приступить к формальным извинениям за смерть ее мужа и этот ужасный акт насилия, в который мы были вовлечены. В то же время ее рука в перчатке на израненном хроме возбуждала во мне острое

сексуальное чувство.

– Вы порвете перчатки, – я отстранил ее руку от решетки. – Я думаю, нам не стоило сюда приходить... Странно, что полиция не препятствует подобным визитам.

Ее сильное запястье оказывало сопротивление моим пальцам, выказывая какое-то упрямое раздражение, словно она репетировала акт отмщения. Ее взгляд задержался на черном конфетти, рассыпанном по капоту и сиденьям.

– Вы были сильно ранены? – спросила она. – Кажется, мы виделись в больнице.

Я понял, что не могу ничего ей сказать, осознавая ту одержимость, с которой она зачесывает волосы, прикрывая щеку. Ее сильное тело, отмеченное нервной сексуальностью, эффектно сочеталось с измятой, забрызганной кровью машиной.

– Я не хочу искать машину, – сказала она. – На самом деле мне было не по себе, даже когда мне пришлось заплатить небольшую сумму за слом.

Она топталась вокруг машины, смотрела на меня со смесью враждебности и интереса во взгляде, словно допуская, что мотивы ее прихода на эту стоянку были столь же сомнительными, сколь и мои. Я ощутил, что находясь в своем рациональном и прозаичном мире, она пытается постичь открытые мной для нее возможности, разглядывая этот инструмент извращенной технологии, который убил ее мужа и перекрыл главную магистраль ее жизни.

Я предложил подбросить ее в больницу.

– Спасибо, – она пошла впереди. – В аэропорт, если можно.

– В аэропорт? – я ощутил странное чувство утраты. – А вы что, уезжаете?

– Нет, пока... Хотя, как я уже поняла, некоторым людям хотелось бы, чтобы я поскорее уехала, – она сняла солнечные очки и уныло мне улыбнулась. – Смерть в семье врача делает пациентов вдвое более тревожными.

– Я думаю, вы ходите в белом не для того, чтобы их успокоить?

– Если я захочу, то буду ходить хоть в кровавом кимоно.

Мы сели в машину. Она сказала, что работает в иммиграционном отделе Лондонского аэропорта. Стараясь держаться от меня подальше, она прислонилась к двери, обводя критическим взглядом интерьер машины, это явное воскресение гладкого дерматина и полированного стекла. Она следила за движением моих рук по панели управления. Ее бедро, прижатое к горячему винилу, приобрело чрезвычайно волнующие очертания. Я уже догадался, что она прекрасно это понимала. Ужасающий парадокс – сексуальный акт между нами должен был в каком-то смысле стать ее актом отмщения.

Интенсивное движение застыло пробкой на северном шоссе между Эшфордом и Лондонским аэропортом. Солнце жгло перегретый металл. Усталые водители торчали в откры-

тых оконных проемах дверей, слушая по радио бесконечные сводки новостей. Впечатанные в автобусные сиденья будущие авиапассажиры смотрели, как с далеких взлетных полос аэропорта поднимаются реактивные лайнеры. Севернее здания аэровокзала я видел высокий мост развязки, шагающий над туннелем, ведущим в аэропорт, захламленным машинами, которые, казалось, собираются воспроизвести замедленную сцену нашей катастрофы.

Елена Ремингтон вытащила из кармана плаща пачку сигарет. Она поискала на приборном щитке зажигалку, ее правая рука двигалась над моими коленями, как нервная птица.

– Хотите сигарету? – ее сильные пальцы сорвали целлофан. – Я начала курить в Эшфорде... довольно глупо с моей стороны.

– Посмотрите на этот поток машин, я готов принять любое успокаивающее, которое попадает под руку.

– Сейчас их стало еще больше, вы заметили, правда? В день, когда я выписалась из Эшфорда, у меня было необычное ощущение, что все эти машины собираются по какой-то особой, непонятной мне причине. Мне показалось, что движение стало в десять раз интенсивнее.

– Может, это игра нашего воображения?

Она указала сигаретой на интерьер машины:

– Вы купили себе точно такую же машину. Тот же цвет, та же форма.

Она повернула ко мне лицо, уже не предпринимая уси-

лий, чтобы спрятать шрам. Я четко ощущал сильный поток подспудной враждебности, направленный на меня. Вереница машин добралась до перекрестка. Я пристроился к очереди машин, уже размышляя о том, как она будет себя вести во время полового акта. Я пытался представить себе, как ее широкий рот обхватывает член мужа, острые пальцы между ягодицами нащупывают простату. Она прикоснулась к желтому корпусу цистерны с топливом, задержавшейся возле нас, массивное заднее колесо всего в шести дюймах от ее локтя. Когда она читала противопожарные инструкции на цистерне, я смотрел на ее крепкие голени и бедра. Выбрала ли она себе мужчину или женщину для следующего полового акта? Со сменой цвета светофора я почувствовал шевеление пениса. Я переехал со скоростной линии на более медленную, занимая место перед топливной цистерной.

Над горизонтом поднялась арка моста, ее северный пандус был загорожен прямоугольником завода пластмасс. Нетронутые строгие объемы этого здания слились в моем мозгу с контурами ее голеней и бедер, вжатых в виниловые сиденья. Очевидно, не осознавая, что мы движемся к месту нашей первой встречи, Елена Ремингтон скрещивала и раздвигала ноги, перемещая эти объемы на фоне движущегося мимо нас фасада завода пластмасс.

Под нами вниз улетел тротуар. Мы мчались к соединению с дорогой на Драйтон-парк. Она ухватилась за хромированную стойку форточки, едва не уронив сигарету на колени.

Пытаясь контролировать машину, я прижался головкой члена к нижней кромке рулевого колеса. Машина метнулась к точке своего первого столкновения на разделительной полосе. Под нами диагонально расходились белые полосы, из-за моего плеча послышался слабый звук автомобильного клаксона. Потоки осколков лобовых стекол блестели в солнечном свете, словно лампочки, говорящие на языке азбуки Морзе.

Через мой пенис пробилось семя. Я потерял контроль над машиной, и переднее колесо ударило о бровку разделительной полосы, вздымая на лобовое стекло вихрь пыли и сигаретных пачек. Машина съехала со скоростной полосы и направилась к только что совершившему разворот автобусу аэропорта. Я пристроился за автобусом, когда семя еще сочилось из пениса. Угасала последняя дрожь этого маленького оргазма.

Я почувствовал на своей руке ладонь Елены Ремингтон. Она передвинулась на середину сиденья, прижалась сильным плечом к моему плечу, ее ладонь лежала поверх моей ладони, держащей руль. Она смотрела на машины, вырывающиеся мимо нас, гудя клаксонами.

– Сверните куда-нибудь отсюда, вы сможете немного проехать по спокойной улице.

Я покатил машину по боковой дороге, ведущей к пустым цементным бульварам, вдоль которых выстроились частные дома. Около часа мы ехали по пустым улицам. У ворот особняков стояли детские велосипеды и коляски. Елена Реминг-

тон держала меня за плечо, ее глаза скрывались за темными стеклами. Она рассказывала мне о своей работе в иммиграционном отделе аэропорта и о трудностях с подтверждением завещания мужа. Понимала ли она, что происходило в этой машине, на маршруте, который я так много раз репетировал на разных машинах, понимала ли она, что я отпраздновал смерть ее мужа единением наших травм и моего оргазма?

Движение усиливалось, бетонные полосы косыми лучами пересекали ландшафт. Мы с Кэтрин возвращались после встречи со следователем. Мосты развязок громоздились друг над другом, словно совокупающиеся великаны, их огромные ноги были расставлены друг у друга над спинами. Без проявления какого бы то ни было интереса, безо всяких церемоний было сделано заключение о наступлении смерти в результате несчастного случая; полиция не выдвигала против меня обвинений в убийстве или небрежном вождении. После дознания я позволил Кэтрин отвезти меня в аэропорт. Я полчаса сидел возле окна в ее офисе, глядя на сотни машин на стоянке. Их крыши разлились металлическим озером. За плечом Кэтрин, ожидая, когда я уйду, стояла ее секретарша. Когда она передавала Кэтрин ее очки, я обратил внимание, что она накрасила губы белой помадой, возможно, так проявлялось ее ироническое отношение к этому дню смерти.

Кэтрин провела меня в холл:

– Джеймс, тебе нужно сходить в офис. Поверь, любимый, я просто забочусь о тебе.

Она прикоснулась к моему правому плечу любопытным движением, словно искала новую рану, расцветшую там. Во время следствия она как-то особенно держала меня за локоть, опасаясь, что меня может унести в окно.

Не желая торговаться с самоуверенными и надменными таксистами, озабоченными только тем, как бы заломить столичную цену, я пошел через автостоянку возле аэрофрахтового здания. Наверху реактивный лайнер гремел металлическим дыханием. Когда самолет пролетел, я поднял голову и увидел доктора Елену Ремингтон, лавирующую ярдах в ста справа от меня среди машин.

На следствии я был не в состоянии оторвать взгляд от шрама на ее лице. Я смотрел, как она спокойно шла через ряды машин ко входу в иммиграционный отдел. Она шла, бойко приподняв сильный подбородок, отвернув от меня лицо, словно демонстративно стирая любые следы моего существования. В то же время у меня возникло впечатление, что она в абсолютной растерянности.

Через неделю после следствия она ждала такси на стоянке возле Океанического вокзала, когда я ехал из офиса Кэтрин. Я ее окликнул и остановился за аэропортовским автобусом, жестом приглашая ее в машину. Размахивая сумочкой на сильном запястье, она подошла к моей машине и, узнав меня, скорчила гримасу.

Когда мы ехали в направлении Западного проспекта, она с откровенным интересом созерцала поток машин. Она заче-

сала волосы назад, не скрывая бледнеющей полоски шрама.

– Куда вас подвезти?

– Мы можем немного покататься? – спросила она. – Все это движение... Мне нравится за ним наблюдать.

Пыталась ли она меня поддеть? Я догадался, что на свой прямолинейный манер она уже оценила развернутые мною перед ней возможности. С бетонных площадок автостоянок и с крыш многоэтажных гаражей она уже исследовала трезвым несентиментальным взглядом мир технологий, ставший причиной смерти ее мужа.

Она начала болтать с деланным оживлением:

– Вчера я наняла такси, чтобы часок покататься. «Куда угодно», – сказала я. Мы застряли в огромной пробке возле туннеля. Не думаю, что мы проехали больше пятидесяти ярдов. Его это ничуть не смущало.

Мы ехали по Западному проспекту, слева от нас тянулись служебные постройки и забор аэропорта. Я держался «медленной» полосы, высокий мост развязки удалялся в зеркале заднего вида. Елена говорила о новой жизни, которую она уже для себя планировала.

– Лаборатории дорожных исследований нужен медицинский работник. Зарплата даже выше, чем у меня была раньше, как раз то, что мне сейчас нужно. Материалистическому подходу присущи определенные моральные достоинства.

– Лаборатория дорожных исследований... – повторил я. В документальных программах показывали ролики об ис-

кусственных автокатастрофах: эти покалеченные машины не были лишены странного пафоса. – Не слишком ли это близко?..

– В том то и дело. Кроме всего прочего, я сейчас могу дать им нечто, чего раньше и близко не осознавала. Это даже не работа, а скорее миссия.

Через пятнадцать минут, когда мы возвращались к развязке, она уже придвинулась ко мне, молча наблюдая, как мои руки движутся по рычагам управления.

Тот же спокойный, но любопытный взгляд, словно она решала, какую бы извлечь из меня пользу, скользнул по моему лицу чуть позже, когда я остановил машину на пустынной служебной дороге среди резервуаров к западу от аэропорта. Когда я обнял ее за плечи, она мимолетно, словно сама себе улыбнулась, нервным движением верхней губы обнажив резец с золотой коронкой. Я прикоснулся к ее губам своими, сминая восковой панцирь пастельной помады и глядя, как ее рука тянется к хромированной рамке форточки. Я прижался губами к обнаженной чистой эмали ее верхних зубов, очарованный движением ее пальцев по гладкой оконной стойке, поверхность которой была отмечена вдоль передней кромки мазком синей краски, оставленным каким-то небрежным рабочим конвейера. Ноготь ее указательного пальца царапал эту полоску, диагонально поднимавшуюся от дверцы под тем же углом, что и бетонный бортик ирригационной канавы в десяти футах от машины. В моих глазах этот параллакс сли-

вался с образом брошенной машины, лежащей на покрытой ржавыми пятнами траве на склоне насыпи вокруг резервуара. Мимолетное облачко растворяющегося талька, наплывшее на ее глаза, когда я провел языком по векам, содержало всю меланхолию этой бесхозной повозки с сочащимся из нее машинным маслом и охладителем двигателя.

В шестидесяти ярдах за нами на возвышающейся плоскости автострады застыл в ожидании поток машин, послеполуденное солнце пронзало окна автомобилей и автобусов. Моя рука двигалась по внешней выпуклости бедер Елены, ощущая расстегнутую молнию ее платья. Когда эти острые зубчики скользнули по костяшкам моих пальцев, я почувствовал на моем ухе укус ее зубов. Острота этой боли напомнила мне об укусе осколков лобового стекла во время автокатастрофы. Она раздвинула ноги, и я начал ласкать нейлоновое кружево, покрывающее ее лобок, блестящую вуаль лона этой серьезно-рассудительной медработницы. Глядя в ее лицо, на этот нетерпеливый рот, хватающий воздух, словно он пытался заглотить себя, я водил ее рукой по ее груди. Сейчас она говорила сама с собой, бормоча, будто обезумевшая жертва катастрофы. Она вынула из бюстгалтера правую грудь, прижимая мои пальцы к горячему соску. Я по очереди целовал обе груди, пробегая зубами по возбужденным соскам.

Обхватив меня своим телом в этой беседке из стекла, металла и пластика, Елена запустила руку мне под рубашку, нащупывая мои соски. Я взял ее другую руку и положил на

пенис. В зеркале заднего вида появился приближающийся грузовик с водопроводной трубой. Он пронесся мимо в реве дизельных выхлопов и вихре пыли, пробарабанившей по дверцам моей машины. Эта возбуждающая лавина протолкнула в мой пенис первые капли семени. Десять минут спустя, когда грузовик возвращался, меня довели до оргазма дрожащие стекла. Елена стояла надо мной на коленях, втиснув локти в сиденье слева и справа от моего лица. Я лежал на спине, чувствуя горячий аромат винила. Скомкав юбку у нее на талии, я увидел выпуклости ее бедер. Я медленно двигал ее по себе, вжимая древко члена в клитор. Части ее тела: квадратные коленные чашечки под моими локтями, оголенная правая грудь, маленькая ранка, отмечавшая нижнюю часть ее соска, – все это было заключено в клетку кабины автомобиля. Когда я прижал головку члена к шейке матки, на которой мне удалось ощутить мертвую машину – противозачаточный колпачок, – я окинул взглядом салон автомобиля. Это замкнутое пространство было загромождено угловатыми приборами и округлыми частями человеческих тел, взаимодействующих в непривычных сочетаниях, как первый акт гомосексуального соития в капсуле «Аполлона». Объемные бедра Елены, вжатые в мои бедра, ее левый кулак, уткнувшийся в мое плечо, ее рот, обхватывающий мой, форма ее аппетитной попки, ласкаемой моим безымянным пальцем, соседствовали с плодами изобильной технологии – литая панель с измерительными приборами, торчащий панцирь ру-

левой колонки, экстравагантный пистолет рукоятки ручного тормоза. Я прикоснулся к теплому дерматину сиденья и потом приласкал влажный островок промежности Елены. Ее рука легла на мое правое яичко. Вокруг меня пластиковые нагромождения цвета мокрого асфальта обладали теми же тонами, что и волосы на ее лобке. Пассажирское отделение соседствовало с нами, словно машина, создающая в процессе нашего полового акта гомункулуса из крови, спермы и жидкости для охлаждения двигателя. Мой палец скользнул в прямую кишку Елены, ощущая в ее влагалище древко моего члена. Эти тонкие мембраны так же, как и перегородка ее носа, к которой я прикасался языком, отражались в стеклянных циферблатах приборной панели, в неповрежденном изгибе лобового стекла.

Ее зубы вцепились мне в плечо – кровь оставила на рубашке отпечаток рта. Не раздумывая, я ударил ее ладонью по голове.

– Извини! – выдохнула она мне в лицо. – Не двигайся, пожалуйста!

Она снова направила член в свое влагалище. Обеими руками держась за ее ягодицы, я стремительно двигался к оргазму. Серьезное лицо Елены Ремингтон, глядевшее на меня сверху, делало ее похожей на врача, который реанимировал пациента. Блеск влаги на коже вокруг ее рта напоминал отблеск утреннего лобового стекла. Она резко сжимала ягодицы, вдавливая свою лобковую кость в мою, потом откину-

лась на приборный щиток, а мимо нас по шоссе прогремел «лендровер», окутав стекла облаком пыли.

Она поднялась с пениса, когда он иссяк, позволяя семени стечь мне в промежность, потом уселась за руль, держа в руке влажную головку. Она оглядела кабину, словно раздумывая, что бы еще приспособить для нашего полового развлечения. Освещенный послеполуденным солнцем бледнеющий шрам на ее лице служил очертанием этих скрытых мыслей, словно секретная граница аннексированной территории. Полагая, что могу доставить ей пару приятных минут, я обнажил ее левую грудь и стал ласкать ее. Радостно возбужденный ее знакомой геометрией, я посмотрел в сверкающий грот циферблата, на торчащий кожух рулевого механизма и на хромированные головки переключателей.

На служебной дороге за нами появилась полицейская машина, тяжело переваливаясь белым корпусом через выбоины и канавки. Елена выпрямилась и одним движением руки спрятала грудь. Она быстро оделась и, глядя в зеркальце своей пудреницы, стала наводить макияж. Так же внезапно, как мы начали, она сейчас обуздала свою жадную сексуальность.

Судя по всему, Елена Ремингтон явно не придавала особого значения этому экстравагантному действию, этим совокуплениям в тесном салоне моего автомобиля, который я припарковывал на различных пустых служебных дорогах, полуденных стоянках, в тупиках. В следующие недели я подбирал ее возле дома, который она снимала в Нортхолте, или

ждал в приемных возле иммиграционных кабинетов аэропорта, и мне казалось невероятной какая-либо сексуальная связь между мной и этой чувственной женщиной-врачом в белом халате, снисходительно слушающей, как оправдывается какой-нибудь туберкулезный пакистанец.

Странно, но наши сексуальные отношения складывались только в моем автомобиле. В просторной спальне арендуемого ею дома я не был способен даже достичь эрекции, а сама Елена становилась благоразумной и отстраненной и бесконечно говорила о самых скучных сторонах своей работы. Оказавшись же в моей машине на переполненных полосах автострад, мы легко возбуждали друг друга. Каждый раз она проявляла все возрастающую нежность ко мне и моему телу. В наших совокуплениях мы воссоздавали смерть ее мужа, зачиная в ее влагалище его образ, воплощенный в сотне ракурсов наших ртов и бедер, сосков и языков, в металле и пластике автомобильного салона.

Я ожидал, что Кэтрин обнаружит мои частые встречи с этой одинокой женщиной-врачом, но к моему удивлению ее интерес к Елене Ремингтон ограничивался лишь любопытством. Кэтрин вновь решила посвятить себя браку. До аварии наши сексуальные отношения были почти абсолютно абстрактными и поддерживались набором воображаемых игр и извращений. Когда она по утрам вставала с кровати, она напоминала некий совершенный механизм для самообслуживания: быстрый душ, извержение ночной мочи в унитаз,

ее колпачок вынут, смазан и снова вставлен (как и где она занималась любовью во время своих обеденных перерывов и с кем из пилотов и работников аэропорта?), программа новостей, пока она готовит кофе.

Это все теперь ушло, сменившись небольшим, но пылким набором жестов нежности и привязанности. Когда она лежала рядом со мной, намеренно опаздывая в офис, я мог довести себя до оргазма, просто думая о машине, где я занимаюсь сексом с Еленой Ремингтон.

Эта приятная домашняя идиллия с ее восхитительным промискуитетом оборвалась новым явлением Роберта Вона, кошмарного ангела автострад.

Кэтрин три дня отсутствовала – отправилась на конференцию в Париж, посвященную вопросам авиаперелетов, и из любопытства я взял Елену на гонки серийных автомобилей, которые проводились на стадионе в Нортхолте. Несколько водителей-дублеров, снимавшихся в фильме с участием Элизабет Тейлор на студии в Шефертоне, демонстрировали «адскую езду». Невостребованные билеты циркулировали по студии и в наших офисах. Не одобряя мои отношения со вдовой убитого мной человека, Рената дала мне пару билетов – вероятно, это был иронический жест.

Мы с Еленой сидели на полупустых трибунах, наблюдая, как по пепельному покрытию кружится процессия полосатых седанов. Толпа томилась, расположившись по периметру специально подготовленного футбольного поля. Над на-

шими головами с ревом прокатывался голос диктора. В конце каждого заезда водителей вполсилы приободряли их жены.

Елена сидела рядом со мной, обняв меня за талию, касаясь лицом моего плеча. Ее лицо побледнело от непрерывного рева лишенных глушителей моторов.

– Странно... Я думала, что это соберет намного больше публики.

– Настоящее зрелище впереди, – я указал на желтый листок программки. – Это будет поинтереснее: «Воссоздание захватывающей автокатастрофы».

Дорогу очистили и расставили ряды белых буйков, чтобы обозначить очертания перекрестка. Перед нами к сиденью машины без дверей пристегивали огромную фигуру человека в куртке, усыпанной серебристыми блестками. Белые крашенные волосы до плеч связаны на затылке красной лентой. Жесткое лицо бледное и голодное, как у безработного циркача. Я узнал в нем одного из дублеров студии, бывшего гонщика Сигрейва.

Пять машин должны были принимать участие в воссоздании катастрофы – сложного столкновения, в котором прошлым летом на северной окружной дороге погибли семь человек. Пока машины разъезжались на исходные позиции на поле, комментатор подогревал интерес публики. Ключья его комментария отражались от пустых трибун, словно пытались сбежать.

Я указал на высокого фотографа в армейской куртке, который околачивался вокруг машины Сигрейва, выкрикивая ему в отсутствующее лобовое стекло инструкции сквозь рев мотора.

– Опять Воан. Он говорил с тобой в больнице.

– Он фотограф?

– Весьма специфический.

– Я думала, он занимается какими-то исследованиями аварий. Он расспрашивал обо всех мельчайших деталях катастрофы.

Казалось, что на этом стадионе Воан выполняет роль кинорежиссера, словно Сигрейв был его звездой, неизвестным актером, который должен создать Воану репутацию; прислонившись к оконной стойке, он агрессивными жестами очерчивал какую-то новую хореографию насилия и столкновения. Сигрейв развалился на сиденье, затягиваясь небрежно свернутой сигаретой с гашишем, которую отдавал подержать Воану, когда поправлял ремни безопасности или устанавливал угол наклона рулевой колонки. Его белые крашенные волосы привлекли внимание всех зрителей. От комментатора мы узнали, что Сигрейв будет вести машину-мишень, тормозящий грузовик должен будет вытолкнуть ее под удары четырех встречных машин.

В какой-то момент Воан оставил Сигрейва и побежал в будку комментатора, расположенную за нами. Последовало непродолжительное молчание, после чего – с некоторым от-

тенком торжества – нам было сообщено, что Сигрейв попросил сесть за руль грузовика своего лучшего друга. Это последнее драматическое дополнение не возбудило толпу, но Воан, кажется, был удовлетворен. Когда он спустился вниз по проходу, его жесткие, пересеченные шрамами губы расплзлись в дурацкой улыбке. Увидев нас с Еленой Ремингтон, он радостно помахал нам, словно благодарил за то, что мы пришли посмотреть на это патологическое зрелище.

Через двадцать минут я сидел в своей машине позади «линкольна» Воана, а Сигрейва с сотрясением мозга везли через автостоянку. Воссоздание катастрофы потерпело фиаско – после удара грузовиком машина Сигрейва зацепилась за бампер грузовика, словно близорукий тореадор, налетевший прямо на рога быка. Грузовик протащил его ярдов пятьдесят и ударился об один из встречных седанов. Жесткое неконтролируемое столкновение подняло на ноги всю толпу, включая меня с Еленой.

Только Воан не двинулся с места. Оглушенные водители, выбравшись из кабин, вынимали из машины Сигрейва. Тут Воан быстро пересек арену и повелительным жестом подзывал Елену Ремингтон. Я пошел за ней, но Воан вел Елену через толпу механиков и зевак, не обращая на меня никакого внимания.

Сигрейв вытирал замасленные руки о серебристые брюки комбинезона и слепо нащупывая перед собой воздух. Он мог передвигаться самостоятельно, но Воан убедил Елену сопро-

вождать их до нортхолтской больницы. Только они отправились в путь, как я обнаружил, что какая-то сила заставляет меня следовать за машиной Воана – пыльным «линкольном» с прикрепленным сзади фонарем. Едва Сигрейв плюхнулся на заднее сиденье возле Елены, Воан помчался сквозь вечерний воздух, высунув одну руку в окно и постукивая ладонью по крыше. Я догадался, что он пытается проверить, сможет ли от меня оторваться; на светофорах он наблюдал за мной в зеркало заднего вида, чтобы тут же рвануть на желтый свет. На нортхолтском мосту он мчался, изрядно превышая скорость, небрежно обогнав не с той стороны патрульную полицейскую машину. Водитель мигнул фарами, но успокоился, увидев алую, похожую на пятно крови ленту на волосах Сигрейва и мои тревожно мигающие фары сзади.

Мы проехали мост и помчались по бетонной дороге через западный Нортхолт – жилой поселок аэропорта. В маленьких садиках, разделенных проволочными заборами, стояли одноэтажные домики. В этой зоне жил младший персонал аэропорта: сторожа автостоянок, официантки и бывшие стюардессы. Многие из них, работая посменно, спали после обеда, и когда мы катили по пустынным улицам, окна их квартир были зашторены.

Свернув, мы заехали на территорию больницы. Игнорируя автостоянку для посетителей, Воан миновал вход в травматологическое отделение и остановил машину на стоянке, предназначенной для врачей. Он выпрыгнул сам и пома-

нил из машины Елену. Приглаживая белые волосы, Сигрейв неохотно выбирался с заднего сиденья. Его чувство равновесия еще не восстановилось, и он прислонил свое массивное тело к стойке двери. Глядя на его расфокусированные глаза и всю в ушибах и синяках голову, я решил, что это только последнее из множества сотрясений его мозга. Воан придерживал его голову, а он поплевал на свои испачканные маслом ладони, потом взял Воана за руку и, пошатываясь, последовал за Еленой к отделению скорой помощи.

Мы ждали их возвращения. Воан сидел в темноте на капоте своего автомобиля, закрывая бедром свет одной из фар. Вдруг он нервно встал и начал бродить вокруг машины, провояжая пристальными взглядами вечерних посетителей. Глядя на него из своей машины, припаркованной рядом, я заметил, что даже сейчас Воан играет свою роль, представляет драматический образ анонимным зрителям, оставаясь все время в свете прожекторов, словно ожидает появления невидимых телекамер, которые вставят его в рамку кадра. Несостоявшийся актер угадывался во всех его порывистых движениях, раздражая и отталкивая меня. Пружина на истертых теннисных туфлях, он побрел к багажнику и открыл его.

Утомленный светом его фар, отраженным от двери физиотерапевтического отделения, я вышел из машины и стал смотреть на Воана. Он рылся в багажнике среди камер и вспышек. Выбрав кинокамеру с пистолетной рукояткой, он закрыл багажник и уселся за руль, эффектно упершись од-

ной ногой в черный асфальт.

Он открыл пассажирскую дверь:

– Идите сюда, Баллард, они пробудут там дольше, чем может себе представить девчонка Ремингтон.

Я сел возле него на переднее сиденье «линкольна». Он глядел в объектив камеры, шаря взглядом по входу в отделение скорой помощи. На полу в грязи лежала пачка фотографий разбитых автомобилей. Больше всего в Воане меня волновала странная постановка его бедер, словно он хотел втиснуть половые органы в приборный щиток машины. Я смотрел, как сдвигаются бедра, когда он смотрит в камеру, как сжимаются его ягодицы. Внезапно у меня возникло желание протянуть руку, взять его член и направить головку к люминесцирующим циферблатам. Я представил, как сильная нога Воана вжимает в пол педаль газа. Через строгие интервалы времени капли его семени падали бы на спидометр, а стрелка прибора поднималась бы, возбуждаясь вместе с нами, мчащимися по извилистому бетону.

Мне довелось знать Воана с этого первого вечера нашего знакомства до его смерти год спустя, но характер наших отношений определился в те несколько минут, когда мы ждали Сигрейва и Елену Ремингтон на автостоянке для врачей. Сидя возле него, я чувствовал, как моя враждебность уступает место некоему почтению, даже, возможно, подобострастию. Манера Воана вести автомобиль задавала тон всемоу его поведению – попеременно агрессивному, безумно-

му, чувственному, неуклюжему, отстраненному и жестокому. Вторая передача в его «линкольне» не работала. Она сорвалась, как позже объяснил Воан, во время гонок с Сигрейвом по шоссе. Иногда на Западном проспекте нам приходилось сидеть в машине, задерживая движение на скоростной полосе, поскольку мы тащились на скорости десять миль в час, ожидая пока израненная передача позволит набрать скорость. Тогда Воан вел себя, как какой-нибудь паралитик, тупо вращая руль, словно он считал, что в машине неисправна система управления, его ноги беспомощно свисали с сиденья, а мы, уже набрав скорость, мчались к задним огням такси, стоящего под светофором. В последний момент он рывком останавливал машину, изображая удачную карикатуру на водителя.

Его поведение со всеми женщинами, которых он знал, подчинялось правилам им же придуманных безумных игр. С Еленой Ремингтон он обычно разговаривал в той же небрежной ироничной манере, но бывали моменты, когда он становился вежливым и почтительным, бесконечно поверяя мне в гостиничных писсуарах, что его волнует вопрос, будет ли она заботиться о жене и маленьком сыне Сигрейва или, возможно, о нем самом. Потом, отвлеченный чем-то другим, он мог вообще мысленно разжаловать ее из медицинских работников. Даже после того, как между ними возникла связь, настроения Воана колебались – нежность сменяли затяжные припадки раздражения. Он сидел за рулем машины и глядел,

как она идет из иммиграционного отдела, холодно оценивая взглядом зоны предполагаемых повреждений на ее теле.

Воан прислонил кинокамеру к рулю, вытянулся на сиденье, расставив ноги, поправил рукой свои тяжелые чресла. Белизна его рук и груди, шрамы, отмечавшие кожу так же, как и мою, придавали его телу нездоровый металлический блеск – как у истертого пластика в салоне машины. Эти явно бессмысленные отметки на его теле, словно следы стамески, бугорки плоти, оформленные разлетающимся стеклом индикаторов, треснувшим рычагом коробки передач и выключателями габаритных огней, демонстрировали объятия сминающегося салона. Все вместе они задавали тон боли и чувственности, эротизму и страсти. Отраженный свет фар выхватывал из тьмы полукруг из пяти шрамов, окружавших правый сосок Воана, – указатель для руки, которая захочет прикоснуться к его груди.

В туалете отделения скорой помощи наши писсуары были рядом, и я взглянул на член Воана, любопытствуя, есть ли шрамы и на нем. Головка, зажата между указательным и средним пальцем, была отмечена четким рубцом, похожим на канал для подачи семени или лимфы. Какая деталь разбивающейся машины поцеловала этот пенис на свадьбе его оргазма и хромированной ручки прибора? Пугающее возбуждение от этого шрама наполняло мое сознание, когда я шел за Воаном обратно к машине между разбредающими по домам посетителями больницы. Легкий боковой отблеск

этого шрама, как зайчик от стойки лобового стекла «линкольна», отмечал весь окольный, но упорный путь Воана по открытым территориям моего сознания.

Фары застывшего вдоль берега автострады потока машин освещали вечернее небо, словно подвешенные к горизонту фонари. Со взлетной полосы в четырехстах ярдах слева от нас по канату своих нервных моторов в темный воздух поднялся авиалайнер. За оградой на неухоженной траве стояли длинные ряды металлических столбов. Полосы посадочных огней образовывали освещенные поля, которые напоминали кварталы вечернего города. Мы находились в зоне строительства, протянувшейся вдоль южной стороны аэропорта. Двигаясь по неосвещенным территориям с размещенными на них трехэтажными домами для персонала аэропорта, недостроенными отелями и бензозаправочными станциями, мы проехали мимо пустого супермаркета, утопающего в грязи. Вдоль кромки шоссе в свете фар «линкольна» вздымались белые дюны строительного мусора.

Вдали возникла полоска уличных фонарей, отмечающая границы этой транзитной территории. Сразу за ее пределами, на западных подъездах к Стэнвеллу находилась зона трансформаторных станций, автомобильных свалок, маленьких автомастерских и распределительных блоков. Мы проехали мимо неподвижного двухколесного прицепа, загруженного разбитыми машинами. На заднем сиденье машины Воана оживился и привстал Сигрейв – некий ему одному

известный возбудитель достиг его измотанного мозга. По дороге из больницы он полулежал, опершись о стойку заднего окна, его светлые крашенные волосы, похожие на нейлоновый парик, были освещены фарами моего автомобиля. Рядом с ним сидела, время от времени оглядываясь на меня, Елена Ремингтон. Она настояла на том, чтобы мы проводили Сигрейва до дома, очевидно, сомневаясь в намерениях Воана.

Мы свернули на площадку перед гаражом Сигрейва и участком, предназначенным для готовых к продаже машин. Его бизнес явно знал лучшие времена в те счастливые дни, когда он был автогонщиком, специализирующимся на гоночных и переоборудованных серийных машинах. За запыленной травой торгового участка стояла плексигласовая копия гоночной машины «бруклэндс» 1930 года, ее сиденье было завалено выцветшими флагами.

Я наблюдал, как Елена Ремингтон и Воан ведут Сигрейва в дом. Каскадер расфокусированно смотрел на дешевую дерматиновую мебель, некоторое время не в силах узнать собственный дом. Он улегся на софу, а его жена требовала чего-то от Елены Ремингтон, словно она, врач, была в ответе за симптомы своего пациента. Почему-то Вера Сигрейв освобождала Воана от любой ответственности, хотя – как я понял позже, а она должна была уже знать – Воан явно использовал ее мужа в своих экспериментах. Волосы этой симпатичной энергичной женщины лет тридцати были заплетены в тонкие косички в африканском стиле. Между ее ног, глядя

на нас, стоял ребенок, машинально блуждая пальчиками по двум длинным шрамам на бедрах матери, чуть скрывааемых мини-юбкой.

Небрежно приобняв Веру Сигрейв за талию, пока она допрашивала Елену Ремингтон, Воан направился к трио, сидящему напротив на ветхом диванчике. Мужчина, телережиссер, делавший первые программы Воана, поощрительно кивал, когда Воан описывал аварию Сигрейва, но был слишком накурен гашишем – сладковатый дым окутал комнату, чтобы сконцентрироваться на предложении Воана сделать из этого программу. Возле него сидела молодая женщина с узким лицом и готовила следующий косяк; пока она разминала маленький кусочек смолы в смятой серебристой фольге, Воан вынул из кармана бронзовую зажигалку. Она обожгла размятую смолу и стряхнула получившийся порошок в развернутую сигаретную бумажку, уже ждавшую в машинке у нее на коленях. Работник службы социального обеспечения в стэнвеллском отделении Общества защиты детей, она была давней подругой Веры Сигрейв.

В глаза бросались следы на ее ногах, похожие на шрамы от газовой гангрены, а также бледные круглые вмятинки на коленных чашечках. Она заметила, что я смотрю на шрамы, но это ее вовсе не смутило. Возле нее к дивану была прислонена хромированная трость. Когда она сменила позу, я увидел, что подъемы обеих ее ступней взяты в стальные зажимы хирургических шин. По слишком жесткой постановке ее фи-

гуры я понял, что, кроме того, на ней был какой-то поддерживающий корсет. Она вынула из машинки сигарету, бросив на меня взгляд, полный нескрываемого подозрения. Я догадался, что этот отблеск враждебности продиктован предположением, что я, в отличие от Воана, ее самой и Сигрейвов, не был травмирован в автокатастрофе.

К моей руке прикоснулась Елена Ремингтон:

– Сигрейву, – она посмотрела на неуклюже двигающегося каскадера, который немного оправился и забавлялся со своим сыном, – кажется, завтра предстоит дубляж на студии. Можешь убедить его, чтобы он не шел?

– Попроси его жену. Или Воана. По-моему, он здесь заправляет.

– Думаю, это бесполезно.

Раздался голос телевизионного продюсера:

– Сейчас Сигрейв дублирует актрис. Все дело в его красивых белых волосах. Сигрейв, а как ты ведешь себя с брюнетками?

Сигрейв забавлялся крохотным члеником своего сына.

– Даю им пинка под зад. Сначала делаю маленькую медицинскую свечку из гашиша, а потом отправляю ее по назначению своим – ха-ха – шомполом. Два удовольствия сразу. – Он машинально посмотрел на свои промасленные руки. – Мне хотелось бы посадить их всех в те машины, водить которые приходится нам. Что ты об этом думаешь, Воан?

– Мы это когда-нибудь сделаем, – в голосе Воана прозвуч-

чала неожиданная нотка почтения. – Обязательно сделаем.

– И пристегнуть их этими дерьмовыми дешевыми ремнями. – Сигрейв затянулся небрежно свернутой сигаретой, которую передал ему Воан. Он задержал дым в легких, глядя на гору брошенных машин в конце своего сада. – Воан, представь себе их в каком-нибудь сложном скоростном столкновении. Как они красиво переворачивались бы. Или как они сработали бы лобовое столкновение. Я это иногда даже во сне вижу. Это все твоя работа, Воан.

Воан одобрительно улыбнулся:

– Ты прав. С кого же начнем?

Сигрейв улыбнулся сквозь дым. Он не обращал внимания на пытавшуюся его успокоить жену и спокойно смотрел на Воана:

– Я знаю, с кого бы я начал.

– Правда?

– Я отлично представляю себе, как эти большие сиськи врезаются в приборный щиток.

Воан резко отвернулся – возможно, ему показалось, что Сигрейв валяет с ним дурака. Из-за шрамов вокруг рта и на лбу его мимика не вписывалась в обычную гамму чувств. Он бросил взгляд на диван, где его бывший режиссер и покалеченная молодая женщина, Габриэль, передавали друг другу сигарету.

Я развернулся, чтобы идти, решив подождать Елену в машине. Воан вышел вслед за мной. Сильной кистью он взял

меня за руку:

– Не спеши уходить, Баллард, я хочу, чтобы ты мне помог.

Когда Воан проигрывал эту сцену, у меня было ощущение, что он контролирует нас всех, давая каждому то, чего он больше всего хочет и больше всего боится.

Я пошел за ним по коридору в фотолабораторию. Закрывая дверь, он жестом пригласил меня в центр комнаты.

– Это новый проект, Баллард, – он доверительно обвел комнату рукой. – Я делаю серию программ для телевидения – это одна из программ моего проекта.

– Вы ушли из NCL³?

– Конечно, проект чрезвычайно значителен, – он встряхнул головой, избавляясь от ассоциаций. – Большая государственная лаборатория не приспособлена – ни в техническом, ни в любом другом отношении – для того, чтобы делать что-то подобное.

Сотни фотографий были приколоты к стенам, лежали на стульях и в эмалированных лотках. Пол вокруг увеличителя был завален бледными снимками, проявленными и отброшенными, как только начали прорисовываться на них образы. Воан кружил вокруг центрального стола, листая страницы альбома в кожаном переплете, а я глядел на отвергнутые отпечатки у меня под ногами. На большинстве из них были запечатлены легковые автомобили и грузовики после столкновений, окруженные зрителями и полицией, на некоторых

³ Национальная телестудия в Великобритании.

фотографиях – разбитые радиаторные решетки и лобовые стекла. Многие снимки были сделаны нетвердой рукой из движущейся машины, со смазанными очертаниями рассерженных полицейских и санитаров скорой помощи, пререкающихся с движущимся мимо них фотографом.

При беглом осмотре я не увидел на этих фотографиях знакомых людей, но на стене над металлической раковиной возле окна висели увеличенные снимки шести женщин средних лет. Меня удивило их отчетливое сходство с Верой Сигрейв – так она могла бы выглядеть лет через двадцать. На этих снимках были разные женщины: одна, с мехами на плечах, ассоциировалась у меня с хорошо сохранившейся женой преуспевающего бизнесмена, другая – с климактерической кассиршей супермаркета, третья – с ожиревшей билетершей в обшитой тесьмой габардиновой униформе. В отличие от остальных фотографий эти шесть были сделаны с особой тщательностью и сняты мощными объективами через лобовые стекла и вращающиеся двери.

Воан наугад открыл альбом и вручил его мне. Прислонившись спиной к двери, он наблюдал, как я поправляю настольную лампу.

Первые тридцать страниц изображали саму автокатастрофу, госпитализацию и реабилитацию молодой работницы службы социального обеспечения – Габриэль, – которая сидела на диванчике в гостиной Сигрейва и сворачивала сигареты с гашишем. По случайному совпадению ее малень-

кая спортивная машина врезалась в автобус аэропорта возле въезда в туннель, недалеко от места моей аварии. Ее лицо с острым подбородком, с уже припухшей, но еще не посиневшей кожей было откинута на залитом маслом сиденье. Вокруг разбитой машины стояла группа полицейских, санитаров и зевак. На переднем плане первых фотографий пожарник сварочным аппаратом разрезал стойку правой передней двери. Травм молодой женщины еще не было видно. Ее отрешенное лицо смотрело на пожарника почти так, как если бы она ожидала какого-то сексуального надругательства. На более поздних фотографиях начала проявляться маска синяков на ее лице как очертания второй натуры; маска эта словно являла всем скрытые лица ее души, которые должны были проявиться гораздо позже, в преклонном возрасте. Меня удивили аккуратные линии синяков вокруг большого рта. Эти болезненные углубления делали ее похожей на эгоистичную старую деву с богатой историей несложившихся отношений. Позже еще больше синяков выступило на руках и плечах: отпечатки рулевой колонки и приборного щитка, словно это любовники били ее целым набором нелепых предметов в припадках все возрастающей абстрагированной страсти.

Воан все еще стоял за моей спиной, прислонившись к двери. Впервые с момента нашей встречи его тело было совершенно расслабленным, маниакальные движения были каким-то образом успокоены значимостью этого альбома. Я

перевернул еще несколько страниц. Воан тщательно собрал фотодосье на эту молодую женщину. Я догадался, что он наткнулся на аварию через несколько минут после того, как ее затормозившая машина врезалась в зад автобуса. Встреченные лица нескольких пассажиров смотрели через заднее стекло на расшибленную спортивную машину, в которой сидела молодая израненная женщина, – некая живописная скульптура под окнами их автобуса.

Следующие снимки изображали, как ее достают из машины, белая юбка потяжелела от крови. Ее лицо отрешенно покоится на руке пожарника, поднимающего ее из кровавой чаши, в которую превратилось водительское сиденье. Она напоминает безумного сектанта с Юга Америки, крещенного в крови ягненка. Полицейский водитель без фуражки держал одну из рукояток носилок, его квадратная челюсть прижималась одной стороной к ее левому бедру. Между бедер выделялся темный треугольник лона.

Затем шло несколько фотографий, запечатлевших ее разбитую машину на свалке, пятна высохшей крови на водительском и пассажирском сиденьях, снятые крупным планом. На одной из фотографий промелькнул и сам Воан, в байроновской позе уставившийся на машину, сквозь облегающие джинсы отчетливо угадывался его тяжелый член.

Последняя группа фотографий изображала молодую женщину в хромированном кресле на колесах. Вот ее везет подруга мимо усаженного рододендронами газона санатория,

вот она сама управляет своей сверкающей тележкой на соревнованиях по стрельбе из лука и, наконец, берет первые уроки за рулем инвалидной машины. Когда я дошел до снимков, где она знакомится со сложной системой тормозных рычагов и коробки передач, то осознал, насколько изменилась эта трагически искалеченная молодая женщина за время выздоровления. Первые фотографии, где она лежит в расшибленной машине, изображали обычную девушку, чье симметричное лицо и свежая кожа излучали сдержанность уютной пассивной жизни, незначительных романов на задних сиденьях дешевых машин. На этих снимках я видел девушку, которая не имела ни малейшего представления об истинных возможностях собственного тела. Я мог представить ее сидящей в машине какого-нибудь чиновника социальной службы средних лет; тогда она еще не замечала той композиции, которая создается сочетанием их половых органов с дизайном приборного щитка, не обращала внимание на геометрию эротизма и фантазии, которая откроется ей впервые во время автокатастрофы, во время неистовой свадьбы, вертящейся в танце вокруг ее колен и лобка. Эта вполне симпатичная девушка с ее уютными эротическими снами возродилась в ломающихся контурах сминаемой спортивной машины. Три месяца спустя, сидя возле инструктора-физиотерапевта в инвалидной машине, она держалась за хромированные рычаги сильными пальцами, словно те были отростками ее клитора. Ее хитрые глазки, казалось, отражали осо-

знание ею того, что пространство между ее покалеченными ногами постоянно оставалось в поле зрения этого мускулистого мужчины. Его взгляд бродил по влажной ложбинке ее паха, пока она перемещала рычаги коробки передач. Смятое тело спортивной машины превратило ее в существо свободно и патологически сексуальное, высвобождающее здесь, возле металлических переборок и сочащейся охлаждающей жидкости мотора, все извращенные возможности своей плоти. Ее покалеченные бедра и атрофировавшиеся икры были отличным материалом для аномальных фантазий. Когда она через окно смотрела в камеру Воана, ее лукавые глаза давали понять, что она четко улавливает степень его заинтересованности ею. Положение ее рук на руле и рычаге акселератора, нездоровые пальцы, как бы указывающие ей на грудь, напоминали элементы какого-то стилизованного мастурбационного ритуала. Мимика ее сильного угловатого лица, казалось, повторяет деформированные панели автомобилей, словно она совершенно ясно осознавала, что эти искореженные циферблаты – вполне доступная антология развращенности, ключ к альтернативной сексуальности. Я смотрел на ярко освещенные фотографии, непроизвольно представляя серию снимков, которые мог бы сделать я. Всевозможные половые акты: ее ноги покоятся на деталях сложных механизмов, на тележках и железных каркасах; вот она со своим инструктором – приглашает этого неразвращенного молодого человека познать новообретенные формы ее те-

ла, развивая сексуальные возможности, которые станут абсолютной аналогией всех остальных благ, созданных разрастающимися технологиями двадцатого века. Думая о том, как изгибается ее позвоночник во время оргазма, о вздыбившихся волосах на ее недоразвитых бедрах, я глядел на фирменный знак машины, на четкие грани оконных стоек.

Воан молча стоял возле двери. Я листал альбом. В конце, как я и предполагал, он описывал мою историю: аварию и выздоровление. С первой фотографии, изображавшей, как меня несут в отделение скорой помощи Эшфордской больницы, я понял, что Воан ждал меня там, – позже я узнал, что он слушал сообщения скорой помощи на ультракоротких волнах радиоприемника в своей машине.

Ряд снимков был посвящен скорее Воану, чем мне, – изображение ландшафта и увлекающих фотографа деталей. Если не считать фотографий в больнице, сделанных с помощью мощного объектива через открытое окно палаты, где я лежу в кровати, обернутый гораздо большим количеством бинтов, чем я представлял себе в тот момент, фон всех фотографий был одинаковым – автомобиль. Автомобиль, движущийся по автостраде возле аэропорта, автомобиль, застрявший в пробке на развязке, автомобиль, припаркованный где-нибудь в тупике или идеально тихом для любовников переулке. Воан следил за мной от полицейской автостоянки до вокзала аэропорта, от многоэтажной автостоянки до дома Елены Ремингтон. По этим грубым снимкам могло сложить-

ся впечатление, что вся моя жизнь прошла внутри или возле машины. Заинтересованность Воана мною самим была, очевидно, минимальной; его занимало не поведение сорокалетнего продюсера телевизионных роликов, а взаимодействие анонимного индивидуума и его машины, перемещения его тела по полированным пластиковым панелям и дерматиновым сиденьям, силуэт его лица, отраженный в циферблате.

Лейтмотив этой фотографической записи определился, когда я оправился от травм: мои взаимоотношения, опосредованные автомобилем и его технологическим ландшафтом, с женой, Ренатой и Еленой Ремингтон. На этих небрежных фотографиях Воан запечатлел мои неуверенные объятия, когда я отпустил израненное тело в первое соитие после аварии. Он поймал мою руку, протянутую над коробкой передач спортивной машины моей жены, хромированный рычаг вжался во внутреннюю поверхность моего предплечья, моя покрытая синяками ладонь прикасается к ее бедру; мой оцепеневший рот на левом соске Ренаты, я достаю ее грудь из блузки, а мои волосы лежат на кромке приоткрытого окна; Елена Ремингтон сидит на мне верхом на пассажирском сиденье ее черного седана, юбка обернута вокруг талии, отмеченные шрамами колени втиснуты в виниловое сиденье, мой член в ее лоне, на наклонной плоскости приборного щитка застыла стайка мутных эллипсоидных пятен, похожих на пузырьки, стекающие по нашим счастливым бедрам.

Воан стоял за моим плечом как инструктор, готовый по-

мочь многообещающему ученику. Когда я рассматривал на фотографии себя, прильнувшего к груди Ренаты, Воан склонился надо мной. Треснувшим ногтем с мазутным пятном на кромке он указал на композицию из хромированной оконной стойки и оттянутой лямки бюстгальтера женщины. На фотографии все выглядело так, будто бы стойка и лямка были пращей из металла и нейлона, из которой ко мне в рот должен быть выпущен смятый сосок.

Лицо Воана оставалось бесстрастным. На шее я заметил архипелаг оспинок от ветрянки. От его белых джинсов исходил острый, но не противный дух: смесь запахов семени и охладителя мотора. Он перелистывал снимки, время от времени поворачивая альбом, чтобы показать мне интересные ракурсы.

Я смотрел, как Воан закрывает альбом, и думал, почему я не могу возбудить себя хотя бы до деланной злости, почему не возмущаюсь этим наглым вмешательством в мою жизнь. Но отстраненность Воана от каких бы то ни было эмоций и причастности к происходящему уже произвели должный эффект. Вероятно, эти снимки насилия и сексуальности подняли на поверхность моего сознания некий скрытый гомоэротический элемент. Деформированное тело покалеченной девушки и деформированные тела разбитых автомобилей открывали для меня совершенно новые сексуальные возможности. Воану удалось выразить в этом материале мою потребность найти в катастрофе позитивное зерно.

Я посмотрел на длинные бедра и жесткие ягодицы Воана. Насколько бы чувственной ни казалась возможность гомосексуальных отношений с Воаном, эротическое начало в нем отсутствовало. Введение моего члена в его задницу, когда мы окажемся на заднем сиденье его машины, будет эпизодом таким же стилизованным и абстрактным, как и события, запечатленные на фотографиях Воана.

В дверь неуверенной походкой вошел телережиссер, меж его пальцев расплзалась влажная сигарета.

– Воан, ты не мог бы свернуть сигарету? Сигрейв ее всю размусолил, – он машинально провел пальцем по разлезшейся сигарете и кивнул мне. – Видишь? Это наш нервный центр. Воан изображает все преступно-романтичным.

Воан отставил треногу, которую смазывал маслом, и мастерски скрутил сигарету, не забыв и про крошки гашиша, оставшиеся на ладони. Он лизнул бумажку острым языком, который вынырнул, как язык рептилии, из израненного рта. Его ноздри нервно хватали дым.

Я просмотрел пачку свежееотпечатанных снимков, разбросанных на столе под окном. На них я увидел знакомое лицо киноактрисы, сфотографированной в тот момент, когда она выходила из лимузина возле отеля «Лондон».

– Элизабет Тейлор. Вы следите за ней?

– Нет, пока. Мне нужно с ней увидеться, Баллард.

– Часть вашего проекта? Сомневаюсь, что она сможет вам помочь.

Воан бродил по комнате, неровно выбрасывая ноги.

– Она ведь сейчас работает в Шефертоне. Разве вы не используете ее в ролике для Форда?

Воан ждал, когда я заговорю. Я знал, что его не удовлетворит отговорка. Подумав о болезненных фантазиях Сигрейва – заставить кинозвезд разбивать свои дублерские машины, – я решил не отвечать.

Прочитав это все на моем лице, Воан повернулся к двери:

– Я позову доктора Ремингтон, и мы вернемся к этому разговору.

Он вручил мне, возможно, в знак примирения пачку изрядно замусоленных датских порнографических журналов:

– Взгляните на это – они сделаны более профессионально. Можете посмотреть их вместе с доктором Ремингтон.

Габриэль, Вера Сигрейв и Елена прогуливались в саду, их голоса заглушались ревом самолетов, взлетающих из аэропорта. Габриэль шла посредине, походка ее скованных ног словно пародировала торжественное шествие. Ее мертвенно-бледная кожа отражала янтарный свет уличных фонарей. Елена придерживала ее за левый локоть, аккуратно ведя через высокую – до колеи – траву. Внезапно я вспомнил, что за все время, проведенное с Еленой Ремингтон, мы никогда не говорили о ее мертвом муже.

Я посмотрел цветные фотографии в журналах; в каждом из них на центральном развороте фигурировал автомобиль того или иного типа – привлекательные образы молодых пар

в групповом соитии возле американского кабриолета посреди безмятежного луга; обнаженный бизнесмен средних лет со своей секретаршей на заднем сиденье «мерседеса»; гомосексуалисты, раздевающие друг друга во время пикника на обочине; оргия подростков на прицепе для перевозки автомобилей, они буквально наводнили нагруженные на нем машины. И все эти страницы пронизаны блеском приборных панелей и солнцезащитных щитков, отблеском тщательно отполированного пластика, отражающего изгибы мягкого живота, бедер, заросли лобковых волос, растущие в каждом уголке автомобильных салонов.

Воан смотрел на меня, сидя в желтом кресле. Сигрейв играл с сынишкой. Я помню его лицо – отрешенное, но серьезное, – когда Сигрейв расстегнул рубашку и приложил губы ребенка к своему соску, собрав жесткую кожу в карикатурное подобие женской груди.

Встреча с Воаном и знакомство с альбомом фотографий, документирующих мою аварию, вновь оживили во мне воспоминания об этом жутком происшествии. Сев через неделю за руль, я обнаружил, что не могу направить машину в сторону студии в Шефертоне, словно моя машина превратилась за ночь в японскую игрушку,двигающуюся только в одном направлении, или ее оснастили, как и мою голову, мощным гироскопом⁴, направляющим нас к развязке аэропорта.

⁴ Гироскоп – прибор со свободной осью, вращающийся с большой скоростью, обладает устойчивостью при разных положениях.

Ожидая, пока Кэтрин отправится на летные уроки, я вел машину в направлении автострады и через несколько минут попал в пробку. Полосы застывших машин уходили к горизонту, где сливались с заторами на подъездах к автострадам, ведущим на юг и запад Лондона. Я медленно продвигался вперед, и в поле моего зрения оказался наш дом. На балконе я увидел Кэтрин, выполняющую какие-то сложные движения. Два или три раза она позвонила по телефону. И вдруг я понял, что она играет меня. Я уже знал, что вернусь в квартиру в тот момент, когда она уйдет, и на этом, открытом для взгляда балконе приму позу выздоравливающего. Впервые я осознал, что сидя там, практически в центре этого пустого многоэтажного лица, я оказывался на обозрении десятков тысяч водителей, многие из которых, должно быть, размышляли о том, кто же это там сидит, весь забинтованный. В их глазах я должен был казаться каким-то кошмарным тотемом, домашним идиотом, страдающим от необратимого мозгового повреждения в результате автомобильной аварии, которого теперь каждое утро выставляют на балкон, чтобы он мог посмотреть на сцену, где разыгралась трагедия, приведшая к распаду его личности.

Поток машин медленно продвигался к развязке на Западном проспекте. Я потерял Кэтрин из виду – между нами возник стеклянный занавес стен высотных жилых домов. Вокруг меня в кишачем мухами свете солнца распростерлась утренняя громада дорожного движения. Как ни странно, я

не испытывал нетерпения. Ужасающее предчувствие беды, которое, словно светофор, висело над моими предыдущими экскурсиями по автострадам, теперь исчезло. Присутствие Воана – где-то рядом со мной, на одной из этих переполненных улиц – убедило меня в том, что можно найти некий ключ к грядущему автогеддону. Его фотографии половых актов, фрагментов радиаторных решеток и приборных панелей, сочленений локтя и оконной стойки, женских половых органов и циферблатов демонстрировали возможности новой логики, порожденной этими размножающимися артефактами, представляя законы родства между чувственностью и энергией сжигаемого топлива.

Воан меня испугал. То, как бессердечно он использовал Сигрейва, играя на безумных фантазиях, рождающихся в сотрясенных мозгах этого дублера, было для меня предостережением: он склонен заходить сколь угодно далеко, извлекая пользу из сиюминутной ситуации, возникшей вокруг него.

Когда движение вынесло меня к развязке Западного проспекта, я набрал скорость и на первом же повороте к Драйтон-парку свернул на север. Многоэтажный дом, словно поставленный вертикально стеклянный гроб, вздыбился над моей головой, когда я въезжал в подземный гараж.

Вернувшись, я неугомонно заметался по квартире в поисках блокнота, в котором Кэтрин записывает то, что ей передают по телефону. Я хотел перехватить какие-нибудь записи о ее любовниках, но не из сексуальной ревности, а пото-

му, что эти отношения могли повредить чему-то, что готовит для нас всех Воан.

Кэтрин неустанно проявляла заботу и любовь ко мне. Она так активно поощряла мои свидания с Еленой Ремингтон, что мне иногда казалось, будто она готовит почву для бесплатной консультации, окрашенной яркими лесбийскими тонами, по поводу какой-нибудь загадочной гинекологической хвори – межконтинентальные пилоты, с которыми она братается, вероятно, награждены большим количеством болячек, чем все эти перепуганные иммигранты, которых перегоняют через кабинет Елены Ремингтон.

Я провел целое утро в поисках Воана, обследуя подъездные дороги аэропорта. С парковочных площадок бензоколонок на Западном проспекте я разглядывал встречный поток машин, колесил вокруг Океанического терминала с его смотровой платформой, надеясь увидеть, как Воан подстерегает заезжую звезду или политика.

Вдалеке по ничем не заслоненному изгибу моста развязки медленно двигался поток машин. Я почему-то вспомнил, как Кэтрин однажды сказала, что она не будет удовлетворена до тех пор, пока не совершит каждый мыслимый в этом мире акт совокупления. Где-то здесь, на стыке бетона и строительной стали, в этом тщательно размеченном ландшафте дорожных знаков и подъездных дорог, общественной иерархии и потребительских товаров, движется в своей машине, словно посланник, Воан. Его локоть, весь в рубцах, покоит-

ся на хромированной раме окна, он курсирует по дорогам, надеясь увидеть за немытым стеклом акт насилия и секса.

Отказавшись от попытки найти Воана, я поехал в Шеффертон, в студию. Ворота загораживал огромный поломанный грузовик. Из кабины висел шофер и кричал на двух рабочих. На прицепе грузовика лежал черный седан «ситроен паллас». Его длинный капот был смят в лобовом столкновении.

Как только я припарковался, ко мне подошла Рената:

– Что за ужасная машина! Это ты ее заказал, Джеймс?

– Она нужна для фильма с участием Тейлор – сегодня после обеда состоится массовая автокатастрофа.

– И она поедет в этой машине? Не выдумывай.

– Она поедет в другой машине, а эту снимут для кадров, которые последуют за автокатастрофой.

В тот же день, но чуть позже мне припомнилось покаленное тело Габриэль. Я как раз смотрел через плечо гримерши на бесконечно более роскошную и ухоженную фигуру киноактрисы, сидящей за рулем разбитого «ситроена». С приличного расстояния на нее смотрели звукооператоры и осветители, словно они были свидетелями настоящей аварии. Гримерша, утонченная девушка с добродушным чувством юмора – такая непохожая на больничных медсестер – трудилась над наложением ран больше часа.

Актриса неподвижно сидела в водительском кресле, последние штрихи кисточки завершали трудоемкое кружево

к кровавым струям, которые красной вуалью спускались с ее лба. Маленькие ладони актрисы и предплечья были отмечены тенями искусственных синяков. Ее тело уже начало принимать позу жертвы автокатастрофы, пальцы слабо пробегали по потекам кроваво-красной смолы на коленях, бедра чуть приподнялись над виниловым сиденьем, словно она внезапно ощутила под ними обильную влагу. Я смотрел, как она прикасается к рулю, чтобы руками понять его форму.

В ящике под выгнувшейся приборной панелью лежала пыльная замшевая женская перчатка. Представляла ли себе актриса, сидя в машине в ожидании бутафорской смерти, как выглядела настоящая жертва аварии, в которой до неузнаваемости смяло эту повозку, – какая-нибудь пригородная домохозяйка-франкофилка или, возможно, стюардесса компании «Эр Франс»? Повторяла ли она инстинктивно позы той покалеченной женщины, пытаясь воссоздать на своем неповторимом теле травмы ничем не примечательной аварии, быстротечные синяки и швы? Она сидела в разбитой машине, словно божество в святилище, подготовленном для нее возлиянием крови одного из младших членов секты. Хотя я стоял в двадцати футах от машины, возле звукооператора, я видел, как уникальные контуры ее тела, казалось, преобразовали расшибленную машину. Левая нога актрисы покоилась на асфальте, стойка двери огибала контур самой двери и конструкцию панели, избегая прикосновения к ее колену, словно машина сама деформировалась, извивалась вокруг ее

тела в почтительном жесте.

Звукооператор развернулся на каблуках, ткнув меня под локоть микрофонной стойкой. Пока он извинялся, мимо меня протолкался посыльный в униформе. На шоссеинном перекрестке, построенном здесь, на противоположном конце двора, завязалась перебранка. Молодой американец, ассистент продюсера, ругался с темноволосым мужчиной в кожаной куртке, который пытался воспользоваться своей камерой. Когда на него упал отраженный от объектива свет, я узнал Воана. Он облокотился о крышу второго «ситроена» и смотрел на продюсера, время от времени отстраняя его покрытой шрамами рукой. Возле него на капоте машины сидел Сигрейв. Он собрал белые волосы в пучок на макушке, а поверх джинсов надел женский замшевый плащ. Красный гольф обтягивал большую грудь – не что иное, как хорошо набитый бюстгальтер.

Лицо Сигрейва было уже загримировано под актрису, тушь и румяна маскировали его бледную кожу. Эта безупречная маска женского лица была пародией на актрису из ночного кошмара. Я предположил, что Сигрейв, одев на свои белые волосы парик и такую же одежду, как у актрисы, поведет этот целенький «ситроен» к столкновению с третьей машиной, в которой находился манекен ее любовника.

Уже сейчас, наблюдая из-за гротескной маски за Воаном, Сигрейв выглядел так, словно он был слегка травмирован в этом столкновении. С женским ртом и чрезмерно ярко на-

крашенными глазами, с этими белыми волосами, собранными в пучок на макушке, он напоминал пожилого педика, которого застали пьяным в собственном будуаре. Он с некоторым негодованием смотрел на Воана, будто бы это Воан заставляет его каждый день изображать карикатуру актрисы.

Воан успокоил ассистента продюсера и посыльного, так и не отдав им свою камеру. Он заговорщически кивнул Сигрейву – его израненный рот растянулся в улыбке – и пошел в сторону корпуса студии. Когда я направился к нему, он жестом пригласил меня следовать за ним, включая меня в импровизированную свиту.

Позади Воана, уже забытый им, сидел в «ситроене» одинокий Сигрейв, похожий на обезумевшую ведьму.

– С ним все в порядке? Вам стоило бы сфотографировать Сигрейва.

– Конечно же, я его сфотографировал.

Камера Воана болталась возле правого бедра. В белой кожаной куртке он скорее напоминал актера-симпатыгу, чем ученого-отступника.

– Он еще может вести машину?

– До тех пор, пока она движется прямо и ею не нужно управлять.

– Воан, отведите его к врачу.

– Это все испортило бы. К тому же у меня нет времени. Его осмотрела Елена Ремингтон. – Сменяя тему, Воан добавил: – Она переходит работать в лабораторию дорожных ис-

следований. Через неделю у них будет день открытых дверей, и мы все вместе туда ходим.

– Я вполне могу обойтись без этой забавы.

– Нет, Баллард, это вас возбудит. Такие мероприятия интересно смотреть даже по телевизору.

Он направился к автостоянке.

Эта эффектная смесь фантазии и реальности, сконцентрированная в патетическом и зловещем образе Сигрейва, загримированного под киноактрису, до конца дня сохранялась в моем сознании, наслаиваясь даже на общение с приехавшей за мной Кэтрин.

Она мило поболтала с Ренатой, но скоро ее увлекли цветные снимки на стенах – серийные спортивные автомобили и роскошные седаны – фрагменты, взятые из рекламного ролика, который мы как раз делали. Эти выразительные портреты плавникообразных выступов на багажнике и радиаторных решеток, корпусов и лобовых стекол, эти плоскости, покрашенные в спокойные пастельные или резкие искусственные цвета, казалось, просто очаровали ее. Меня удивляла ее добродушная терпимость к Ренате. Я провел ее в монтажную, где два молодых редактора занимались предварительным монтажом. Возможно, Кэтрин была убеждена, что в контексте этих снимков эротическая связь между мной и Ренатой была просто неизбежна и что, если бы ей самой пришлось работать в этом офисе среди снимков машин целиком и их радиаторных решеток крупным планом, она сама пошла

бы на любовную связь не только с молодыми редакторами, но и с Ренатой.

Весь этот день она провела в Лондоне. В машине лежала гора парфюмерии, которую она купила. Первое, что когда-то удивило меня в Кэтрин, была ее безупречная чистота, словно она последовательно вычищала каждый квадратный сантиметр элегантного тела, отдельно вентилировала каждую свою пору. Иногда фарфоровая поверхность ее лица, слишком тщательный макияж – словно это была выставочная модель красивого женского лица – заставляли меня заподозрить, что вся ее настоящая сущность от меня скрыта. Я пытался представить себе, из какого детства возникла эта прекрасная женщина – безупречная модель для картин Ингреса⁵.

Ее пассивность, полное принятие какой бы то ни было ситуации были именно теми качествами, которые привлекали меня к Кэтрин. Во время наших первых половых актов в анонимных спальнях аэропортовых отелей я неторопливо обследовал каждое отверстие, которое я только мог найти на ней, проводил пальцами по ее деснам, надеясь найти какой-нибудь заблудший кусочек телятины, втискивал язык ей в ушной канал, надеясь почувствовать малейший привкус серы, исследовал ее ноздри и пупок и, наконец, ее влагиалище и задний проход. Мне приходилось погружать палец до самого

⁵ Ж.-А.-Д. Ингрес (1780-1867) – французский художник, писавший в чувственной манере обнаженную натуру.

основания, чтобы добыть слабый запах фекальной материи, что осталась тоненькой коричневой корочкой под ногтем.

Мы поехали домой каждый в своей машине. Ожидая на светофорах по дороге к автостраде, ведущей на север, я смотрел на Кэтрин – ее руки покоились на руле. Указательным пальцем левой руки она отодрала прилепленную на лобовое стекло наклейку. Стоя возле нее, я смотрел, как трутся друг о друга ее ноги, когда она нажимает педаль тормоза.

Когда мы ехали по Западному проспекту, мне вдруг захотелось, чтобы ее тело заключило в объятия салон автомобиля. В своем воображении я прижимал ее влажную промежность к каждой выступающей панели, я ласково вминал в ее грудь дверные стойки и рукоятки, медленно по спирали двигал ее ягодицы по винулу сидений, клал ее маленькие ладони на циферблаты и подлокотники. Сплетение ее слизистых поверхностей с частями машины и моим собственным металлическим телом освещалось проходящими мимо нас машинами. Этот бесконечно извращенный акт ожидал ее, словно некий почетный ритуал.

Почти загипнотизированный своими мыслями, я внезапно заметил примятое крыло «линкольна» Воана всего в нескольких футах от спортивной машины Кэтрин. Воан то обгонял меня, то отставал, следуя за нами по автостраде, словно ожидая, что моя жена допустит ошибку. Перепуганная Кэтрин нашла спасение, пристроившись на крайней полосе впереди автобуса. Воан поравнялся с автобусом и, ис-

пользуя сигнал и фары, заставил водителя притормозить, а сам снова втиснулся за Кэтрин. Я двигался по одной из центральных полос и пытался окликнуть Воана, обгоняя его, но он сигналил Кэтрин, освещая задний бампер ее машины своими фарами. Кэтрин, не раздумывая, свернула на стоянку бензозаправки, вовлекая Воана в резкий V-образный разворот. Под визг покрышек он обогнул орнамент цветочного газона с невзрачными домашними растениями, но я загородил ему путь своей машиной.

Взволнованная этим всем Кэтрин сидела среди алых топливных насосов и испепеляла Воана взглядом. На моей груди и ногах разболелись шрамы от усилия, которое мне пришлось приложить, когда я за ними гнался. Я вышел из машины и подошел к Воану. Он глядел на меня так, словно мы никогда раньше не встречались, его рот в рубцах трудился над куском жвачки. Время от времени он поглядывал на авиалайнеры, поднимающиеся из аэропорта.

– Воан, каскадер чертов, ты не на съемочной площадке.

Воан изобразил одной рукой короткий примирительный жест. Он переключил передачу на задний ход.

– А ей понравилось, Баллард. Это такой своеобразный комплимент. Можешь спросить у нее.

По широкой дуге он сдал назад, едва не сбив проходившего мимо работника заправки, и отчалил с послеобеденным потоком машин.

Воан был прав. Кэтрин стала все чаще вовлекать его в

свои эротические фантазии. По ночам, лежа в постели, мы следовали за Воаном через пантеон наших традиционных партнеров так же, как Воан преследовал нас по вестибюлям зданий аэровокзала.

– Нужно курнуть еще гашиша. – Кэтрин посмотрела на мигающие за окном светофоры. – Почему Сигрейв так одержим этой киноактрисой? Ты говоришь, что он хочет в нее врезаться?

– Эту идею вдолбил ему в голову Воан. Он использует его в каком-то эксперименте.

– А как же его жена?

– Она на поводке у Воана.

– А ты?

Кэтрин лежала ко мне спиной, прижавшись ягодицами к моему паху. Когда я двигал членом, то смотрел мимо своего, отмеченного шрамами пупка на расщелину между ее ягодицами, безупречную, как у куклы. Я держал в руках грудки, ее грудная клетка вдавила часы мне в запястье. Пассивная поза Кэтрин была обманчива; я давно уже понял, что это было только прелюдией к эротической фантазии, к медленному циклическому поиску свежей сексуальной добычи.

– Я у него на поводке? Нет. Мне трудно понять, что им движет.

– Тебя не возмущают все эти фотографии? Похоже, он и тебя использует.

Я начал забавляться правым соском Кэтрин. Еще не гото-

вая к этому, она взяла мою руку и просто положила себе на грудь.

– Воан завоевывает людей для себя. Во всем его стиле еще остались сильные элементы телевизионщика.

– Бедняга. Эти девочки, которых он цепляет... некоторые из них просто дети.

– Ты все еще думаешь о них? Воана интересуется не секс, а технология.

Кэтрин сильно прижалась головой к подушке – знакомое движение концентрации.

– Тебе нравится Воан?

Я опять взял ее сосок и начал его возбуждать. Ее ягодичцы двигались по моему члену, голос спустился к низким, медлительным нотам.

– В каком смысле? – спросил я.

– Он тебя возбуждает, правда?

– В нем что-то есть. В его одержимости.

– Его эффектная машина, его манера вождения, его одиночество. Все эти женщины, которых он там трахал. Она должна пахнуть спермой...

– Она так и пахнет.

– Он тебе кажется привлекательным?

Я вытащил член из ее влагалища и прижал головку к ее заднему проходу, но она проворной рукой вернула его обратно.

– Он очень бледный, весь в шрамах.

– И все-таки тебе хотелось бы его трахнуть? В его машине?

Я чуть приостановился, пытаюсь оттянуть оргазм, поднимающийся приливной волной по стеблю моего члена.

– Нет. Но в нем что-то есть, особенно когда он за рулем.

– Сексуальность... сексуальность и этот автомобиль. Ты видел его член?

Когда я описывал ей Воана, то прислушивался к собственному голосу, чуть приподнимающемся над звуками наших тел. Я перечислял элементы, из которых состоял сложившийся в моем представлении образ Воана: его твердые ягоды, обтянутые потертыми джинсами, когда он, выходя из машины, приподнимает одно бедро; желтоватая кожа живота, открытая почти до треугольника лобковых волос, когда он потягивается за рулем; бивень полувзведенного члена, прижатый к кромке руля сквозь влажную ткань его джинсов; миниатюрные шарики грязи, которые он вынимает из острого носа и вытирает о гладкий пластик дверной панели; ссадинка на левом указательном пальце, которую я заметил, когда он протягивал мне зажигалку; твердые соски, трущиеся о клаксон сквозь глаженую голубую сорочку; треснувший ноготь на большом пальце, соскребающий пятнышко семени на сиденье между нами.

– Ему делали обрезание? – спросила Кэтрин. – Ты можешь себе представить его задний проход? Опиши мне его.

Мое описание продолжалось скорее к удовольствию

Кэтрин, чем к моему. Она глубоко втиснула голову в подушку, ее правая рука бешено затанцевала, заставляя мои пальцы тереть ее сосок. Хотя меня и вдохновила идея соития с Воаном, но мне казалось, что в описываемом мною половом акте участвует кто-то другой, а не я. Воан возбуждал некий скрытый гомосексуальный импульс, только находясь в кабине своей машины или мчась по автостраде. Его привлекательность состояла не столько в наборе стандартных анатомических возбудителей – изгиб обнаженной груди, мягкая подушечка ягодицы, очерченный волосами изгиб влажной промежности, – сколько в выразительных композициях, которые складывались из Воана и автомобиля. Оторванный от автомобиля, в частности от его символического крейсера автострад, Воан уже не представлял ни малейшего интереса.

– Ты хотел бы поучаствовать в половом акте с ним? Поместить, например, свой член прямо ему в задний проход, протолкнуть его вверх по горячему каналу? Расскажи мне, расскажи об этом. Расскажи мне, что бы ты делал? Как бы ты целовал его в этой машине?

Опиши мне, как бы ты протянул руку и расстегнул его брюки, потом достал его член. Ты бы его поцеловал или сразу начал бы сосать? В какой руке ты бы его держал? Ты когда-нибудь сосал член?

Кэтрин ухватила нить своей фантазии. Кого она представляла рядом с Воаном, себя или меня?

– ...Ты знаешь вкус спермы? Ты когда-нибудь пробовал

сперму? Она бывает более и менее соленая. У Воана должна быть очень соленая сперма...

Я смотрел на упавшие ей на лицо светлые волосы, на ее бедра, вздрагивающие на пути к оргазму. Это был один из первых случаев, когда она представляла меня в гомосексуальном акте, и меня удивило богатство ее воображения. Она проталкивалась сквозь оргазм, ее тело охватила дрожь наслаждения. Прежде чем я потянулся, чтобы обнять ее, она перевернулась и легла вниз лицом, позволяя сперме вытечь из влагалища, потом сползла с кровати и быстренько пошла в ванную.

В продолжение следующей недели Кэтрин как обычно курсировала по залам аэропорта. Наблюдая за ней из машины и ощущая, что Воан тоже ловит ее блуждающим взглядом, я чувствовал, как мой член наливается и прижимается к кромке руля.

– Ты кончил?

Елена Ремингтон неуверенным жестом прикоснулась к моему плечу, словно я был пациентом, над оживлением которого ей пришлось хорошо потрудиться. Я лежал на заднем сиденье, а она резкими движениями одевалась, поправляла юбку на бедрах. И в этот момент она была похожа на оформительницу витрины супермаркета, которая одергивает одежду на манекене.

По дороге в лабораторию дорожных исследований я предложил ей остановиться где-нибудь среди резервуаров к запа-

ду от аэропорта. В течение предыдущей недели интерес Елены ко мне значительно поугас, словно она поместила меня и автокатастрофу куда-то в прошлую жизнь, реальности которой она уже не признавала. Я знал, что она вот-вот вступит в период бездумной неразборчивости, через который проходит большинство овдовевших людей. Столкновение наших автомобилей и смерть ее мужа стали для нее ключом к новой сексуальной страсти. В первые месяцы после его смерти она прошла через ряд быстротечных связей, словно принимая половые органы всех этих мужчин в свои руки и свое влагалище, она каким-то образом снова оживляла мужа, словно вся эта сперма, смешанная в ее лоне, как-то воссоздавала в ее сознании блекнувший образ умершего.

На следующий день после первого соития со мной она приняла нового любовника, младшего патологоанатома Эшфордской больницы. От него она перешла еще к нескольким мужчинам: муж приятельницы-врача, радиолог-практикант, менеджер обслуживающего персонала гаража. И я заметил, что во всех этих связях, которые она описывала без всякого смущения в голосе, неизменным атрибутом был автомобиль. Все это происходило в машине либо на многоэтажной автостоянке аэропорта, либо вечером в районном гараже, либо на автостоянке возле окружной дороги, словно присутствие машины резонировало с неким элементом, без которого половой акт терял всякий смысл. Машина, предположил я, каким-то образом вновь и вновь исполняет роль убийцы ее му-

жа, роль, необходимую для раскрытия новых возможностей ее тела. Она могла достичь оргазма только в машине. И все-таки однажды вечером, лежа рядом с ней в своей машине на крыше многоэтажной автостоянки в Нортхолте, я почувствовал, как враждебно и разочарованно напряглось ее тело. Я положил руку на темный треугольник ее лобка, серебриющийся в темноте от влаги.

Она убрала от меня руки и оглядела интерьер кабины, словно собираясь изорвать свои набухшие груди об этот капкан из стеклянных и металлических лезвий.

Вокруг нас в свете солнца лежали заброшенные резервуары – невидимый подводный мир. Елена подняла окно, отгораживаясь от шума взлетающих самолетов.

– Мы сюда больше не вернемся. Тебе придется подыскать другое место.

Я тоже чувствовал спад возбуждения. Когда за нами не наблюдал Воан, не записывал наши позы и части тела на фотопленку, мой оргазм казался пустым и стерильным, просто выбросом лишней органической ткани.

В своем воображении я видел, как машина Елены, с жестким хромом и пластиком, оживляется силой моего семени, превращаясь в будуар из экзотических цветов и вьющихся растений, едва пропускающих солнечный свет; сквозь пол и сиденья прорастает сочная влажная трава.

Глядя на Елену, набирающую скорость на прямом участке шоссе, я внезапно задумался о том, как я мог бы встряхнуть

ее. А не провезти ли ее опять по маршруту смерти мужа? Возможно, это освежило бы ее сексуальную потребность во мне, вновь воспламенило бы эту эротическую враждебность, которую она испытывала ко мне и к умершему.

Когда нас пропускали через ворота лаборатории, Елена склонилась над рулем, странно ухватившись за него тонкими руками. Ее тело складывалось в неуклюжие геометрические сочетания со стойками лобового стекла и рулевой колонки, словно она сознательно повторяла позы покалеченной девушки Габриэль.

Мы шли с автостоянки к месту испытания. С поприветствовавшими нас учеными-исследователями Елена обсудила очередной проект норм министерства путей сообщения. На бетоне в два ряда были составлены поврежденные машины. В смятых корпусах сидели пластиковые манекены, их лица и грудные клетки расколоты в столкновениях, зоны повреждения отмечены разноцветным пятнами на черепахах и животах. Елена разглядывала их через выбитые лобовые стекла, словно они были пациентами, за которыми она хотела бы ухаживать. Мы бродили среди прибывающих посетителей – почти все в опрятных костюмах и украшенных цветами шляпах, а Елена просовывала руку между осколков разбитых окон и ласкала пластиковые руки и головы.

Остаток дня прошел, подчиняясь логике сновидения. Освещенные ярким послеполуденным светом несколько сот зрителей были похожи на манекенов, выглядели не более ре-

ально, чем пластиковые фигуры, которые должны были играть роль водителя и пассажиров в лобовом столкновении седана с мотоциклом.

Чувство развоплощения, нереальности моих собственных мышц и костей усилилось, когда появился Воан. Механики закрепляли мотоцикл в механизме, который будет запущен по стальным рельсам в стоящий в семидесяти ярдах седан. Провода датчиков тянулись от обеих машин к фиксирующим приборам, закрепленным на длинных подмостках. Были подготовлены две кинокамеры – одна установлена возле дороги, с направленным на точку столкновения объективом, вторая смотрела вниз с подвесной рамы. Видеооборудование уже воспроизвело на небольшом экране кадры с механиками, устанавливающими датчики в двигателе машины, в которой сидели четыре манекена, представляющие семью: муж, жена и двое детей. К их головам, телам и ногам тянулись провода. На телах уже были отмечены предполагаемые травмы, на лицах и грудных клетках – сложные красные и фиолетовые геометрические формы. Механик в последний раз поправил водителя за рулем, располагая его руки в соответствующем положении. Руководитель научных исследований поприветствовал через систему громкоговорителей гостей этой экспериментальной катастрофы и шутливо представил тех, кто находился в машине:

– Чарли и Грета, представьте себе, что они решили проехаться с детьми, Шоном и Бриджит...

В дальнем конце площадки небольшая группа работников занималась подготовкой мотоцикла, защищая камеру, установленную в механизме катапульты, которая отправится в путешествие по рельсам. Посетители – работники министерства путей сообщения, инженер безопасности дорожного движения, специалисты-автодорожники и их жены – собрались у точки столкновения, словно болельщики на скачках.

Когда появился Воан, прошествовав со стороны автостоянки на своих длинных кривых ногах, все как-то с опаской оглянулись, чтобы посмотреть на эту фигуру в черной куртке, направляющуюся к мотоциклу. Мне самому показалось, что он готов оседлать эту машину и двинуть ее вниз по рельсам прямо на нас. Рубцы на его лбу и губах отблескивали, как лезвия сабель. Он постоял, глядя, как механики поднимают пластикового мотоциклиста – Элвиса – на сиденье, а затем направился к нам, поприветствовав жестом Елену Ремингтон и меня. Он оглядел посетителей несколько вызывающим взглядом. И снова меня удивило, как он сочетал в себе личную притягательность, полную замкнутость в своей панической вселенной и в то же время открытость для любого опыта во внешнем мире. Воан проталкивался через толпу посетителей. В правой руке он нес стопку рекламных проспектов и материалов лаборатории дорожных исследований. Он склонился над плечом. Я восстановил равновесие, непроизвольно схватив Воана за плечо, когда мотоцикл и его во-

дители пролетели над капотом машины и ударились в лобовое стекло, затем по крыше косо прогрохотала черная масса обломков, машину отнесло футов на десять назад, вдоль направляющих, где она и застыла, перевернувшись крышей на рельсы. Капот, лобовое стекло и крыша были смяты ударом. Члены семьи в кабине завалились друг на друга, обезглавленный торс женщины на переднем сиденье впечатался в растрескавшееся лобовое стекло.

Механики ободрительно помахали толпе и направились к мотоциклу, лежавшему на боку в пятидесяти ярдах от машины. Они поднимали части тела мотоциклиста, засовывая их себе под мышки. Осколки стекла, смешанные с обломками его лица и плеч, усыпали серебряным снегом траву вокруг испытательной машины – конфетти смерти.

К толпе снова обратился громкоговоритель. Я пытался следить за словами комментатора, но мой мозг отказывался расшифровывать звуки. Грубый, агрессивный импульс этой лабораторной катастрофы, крушение металла и стекла, продуманное разрушение дорогих и трудоемких артефактов совершенно опустошили мою голову.

Елена Ремингтон взяла меня за руку, поощрительно кивая, словно помогала ребенку преодолеть какую-то интеллектуальную трудность:

– Мы можем еще раз взглянуть на экране на все, что произошло. Они прокручивают пленку в замедленном темпе.

Толпа двигалась к столам на подмостках. Снова звуча-

ли голоса – гул облегчения. Я обернулся, ожидая, когда к нам присоединится Воан. Он стоял среди пустых сидений, его взгляд был все еще сосредоточен на разбитой машине. Под ремнем брюк темнело влажное пятно спермы. Игнорируя Елену Ремингтон, которая удалялась от нас со слабой улыбкой на губах, я глядел на Воана, не зная, что ему сказать. Столкнувшись с этим сочетанием расшибленных машин, расчлененных манекенов и неприкрытой сексуальности Воана, я неожиданно понял, что двигаюсь по дороге, которая проходит в моей черепной коробке и ведет в пределы весьма двусмысленного королевства. Воан отвернулся, и теперь я видел его мускулистую спину, сильные плечи, покачивающиеся под черной курткой.

Зрители смотрели, как мотоцикл еще раз разбивается о седан. Фрагменты столкновения воспроизводились в замедленном темпе. С сонным спокойствием переднее колесо мотоцикла ударило в бампер машины. Когда сломался обод колеса, камера соскочила и свернулась восьмеркой. В воздух взлетел хвост машины. Манекен – Элвис – поднялся с сиденья, его неуклюжее тело было наконец благословлено изяществом замедленного движения. Подобно самому виртуозному кинодублеру, он встал на педали, полностью выпрямив руки и ноги, поднял голову и выставил вперед подбородок, всем своим видом выказывая почти аристократическую надменность. Заднее колесо мотоцикла поднялось в воздух у него за спиной и, казалось, вот-вот ударит его по поясни-

це, но мотоциклист очень изящно оторвал ноги от педалей и расположил свое летящее тело горизонтально. Прикрепленные к рулю руки сейчас покидали тело вместе с кувыркающимся мотоциклом. Провод датчика оторвал одну кисть, а мотоциклист продолжал горизонтальный полет – голова поднята, лицо с нарисованными на нем повреждениями несло навстречу лобовому стеклу. Грудь ударилась о капот, проскользнув по его полированной поверхности подобно серфинговой доске.

Машина двигалась назад по инерции первого столкновения, а четыре пассажира уже приближались ко второму столкновению. Их гладкие лица прижались к стеклу, словно торопились разглядеть этого ездока, скользящего на груди по капоту их автомобиля. И водитель, и пассажирка приближались к лобовому стеклу в тот самый момент, когда в стекло ударился профиль мотоциклиста. Их окатил фонтан кристаллических брызг, и на фоне этих праздничных кристаллов фигуры стали принимать все более эксцентричные позы. Мотоциклист продолжал свой головокружительный путь, продираясь через живописное стекло, сдирая лицо о зеркало заднего вида. Левая рука, ударившись об оконную стойку, отделилась в локтевом суставе и унеслась сквозь стеклянные брызги, чтобы присоединиться к обломкам тела водителя. Его правая рука прошла сквозь потрескавшееся стекло, сначала потеряв на гильотине оконного дворника кисть, а потом предплечье, ударившись о лицо пассажир-

ки,хватило с собой ее правую щеку. Тело мотоциклиста в элегантном скольжении изящно повернулось на бок, задев бедрами правую стойку окна, ноги пошли по наружной дуге, ударившись большими берцовыми костями о центральную дверную стойку.

Перевернутый мотоцикл взлетел и упал на крышу машины. Его руль прошел сквозь отсутствующее ветровое стекло, обезглавив пассажирку. Переднее колесо и вилка вонзились в крышу – хлестнула тяжелая цепь, отделяя голову мотоциклиста. Части его распадающегося тела отскакивали от заднего крыла машины и опускались на землю в дымке осколков защитного стекла мотоцикла, которые льдинками спадали с крыши машины, словно она была морозильным агрегатом, который решили разморозить после долгого перерыва. Водитель автомобиля, получив удар рулем, соскальзывал вдоль рулевой колонки на пол автомобиля. Его обезглавленная жена, жалобно подняв руки к горлу, сползала по приборному щитку. Бриджит, младшая из детей, обратила лицо к крыше машины и подняла руки, как бы желая защитить голову мамы, ударившуюся о заднее стекло и пару раз отскочившую от стен салона машины, прежде чем вылететь в окно левой двери.

Машина, медленно успокаиваясь, тяжело покачивалась до полной остановки. Четыре пассажира утихли в расцвеченном осколками салоне. Их конечности, словно никем не прочитанная энциклопедия тайных жестов, застыли в грубом

подобии человеческих поз. Вокруг раздавались последние всплески стеклянных брызг.

Аудитория примерно из тридцати зрителей не расходилась, ожидая чего-то еще. А на заднем фоне экрана застыли наши призрачные образы, их лица оставались неподвижными во время этого замедленного столкновения. В результате какой-то бредовой перестановки ролей мы казались менее реальными, чем манекены в машине. Я обратил внимание на одетую в шелковый костюм жену работника министерства, стоявшую возле меня. Она смотрела фильм зачарованным взглядом, словно видела, как автокатастрофа расчленяет ее и ее детей.

Посетители побрели под навес пить чай, я последовал за Воаном к разбитой машине. Он сплюнул жвачку на траву и пошел между стульев. Я знал, что испытательное столкновение и его замедленный прокат впечатляли его даже больше, чем меня. Сидя в одиночестве на стуле, на нас смотрела Елена Ремингтон. Воан уставился на развороченную машину, словно собирался ее обнять. Его руки блуждали по изорванному капоту и крыше, на лице играли мышцы. Он наклонился и заглянул в кабину, чтобы внимательно рассмотреть каждый манекен. Я ждал, что он что-нибудь скажет им. Мой взгляд перемещался от помятых изгибов капота и бампера к стыку ягодиц Воана. Разрушение этого автомобиля и его пассажиров как будто являлось санкцией на сексуальное вторжение в тело Воана; и то, и другое было просто концеп-

туальным актом, абстрагированным от любых чувств, не содержащим никаких идей или эмоций, которыми мы могли его наделить.

Воан соскреб с водительского лица стекловолокно. Он открыл дверь и сел одним бедром на краешек сиденья, взявшись рукой за искореженный руль.

– Всегда хотел проехаться на разбитой машине.

Я воспринял эту реплику как шутку, но тут же понял, что Воан говорит всерьез. Он уже был спокоен, словно этот акт насилия частично оттянул из его тела какую-то долю напряжения или реализовал за него некую часть неистовых действий, к которым его так давно что-то побуждало.

– Ну ладно, – провозгласил Воан, стряхивал с ладоней стекловолокно. – Мы уже уезжаем. Я вас подброшу. – Заметив мои колебания, он сказал: – Поверь мне, Баллард, все катастрофы одинаковы.

Осознавал ли он, что я прокручивал в голове ряд сексуальных картинок, в которых роли исполняли я, Воан, Елена Ремингтон и Габриэль. Все мы воспроизводили предсмертные муки манекенов – водителя и пассажиров автомобиля и мотоциклиста? В уборной возле автостоянки Воан неторопливо извлек свой полувозбужденный член. Стоя довольно далеко от писсуара, он стряхивал последние капли мочи на плитки пола.

Выйдя за дверь лаборатории, он вновь обрел агрессивность, словно пронесшиеся машины освежили его аппетит.

Он катил свою тяжелую машину по улочке, ведущей на авто-страду, нависая помятым бампером на любое ехавшее впе-реди транспортное средство, пока оно не освобождало ему путь.

Я похлопал ладонью по приборной панели:

– Этот «континенталь», ему лет десять. Насколько я по-нимаю, ты считаешь убийство Кеннеди не совсем обычной автокатастрофой.

– Это обоснованное мнение.

– А Элизабет Тейлор? Разъезжая на этой машине, не под-вергаешь ли ты ее какой-нибудь опасности?

– Каким образом?

– Сигрейв... этот человек полубезумен.

Я наблюдал, как он приближался к концу скоростной ав-тострады, не пытаясь, несмотря на дорожные знаки, снизить скорость.

– Воан, а она уже когда-нибудь попадала в автокатастро-фу?

– В большую не попадала. Значит, у нее еще все впереди. Можно даже предположить, что она погибнет в уникальном столкновении. Оно просто перевернет все наши сны и фан-тазии. Человек, который умрет в автокатастрофе с ней...

– Сигрейв сумел оценить эту идею?

– По-своему.

Мы приблизились к клумбе разворота. Впервые после то-го, как мы отъехали от лаборатории дорожных исследова-

ний, Воан воспользовался тормозами. Качнувшись, тяжелая машина пошла по длинной дуге, несущей ее наперерез так-си, уже начавшему свой путь вокруг клумбы. Вжимая в пол педаль газа, Воан вырулил перед носом машины под скрип ее шин, более громкий, чем сигнал ее же клаксона. Он закричал через открытое окно на водителя и помчался вперед, к узкому каньону ведущей на север дороги.

На ровном участке пути Воан протянул руку и взял с заднего сиденья портфель.

– Я опрашиваю людей, желающих участвовать в моей программе, с помощью этой анкеты. Если я упустил какие-то вопросы, допиши их.

Тяжелый автомобиль двигался в направляющемся в сторону Лондона потоке машин. Я просмотрел несколько анкет. Люди, заполнившие их, достаточно хорошо представляли мир Воана: два программиста из его бывшей лаборатории, молодой диетолог, несколько стюардесс из аэропорта, специалист по медоборудованию из клиники Елены Ремингтон, а также Сигрейв и его жена Вера, телережиссер и Габриэль. Автобиографические данные свидетельствовали, как я и ожидал, о том, что они все когда-то попадали в маленькую или большую автокатастрофу.

В каждой анкете опрашиваемому был предложен список знаменитостей из мира политики, шоу-бизнеса, науки, искусства и преступного мира, и надо было создать для одного из них воображаемую автокатастрофу со смертельным ис-

ходом. Просматривая предлагаемый список, я увидел, что большинство из них были еще живы, немногие уже умерли, некоторые погибли в автокатастрофах. Складывалось впечатление, что имена наскоро выбраны из газетных и журнальных заголовков, телерепортажей и документальных киножурналов.

С другой стороны, список предлагаемых ран и причин смерти красноречиво свидетельствовал о напряженном и обстоятельном исследовании. Была перечислена почти каждая из возможных яростных конфронтаций между автомобилем и тем, кто в нем сидит: пристяжные приспособления, геометрия травм коленных чашечек и тазобедренных суставов, деформация салона при лобовых и боковых столкновениях, травмы, полученные на разворотах, на перекрестках автострад, на перекрестках автострад с маленькими дорогами, детали, выбрасываемые из автомобиля при ударе сзади, ссадины при переворачивании машины, ампутация членов дверными стойками, повреждения лица о приборный щиток и отделку окна, черепные травмы, нанесенные зеркалами заднего вида и солнцезащитными щитками, повреждения при цепных столкновениях, ожоги первой и второй степени при авариях, сопровождаемых повреждением и взрывом топливных баков, травмы груди, пробитой механизмом руля, травмы живота, причиненные неисправным пристяжным оборудованием, вторичные столкновения между пассажиром передних и задних сидений, травмы черепа и позвоноч-

ника при полете сквозь лобовое стекло, разнообразные травмы головы, полученные при ударе о лобовое стекло, травмы у самых маленьких детей, включая младенцев, травмы, причиненные протезами, травмы в машинах, оборудованных системой управления для инвалидов, сложные дополнительные травмы у людей с одной или двумя ампутированными конечностями, травмы, причиненные дополнительным автомобильным оборудованием, таким как магнитофоны, бары для напитков и радиотелефоны, травмы от фирменных медальонов, крепежа ремней безопасности и защелок форточек.

Наконец, была перечислена группа травм, которая больше всего занимала Воана, – повреждения половых органов, вызванные автокатастрофами. Фотографии, иллюстрирующие предлагаемые для выбора варианты, были, очевидно, подобраны с колоссальной тщательностью: вырваны из журналов по судебной медицине и учебников по пластической хирургии, скопированы с научных монографий, изъяты из отчетов, украденных во время его визитов в Эшфордскую больницу.

Когда Воан свернул на площадку заправочной станции, алый неровный свет ее неоновой вывески упал на зернистые фотографии отвратительных ран: груди девочек-подростков, деформированные циферблатами; силиконовая грудь пожилой домохозяйки, снесенная хромированной стойкой окна; соски, рассеченные фирменным знаком; травмы мужских и женских половых органов, причиненные корпусами рулевых

колонок, осколками лобового стекла при полете сквозь него, смятые дверными стойками, пружинами сидений и деталями ручных тормозов, рукоятками кассетников. Ряд снимков изуродованных членов, рассеченных промежностей, смятых яичек вырвал из темноты мигающий свет, пока Воан стоял у багажника своей машины, отпуская работнице заправки двусмысленные комплименты. На некоторых снимках ранения были проиллюстрированы еще и теми частями автомобиля, которые их причинили: возле фотографии рассеченного члена был изображен фрагмент тормозного механизма; над снимком сильно ушибленной промежности крупным планом был представлен автомобильный клаксон с фирменным знаком. Это соединение изорванных половых органов с частями автомобиля создавало ряд волнующих сочетаний, вызывающих новый поток боли и страсти. И те же сочетания – еще более ужасающие, когда казалось, что они вскрывают подспудные черты характера, – я видел на снимках травм лица. Эти раны сопровождались, как средневековые манускрипты, вставками, изображающими фрагменты отделки рукояток и клаксонов, зеркал заднего вида и циферблатов. Лицо мужчины с расшибленным носом располагалось рядом с хромированной эмблемой производителя. На больничной тележке лежала темнокожая девушка с невидящими глазами, рядом – зеркало заднего вида. Его стеклянный взгляд заменял ее зрение.

Сравнивая заполненные анкеты, я отмечал различия в ва-

риантах катастроф, выбранных людьми, которых опросил Воан. Вера Сигрейв выбрала наугад, словно она едва различала в сознании полет сквозь лобовое стекло, перевертывание и лобовое столкновение. Габриэль сделала ударение на травмах лица. Больше всего волновали ответы Сигрейва – во всех катастрофах, разработанных им, единственными травмами его гипотетических жертв были жестокие повреждения половых органов. Из опрошенных только Сигрейв выбрал небольшую галерею мишеней из пяти киноактрис, игнорируя политиков, спортсменов и теледеятелей, перечисленных Воаном. Для этих пяти женщин – Гарбо, Джейн Мэнсфилд, Элизабет Тейлор, Бордо и Рашель Уэлш – Сигрейв создал настоящую сексуальную мясорубку.

Впереди нас зазвучали клаксоны. Мы слились с первым интенсивным потоком машин на подъезде к западным окраинам Лондона. Воан нетерпеливо постукивал по рулю. Шрамы на его губах и лбу выделялись в вечернем свете четким рисунком – образец для грядущего поколения ран.

Я листал анкеты. Фотографии Джейн Мэнсфилд и Джона Кеннеди, Камю и Джеймса Дина были размечены цветными карандашами, линии окружали их шеи и промежности, груди и щеки, пересекая губы и животы. Джейн Мэнсфилд выходила из машины в студийном павильоне, левая нога на полу, правое бедро поднято, открывая максимум своей внутренней поверхности. Чарующе улыбаясь, она выставила вперед грудь, почти касаясь вычурной стойки выпукло-

го лобового стекла. Одна из опрошенных – Габриэль – отметила зоны воображаемых ран на ее левой груди и обнаженном бедре, еще одна зона – на горле; тем же ярким карандашом были выделены части машины, которые должны были бракосочетаться с ее телом. Свободные места на анкетных листах были исписаны небрежным почерком – аннотации Воана. Многие заканчивались вопросительным знаком, словно Воан размышлял над альтернативными обстоятельствами смерти, принимая некоторые как приемлемые и отвергая другие как слишком надуманные. Бледная репортерская фотография машины, в которой погиб Альбер Камю, была тщательно обработана, приборная панель и ветровое стекло отмечены словами «переносица», «мягкое небо», «левая скула». Целая область в нижней части приборной панели была отведена половым органам Камю, циферблаты покрыты штриховкой, на левом поле даны пояснения: «головка члена», «мошонка», «мочеиспускательный канал», «правое яичко». Из разбитого лобового стекла открывался вид на смятый капот автомобиля – арка из покореженного металла, обнажающая мотор и радиатор, покрытые длинной V-образной лентой белого цвета: «сперма».

В конце подборки появилась последняя из жертв Воана. Элизабет Тейлор улыбается из-за плеча мужа, сидя рядом с ним на заднем сиденье в лимузине возле отеля «Лондон».

Рассуждая об этой новой алгебре постановки ног и зон повреждений, которую использовал в своих расчетах Воан,

я разглядывал ее бедра и коленные чашечки, дверные рамы и крышки бара в машине. Я подумал, что либо Воан, либо кто-то из его добровольных интервьюируемых еще впишет ее тело во множество причудливых поз вслед за безумным каскадером и что машины, в которых она ездит, превратятся в приспособления для реализации порнографической и эротической возможностей, мыслимой половой смерти.

Рука Воана забрала у меня папку и вернула ее в портфель.

Поток машин застыл: дороги к Западному проспекту были перекрыты первым потоком, движущимся в час пик из города. Воан облокотился о подоконник, подняв пальцы к ноздрям, словно вынюхивая последний аромат семени на кончиках пальцев. Тревожные фары встречных машин, фонари на столбах автострады, дорожные знаки и указатели освещали замкнутое лицо этого загнанного человека за рулем пыльной машины. Я смотрел на лица водителей в кабинках вокруг нас, представляя себе их жизни в терминалах, определенных для них Воаном. Для Воана они были уже мертвы.

В шесть рядов ползли к развязке Западного проспекта машины, участвуя в этой колоссальной вечерней репетиции собственной смерти. Вокруг нас светлячками вспыхивали красные задние огни. Воан пассивно держался за кольцо своего руля, подавленно глядя на выгоревшую паспортную фотографию анонимной женщины средних лет, прикрепленную к вентиляционной решетке приборной панели. Когда вдоль кромки дороги прошли две женщины – билетерши из

кинотеатра – идущие на службу в зеленых униформах, Воан выпрямился и ощупал их лица напряженными, как у настоящего преступника, глазами.

Когда Воан смотрел на них, я опустил взгляд на его запятнанные спермой брюки. Меня взволновал этот автомобиль, отмеченный слезью из отверстий человеческого тела. Вспоминая фотографии из тестов, я понимал, что они определяли логику полового акта между Воаном и мной. Его длинные бедра, твердые бока и ягодицы, изрубцованные мышцы живота и груди, его тяжелые соски – все было создано для бесчисленных ран, притаившихся среди выступающих переключателей и рукояток салона машины. Каждая из этих ран была образцом для сексуального союза моей кожи с кожей Воана. Неестественная технология автокатастрофы давала санкцию на любое извращенческое действие. Впервые мы уловили обращенные к нам сигналы благодатной психопатологии, взлелеянной в десятках тысяч машин, движущихся по автострадам, в гигантских реактивных лайнерах, взлетающих над нашими головами, в простейших механических структурах и жестяных конструкциях.

Пользуясь клаксоном, Воан принудил водителей, находившихся на полосах для медленного движения, сдать назад и пропустить его к обочине. Пробив себе путь, он подъехал к автостоянке супермаркета, построенного на платформе над автострадой. Вперив в меня заботливый взгляд, он произнес:
– У тебя был тяжелый день, Баллард. Купи себе выпивки

в баре. Я тебя покатаю.

Иногда мне казалось, что ирония Воана неисчерпаема. Когда я вернулся из бара, он сидел, облокотившись на подоконник «линкольна», сворачивая последнюю из четырех сигарет со смесью гашиша и табака, которую он хранил в пачке из-под табака в «бардачке». Две остроликие аэропортовские шлюхи, едва ли старше школьного возраста, спорили с ним через окно.

– Черт побери, а куда вы собирались идти?

Воан взял у меня две купленные мною бутылки вина. Он бросил сигареты на приборную панель и возобновил дискуссию с девушками. Они рассеянно спорили о времени и цене. Пытаясь не слушать их голосов и шума машин, движущихся под супермаркетом, я смотрел на самолеты, взлетающие из Лондонского аэропорта над западной оградой, на созвездия зеленых и красных огоньков, которые, казалось, смещали вслед за собой большие куски неба.

Две женщины посматривали в кабину, оценивая меня мимолетными взглядами. Более высокая, которую Воан уже предназначил для меня, была инертной блондинкой с бездумными глазами, сфокусированными в трех дюймах над моей головой. Она указала на меня своей пластиковой сумочкой:

– Он может сесть за руль?

– Конечно, но чтобы автомобиль лучше ехал, необходимо выпить немного вина.

Подгоняя девушек в машину, Воан, как гантелями, вертел бутылками с вином. Когда девушка с короткими черными волосами и мальчишески узкобедрым телом открыла пассажирскую дверь, Воан вручил ей бутылку. Подняв ее подбородок, он запустил ей в рот пальцы, извлек оттуда комок жвачки и выбросил его в темноту.

– Давай-ка уберем это, я не хочу, чтобы ты засорила мне мочеиспускательный канал.

Приспосабливаясь к незнакомым приборам, я включил мотор, пересек двор и поехал к трассе. Над нами, на Западном проспекте потоки машин толчками продвигались к Лондонскому аэропорту. Воан открыл бутылку вина и передал ее сидящей возле меня на переднем сиденье блондинке. Он прикурил одну из сигарет, которые перед этим свернул. Его рука уже оказалась между бедрами темноволосой девушки, он поднял ее юбку, обнажая черную промежность. Воан вытащил пробку из второй бутылки и прижал влажное горлышко к ее белым зубам. В зеркало заднего вида я наблюдал, как она избегает губ Воана. Она затягивалась дымом косяка, ее рука поглаживала его бедра. Воан откинулся на спинку сиденья, отстраненно разглядывая ее мелкие черты, проводя по ней взглядом сверху донизу, словно он был акробатом, рассчитывающим захваты гимнастического шедевра с использованием массы сложного оборудования. Правой рукой он расстегнул молнию на брюках, потом выгнулся вперед, освобождая член. Девушка взяла его в руку, придерживая второй

рукой бутылку, а я свернул и покатил прочь от светофоров. Воан расстегнул ее рубашку покрытыми шрамами пальцами и достал ее маленькую грудь. Ощупывая ее, Воан зажал сосок между большим и указательным пальцами и оттянул его вперед специфическим жестом, словно он монтировал необычное лабораторное оборудование.

В двадцати ярдах передо мной вспыхнули тормозные огни. Ряд машин позади загудел клаксонами. Под пульсацию их фар я переключил передачу, нажал на газ и поехал быстрее. Воан и девушка откинулись на заднем сиденье. Кабина была освещена только циферблатами, фарами и габаритными огнями окружавшей нас шумной автострады. Воан уже обнажил обе груди девушки и ласкал их ладонью. Его иссеченные губы затягивали мятый окуроч. Он взял бутылку и поднес к ее губам. Пока она пила, он поднял ее ноги, поставив их пятками на сиденье, и стал водить членом по коже ее бедер, проводя им сначала по черному винилу, а головкой – от пятки до колена, словно проверял на прочность эти два материала, прежде чем заняться сексом с машиной и девушкой. Он лег на заднее сиденье, его левая рука протянулась над головой, лаская черную потертую обивку крыши салона. Его ладонь, изогнутая под прямым углом по отношению к предплечью, изучала геометрию хромированной кромки крыши, а правая рука скользнула вдоль бедра девушки и поймала ее ягодицы в чашку ладони. Сидя на корточках, с подложенными под попу пятками, девушка расставила

бедра, выпячивая маленький треугольник лобка, открывая набухшие губы. Через струящийся из пепельницы дым Воан добродушно разглядывал тело девушки.

Маленькое серьезное лицо девушки было освещено фарами машин, ползущих рядом. Весь салон наполнился вязким выдохнутым дымом перегоревшей смолы. Казалось, что моя голова свободно плавает в этих испарениях. Где-то впереди, за невообразимыми шеренгами почти неподвижных машин, находилось освещенное плато аэропорта. Я был едва ли способен на что-то большее, чем направлять большую машину вдоль разделительной полосы. Блондинка на переднем сиденье предложила мне отпить из своей бутылки. Когда я отказался, она положила голову мне на плечо, игриво прикоснувшись к рулю. Я обнял ее за плечи, ощущая ее руку у себя на бедре.

Я подождал, пока мы снова не остановимся на светофоре, и поправил зеркало так, чтобы лучше видеть заднее сиденье. Воан вставил большой палец девушке во влагалище, указательный в прямую кишку, а она откинулась назад, подняв колени к плечам и механически затягиваясь второй сигаретой. Его левая рука опустилась к груди девушки, средний и безымянный пальцы зажали сосок, словно миниатюрный переключатель, и потянули его вверх. Удерживая части тела девушки в этой стилизованной позе, он начал двигать бедрами, скользя членом в ладони девушки. Когда она попыталась вынуть его пальцы из влагалища, Воан, и не думая извлекать

пальцы, оттолкнул ее руку локтем. Он вытянул ноги, разворачиваясь в салоне так, чтобы его бедра разместились вдоль сиденья. Опираясь на левый локоть, он продолжал тереться о руку девушки, словно участвуя в ритуальном танце, посвященном дизайну и электронике, скорости и маневренности автомобиля новейшего типа.

Это бракосочетание секса и технологии достигло апогея, когда поток машин разделился на развязке возле аэропорта, и мы поехали по северной дороге со скоростью двадцать миль в час. Воан вытащил палец из влагалища, развернул бедра и ввел туда член. Над нами замигали фары – это поток машин, направляющихся вверх по эстакаде развязки. В зеркало я все еще наблюдал за Воаном и девушкой. Их тела, освещенные фарами задних машин, отражались в сотне блестящих точек отделки «линкольна». В хромированной крышке пепельницы я видел левую грудь девушки с торчащим соском. На блестящих полосках рамы окна я видел деформированные фрагменты бедер Воана и ее живота, складывающиеся в причудливой комбинации. Воан немного изменил позу девушки, и снова его член вошел ей во влагалище. В триптихе образов, отраженных в спидометре, часах и топливном индикаторе, казалось, что их половой акт происходит под навесами гротов этих люминесцентных циферблатов и регулируется покачивающейся стрелкой спидометра. Выпуклый панцирь приборного щитка и стилизованная скульптура корпуса рулевой колонки сотни раз отражали ее

вздымающиеся и опадающие ягодицы. Я погнал машину со скоростью пятьдесят миль в час по пустому мосту развязки. Воан выгнул спину и поднял женщину, подставляя ее свету следующих за нами машин. Ее острые груди вспыхнули в хромированной клетке ускоряющейся машины. Сильные движения таза Воана совпадали с моментами, когда мы проезжали мимо светильников, расположенных вдоль моста через каждую сотню ярдов. При приближении каждого из них его бедра толкали девушку, вонзая член в лоно, руки разводили ее ягодицы, открывая задний проход желтому свету, заполнившему машину. Мы доехали до конца моста. Ночной воздух горел красным жаром габаритных огней, прикасаясь розовым отблеском к Воану и девушке.

Сконцентрировавшись на управлении машиной, я поехал вниз по эстакаде, чтобы слиться с потоком машин. Воан изменил ритм движений таза, укладывая партнершу вдоль своего тела. Они лежали наискосок на заднем сиденье. Воан взял в рот сначала ее левый сосок, потом правый, его палец оставался в ее заднем проходе, лаская прямую кишку в такт проезжающим машинам, согласуя движения самого Воана с игрой света, косо хлещущего по потолку машины. Я оттолкнул прислонившуюся к моему плечу блондинку. Меня не покидало ощущение, что я могу управлять половым актом, происходящим за моей спиной, сменяя скорость движения. Воан игриво отвечал на смены уличного пейзажа и дорожной разметки. Когда мы отъехали от Лондонского аэропорта

и углублялись по скоростным дорогам в центр города, ритм движений ускорился, его руки на ягодицах девушки двигали ее вверх и вниз, словно небоскребы офисных кварталов все сильнее и сильнее возбуждали некое считающее устройство в его мозгу. К концу оргазма он уже почти стоял, вытянув ноги, опершись головой о спинку заднего сиденья, поддерживая ладонями собственные ягодицы, над которыми на его бедрах балансировала девушка.

Через полчаса я вернулся к аэропорту и остановил машину в темноте возле многоэтажной автостоянки, напротив Океанического терминала. Девушке наконец удалось оторваться от Воана, который обессиленно откинулся на заднем сиденье. Она неуклюже собирала себя воедино, перебраниваясь с Воаном и вялой блондинкой с переднего сиденья. Сперма Воана стекала по ее левому бедру на черное сиденье. Шарик цвета слоновой кости скатывался в канавку посредине сиденья.

Я вышел из машины и расплатился с женщинами. Они удалились, неся свои крепкие лона к неоновому свету людных мест, а я все еще стоял возле машины. Воан глядел на многоэтажный утес автостоянки, проводя взглядом по горизонталям этажей, словно пытаясь прочесть на них все, что произошло между ним и темноволосой девушкой.

Позже я видел, как Воан исследует возможности, которые таит в себе автокатастрофа, так же спокойно и бережно, как он исследовал возможности этой молодой проститутки.

Я часто видел, как он засиживался над фотографиями пострадавших в катастрофах, с ужасающим участием глядя на их обгоревшие лица и просчитывая параметры наиболее элегантных сочетаний их израненных тел с потрескавшимися стеклами и рычагами управления. Используя тела девушек, которых Воан снимал возле аэропортов, он воспроизводил изломанную анатомию жертв автокатастрофы, нежно сгибая их руки, прижимая их колени к своей груди, всегда с интересом наблюдая за их реакцией.

Весь мир начал расцветать ранами. Из окон своего офиса на киностудии я смотрел на Воана, сидящего в машине в центре парковочной площадки. Большинство работников отправлялись домой, одну за другой забирая свои машины с пяточков вокруг пыльного лимузина Воана. Он приехал на студию час назад. Сначала мне вполне удавалось его игнорировать, но по мере исчезновения других машин со стоянки мое внимание постепенно сконцентрировалось на этом одиноком автомобиле. В течение трех дней, последовавших за нашим визитом в лабораторию дорожных исследований, он каждый день приходил в студию – под предлогом поисков Сигрейва, но на самом деле настоящей его целью было заставить меня организовать ему встречу с киноактрисой. В какой-то момент, встретив его на бензозаправке на Западном проспекте, я согласился помочь ему, прекрасно понимая, что мне не удастся все время отмахиваться. Теперь, не напрягаясь, он мог преследовать меня весь день, поджидая

на входах в аэропорт, на площадках заправочных станций, словно я каждый раз подсознательно направлялся ему на встречу.

Его присутствие повлияло на мою манеру вождения, и я почувствовал, что уже и вправду жду второй аварии, на этот раз на глазах у Воана. Гигантские авиалайнеры, взлетающие из аэропорта, дополняли системы возбуждения и эротизма, наказания и страсти, они как будто ждали своей очереди, чтобы приложиться к моему телу. Массивные пробки на автострадах, казалось, делали воздух душным, и я почти не сомневался, что это сам Воан собрал эти автомобили на истертый бетон специально для какого-то сложного психологического теста.

Когда ушла Рената, Воан выбрался из машины. Я смотрел, как он идет через парковочную площадку ко входу в офисы, размышляя, почему он выбрал меня. Я уже мог представить, как я веду машину по маршруту столкновения либо с Воаном, либо с другой выбранной им жертвой.

Воан шел через большой офисный зал, поглядывая налево и направо на увеличенные рекламные снимки радиаторных решеток и дворников. На нем были все те же потертые джинсы, которые он спускал со своих твердых ягодиц, когда занимался сексом в машине, которую вел я. На его нижней губе появилась маленькая язвочка – он вскрыл ее, прикусывая зубами. Я с особым трепетом глядел на это маленькое отверстие, осознавая возрастающую власть Воана надо мной,

власть, частично данную ему аварией, запечатленной в шрамах на его груди и лице.

– Воан, я устал. Мне приходится напрягаться, чтобы просто передвигаться по офису, не говоря уже о том, чтобы ловить продюсера, которого я едва знаю. В любом случае, шансы того, что она заполнит твой опросник, равны нулю.

– Помоги мне передать его ей.

– Я знаю, тебе, вероятно, удастся очаровать ее...

Воан стоял ко мне спиной, пожевывая язвочку клыком. Мои руки, отстранившиеся от остальных частей тела и от мозга, как бы перебирали воздух, не решаясь обнять его за талию. Воан повернулся ко мне, на его изрезанных губах играла поощрительная улыбка, расположенная в самом лучшем диагональном ракурсе, словно мы репетировали с ним его новую телепрограмму. Он говорил неровным прерывающимся голосом, который будто бы состоял из клубов его гашишного дыма.

– Баллард, она занимает центральное место в фантазиях всех, кого я опросил. У нас немного времени, хотя ты и слишком занят собой, чтобы это понять. Мне нужны ее ответы.

– Воан, вероятность того, что она погибнет в автокатастрофе, кажется мне весьма сомнительной. Ты будешь гоняться за ней до судного дня.

Стоя позади Воана, я смотрел на ложбинку между его ягодицами, мечтая о том, чтобы эти демонстрационные фо-

тографии автомобильных бамперов и фрагментов лобовых стекол сформировались в целый автомобиль, в котором я смог бы взять его тело в руки, как тело какого-нибудь бродячего пса, и закалить его раны в этих чертогах нереализованных возможностей. Я представлял себе, как фрагменты радиаторных решеток и приборных панелей срастаются вокруг меня и Воана, обнимая нас, когда я расстегиваю ремень и опускаю его джинсы, торжественно соединяя проникновение в его задний проход с самыми изящными очертаниями заднего бампера, бракосочетая мой член с дарами благодатной технологии.

– Воан...

Он смотрел на фотографию актрисы, прислонившейся к автомобилю, потом взял с моего стола карандаш и стал штриховать части тела актрисы, отмечая ее подмышки и промежность. Он смотрел на фотографии невидящим взглядом, забыв сигарету на краешке пепельницы. От его тела исходил вязкий аромат – смесь ректальной слизи и моторного охладителя. Карандаш оставлял на бумаге все более глубокие следы. На заштрихованных участках появлялись дырки под все более и более яростными штрихами крошащегося карандашного грифеля, прокалывающего листы картона, на который была наклеена фотография. Он отметил части интерьера машины, вонзая карандаш в выступающие части рулевого механизма и приборной панели.

– Воан!

Я обнял его рукой за плечи. Его тело содрогалось перед оргазмом, вдоль его тяжелых бедер скользило, напоминая жест каратиста, ребро левой ладони, словно он собирался сам себя поранить, воздействуя сквозь ткань на возбужденный пенис. Правая рука теребила обезображенную фотографию.

Сделав над собой усилие, Воан выпрямился, откинувшись на мою руку. Он смотрел на покалеченное изображение киноактрисы, окруженной точками столкновений и зонами повреждений, которые он предназначил для ее смерти.

Я неохотно убрал руку с плеча Воана. Его сильный живот был украшен кружевами шрамов. На правом боку из шрамов были отлиты выемки, словно специально для моих пальцев, траектории ласк, проложенные за годы до этого в какой-то забытой автомобильной свалке.

Проглотив слюну, я указал на шрамы, пять зарубочек, очерчивающих неправильный круг под ребрами. Воан без комментариев смотрел на меня, а мои пальцы остановились в паре дюймов от его тела. Его грудь и живот покрывала целая галерея шрамов, а оторванный и неровно пришитый правый сосок был постоянно возбужден.

В вечернем свете мы шли к автостоянке. Вдоль автострады на север, словно кровь в умирающей артерии, вяло двигались машины. На пустой стоянке перед «линкольном» Воана стояло две машины: полицейская патрульная и белый спортивный седан Кэтрин. Один из полицейских рассматривал

«линкольн», взглядываясь внутрь через пыльные окна. Другой стоял возле Кэтрин и о чем-то расспрашивал.

Полицейский узнал Воана и жестом позвал его. Решив, что они пришли говорить со мной по поводу моего возрастающего гомоэротического интереса к Воану, я виновато отвернулся.

Пока полицейский разговаривал с Воаном, ко мне подошла Кэтрин.

– Они хотят допросить Воана по поводу аварии возле аэропорта. Какой-то пешеход – они думают, что это был умышленный наезд.

– Воан не интересуется пешеходами.

Словно сделав выводы из моей последней реплики, полицейские направились к своей машине. Воан провожал их взглядом, поднимая, как перископ, голову, словно разглядывал что-то чуть выше уровня их сознания.

– Тебе стоило бы отвезти его, – сказала Кэтрин, когда мы шли к Воану. – Я поеду следом в своей машине. А где твоя?

– Дома. Я не смог бы вынести это движение.

– Лучше я поеду с вами. – Кэтрин всматривалась в мое лицо, словно пытаясь заглянуть за стекло мотоциклетного шлема. – Ты уверен, что можешь сесть за руль?

Ожидая меня, Воан решил надеть рубашку, валявшуюся на заднем сиденье. Когда он снял джинсовую куртку, вечерний свет отделил шрамы на его животе и груди, созвездие белых холмиков, опоясывающих тело от левой подмышки к

промежности. Эти места для пальцев, для сложных половых актов были оставлены машинами, в которых он разбивался специально для моих будущих утех на задних и передних сиденьях автомобилей, для изысканных актов содомии, которые я совершу, следуя от одного места, приготовленного для моей ладони, к следующему.

Мы попали в огромную пробку. От пересечения автострады с Западным проспектом до въезда на эстакаду все полосы были забиты машинами, лобовые стекла источали переплавленные лучи солнца, зависшего над западными окраинами Лондона. В вечернем воздухе мерцали габаритные огни, озаряя колоссальный водоем лакированных тел. Воан сидел, выставив руку из пассажирского окна. Он нетерпеливо щелкал дверной ручкой, постукивал по кузову кулаком. Справа от нас нависала обрывом человеческих лиц высокая стена двухэтажного автобуса, ехавшего из аэропорта. Пассажиры в окнах напоминали ряды мертвецов, уставившихся на нас из галереи колумбария. Колоссальная энергия двадцатого века, достаточная для того, чтобы переместить планету на новую орбиту вокруг более счастливой звезды, была направлена на поддержание этой грандиозной неподвижной паузы.

Полицейская машина, мигая фарами, пронеслась по нисходящей полосе эстакады, вращающийся фонарь на ее крыше хлестал воздух, как синяя плеть. Над нами, на гребне восходящей полосы, два полицейских направляли поток движения прочь от бровки. Предупреждающие треноги, уста-

новленные на тротуаре, ритмично вспыхивали: «Притормозить... Притормозить... Авария... Авария...» Десять минут спустя, достигнув восточного конца эстакады, мы увидели внизу место аварии. Полосы машин двигались мимо кольца полицейских прожекторов.

Три машины столкнулись на пересечении восточного пандуса эстакады и Западного проспекта. Полицейская машина, две кареты скорой помощи и грузовик техпомощи образовали вокруг места аварии просторный загон. Пожарники и полицейские техники работали с машинами, свет их ацетиленовых фонарей вспыхивал на дверных панелях и крышах. На тротуарах и пешеходном мосту, пересекающем Западный проспект, собралась толпа, зрители плечом к плечу опирались на металлическую ограду. Самая маленькая машина, вовлеченная в аварию, – желтый итальянский спортивный автомобиль – была почти уничтожена черным лимузином с усиленным мостом, который вынесло за разделительную полосу. Лимузин вернулся через бетонный островок на собственную полосу и врезался в стальную штангу дорожного указателя, искорежив радиатор и крыло прежде, чем его, в свою очередь, ударило такси, въезжавшее на эстакаду с Западного проспекта. Лобовой удар в капот лимузина, заставивший такси перевернуться и снова встать на колеса, вызвал боковые повреждения, перекосив кабину и корпус градусов на пятнадцать. Спортивная машина лежала на крыше на разделительной полосе. Команда полицейских и

пожарников поднимала ее на бок, извлекая два тела, все еще заключенных в раздавленном салоне.

Возле такси лежала группа из трех пассажиров, с ног до груди укутанных в покрывала. Врачи оказывали помощь водителю – пожилому мужчине. Он сидел, опершись о задний бампер своей машины. Лицо и одежда были запятнаны кровью и напоминали кожу во время какой-то необычной болезни. Пассажиры лимузина все еще сидели в кабине автомобиля, их силуэты едва угадывались за потрескавшимся стеклом.

Мы проехали мимо места аварии, тащась в очереди машин. Кэтрин наполовину спряталась за передним сиденьем. Ее глаза спокойно смотрели на отпечатки тормозных путей и петли окровавленного масла, испещряющие привычный гравий, словно хореографическая маркировка сложной битвы, диаграмма покушения на жизнь. Воан, наоборот, высунулся из окна, руки наготове, словно собирался обнять одно из тел. Из какого-то ящика или ниши возле заднего сиденья он достал камеру, которая теперь болталась у него на шее. Его глаза метались по трем разбитым машинам, словно он фотографировал каждую деталь мускулатурой, белыми полосками шрамов вокруг рта, запечатлевал каждый погнутый бампер и сломанную кость в последовательности быстрых гримас и неожиданных выражений. Чуть ли не впервые с тех пор, как я встретил его, он был совершенно спокоен.

Под вой сирены по встречной полосе спускалась третья

карета скорой помощи. Полицейский мотоциклист пристроился перед нами и замедлил ход до нуля, сигнализируя мне, чтобы я подождал и пропустил карету. Я остановил машину и заглушил двигатель, глядя через плечо Кэтрин на застывшую жестокую сцену. В десяти ярдах от нас стоял разбитый лимузин, тело молодого шофера все еще лежало возле него на земле. Полицейский уставился на кровь, вдовьей вуалью покрывающую лицо и волосы. Три механика работали рычагами и резаками у задних дверей лимузина. Они взломали смятый дверной механизм и отвалили дверь, открывая заключенных в салоне пассажиров.

Два пассажира – розовощекий мужчина за пятьдесят в черном пальто и женщина помоложе с бледной анемичной кожей – все еще сидели на заднем сиденье. Их головы были чуть наклонены вперед, взгляды обращены на полицейских и сотни зрителей, словно эти двое были второстепенными членами королевской семьи на приеме. Полицейский стащил дорожный плед, покрывавший их ноги и талии. Это короткое движение, обнажившее голые ноги молодой женщины и расставленные ступни пожилого мужчины, очевидно, сломанные в лодыжках, немедленно преобразило всю сцену. Юбка женщины закрутилась вокруг талии, ее бедра были расставлены, словно она намеренно демонстрировала свой пах. Левой рукой она держалась за шнурок оконной занавески, белая перчатка была отмечена кровью ее маленьких пальцев. Она слабо улыбнулась полицейскому, как приоткрыв-

шая покровы королева, поощряющая придворного к интимным прикосновениям. Пальто ее спутника было распахнуто, открывая всю длину его черных брюк и модельные туфли. Правое бедро было вытянуто, как у учителя танцев в скользящем движении танго. Когда он повернулся к женщине, нащупывая ее ладонью, то соскользнул с сиденья, и его лодыжка ткнулась в нагромождение кожаных чемоданов и битого стекла.

Дорожный поток продолжил течение. Я завел мотор и отпустил машину вперед. Воан то поднимал камеру к глазу, то опуская ее вниз, когда санитар скорой помощи пытался выбить ее у него из рук. Над головой проплыл пешеходный мост. Наполовину высунувшись из машины, Воан смотрел на десятки ног, прижатых к металлическому ограждению, потом он открыл дверь и вынырнул.

Пока я выруливал к обочине, он бежал назад к пешеходному мосту, лавируя между машинами.

Мы последовали за Воаном назад, к месту аварии. Сотни лиц, прижатых к окнам машин, спускающихся по эстакаде. Зрители стояли в три ряда на тротуарах и разделительной полосе, толпились у проволочной сетки, отделяющей автостраду от торгового центра и жилого квартала. Полиция отказалась от каких-нибудь попыток рассеять огромную толпу. Группа механиков работала над разбитой спортивной машиной, поднимая металлическую крышу, сплюснутую над головами пассажиров. Людей, находившихся в такси, несли на

носилках в карету скорой помощи. Мертвый шофер лимузина лежал полностью прикрытый одеялом, а доктор и два санитаря пробирались на заднее сиденье.

Я оглядел толпу. Среди присутствующих было довольно много детей, некоторых родители подняли на плечи, чтобы тем было лучше видно. Вращающиеся полицейские маячки освещали лица созерцателей. Мы взобрались на бордюр возле проволочной сетки. Никто из зрителей не выказывал признаков беспокойства. Они смотрели на сцену со спокойным академическим интересом покупателей на престижном рынке породистых лошадей. Их расслабленные позы предполагали взаимное понимание мельчайших подробностей, словно они осознавали все оттенки значения смещения радиаторной решетки лимузина, искажения корпуса такси, мелкой крошки рассыпавшегося лобового стекла.

Они сели в двухместный кабриолет, украшенный флажками и желтыми разводами, и, эксцентрично сигналив, укатили. Здоровенный мужчина в куртке водителя грузовика подсадил на бордюр свою жену, поддерживая ее рукой за ягодицы. Эта всеобъемлющая сексуальность наполнила воздух, словно мы были членами общины, покидающими проповедь, которая призывала почтить нашу сексуальность с друзьями и незнакомцами, и мы уезжали в ночь, чтобы симитировать с самыми невероятными партнерами кровавое причастие, которое мы созерцали.

Кэтрин прислонилась к капоту «линкольна», прижавшись

лобком к хромированному выступу его окантовки и отстранив от меня голову.

– Ты сможешь вести машину? С тобой все в порядке?

Я стоял, расставив ноги, скрестив руки на груди, вдыхающей пропитанный огнями воздух. Я снова чувствовал свои раны на груди и коленях, вслушивался в шрамы – нежные повреждения, которые теперь источали изысканную теплую боль. Я весь светился этими точками, как воскресший человек, нежащийся в тепле залеченных травм, которые стали причиной его первой смерти.

Я встал на колени возле переднего колеса «линкольна». Бампер и крыло были испачканы черными полосками желеобразного вещества, такие же полосы пересекали диск колеса. Я прикоснулся пальцами к липкому веществу. Бампер был отмечен глубокой вмятиной, такая же деформация осталась на моей машине года два назад, когда я врезался в немецкую овчарку, перебежавшую дорогу. Я остановился ярдов через сто и увидел двух школьниц, ревущих в ладошки над умирающим псом. Я указал на липкие пятна крови:

– Мы, наверное, сбили собаку... полиция может арестовать машину, пока не будет взят анализ.

Воан опустился на колени возле меня и осмотрел кровавые пятна, многозначительно кивая:

– Ты прав, Баллард... недалеко от аэропорта есть круглосуточная мойка.

Он открыл мне дверь, пристальные глаза были лишены

какой бы то ни было враждебности, словно его успокоила и расслабила недавняя авария. Я сел за руль, ожидая, что он обойдет машину и сядет возле меня, но он уселся на заднее сиденье рядом с Кэтрин.

Он водрузил камеру на переднее сиденье. Ее невидимая серебряная память о боли и возбуждении растеклась на темной пленке, как оживленные химикалии, тихо выделяемые сверхчувствительными слизистыми тканями Кэтрин.

Мы ехали на запад, к аэропорту. Я смотрел на Кэтрин в зеркало заднего вида. Она сидела по центру заднего сиденья, упершись кистями в колени, глядя через мое плечо на ускоряющиеся огни автострады. Когда я взглянул на нее, остановившись на первом светофоре, она ободряюще мне улыбнулась. Воан сидел рядом с ней, как озабоченный гангстер, его левое колено касалось ее бедра. Рука рассеянно теребила пах. Взгляд его скользил по очертаниям ее щеки и плеча. Мне внезапно открылась абсолютная логика того, что Кэтрин должно тянуть к Воану, чей маниакальный стиль вбирал в себя все, что казалось ей наиболее обескураживающим, – эта групповая автокатастрофа, которую мы видели, задела в ее мозгу те же нити, что и в моем.

Возле северо-западного въезда в аэропорт я свернул в автосервисную зону. На этом полуострове между ограждением и подъездными дорогами к Западному проспекту находился лагерь автопрокатных фирм, круглосуточных кафе, аэрофрахтовочных офисов и бензозаправок. Вечерний воз-

дух был испещрен навигационными огнями авиалайнеров и машин обеспечения, тысячами фар, плывущими по Западному проспекту и эстакаде. Резкий свет, падающий на лицо Кэтрин, превращал ее в часть этого летнего кошмара – истинное исчадие электрического воздуха.

Череда машин выстроилась перед автоматической мойкой. В темноте два нейлоновых вала барабанили по бокам и крыше такси, стоящего на мойке, вода и мыльный раствор хлестали из металлической фермы. В пятидесяти ярдах, в стеклянной кабинке, возле топливных насосов сидели, читая комиксы и слушая радио, два ночных дежурных. Я смотрел, как щетки метались по поверхности такси. Скрытые в кабине, под струящейся по окнам мыльной водой, закончивший смену таксист и его жена напоминали невидимые и таинственные манекены.

Предыдущая машина проехала несколько ярдов. Ее тормозные огни осветили интерьер «линкольна», озарив нас розовым отсветом. В зеркале я увидел, как Кэтрин откидывается на заднем сиденье. Ее плечо прижато к Воану, взгляд устремлен на его грудь, на шрамы вокруг израненных сосков, отблескивающих звездочками света.

Я подал «линкольн» на несколько футов вперед. За мной лежала громада темноты и тишины, уплотненная вселенная. Рука Воана скользнула по поверхности сиденья. Я притворился, что занят выдвиганием радиоантенны. Авария под эстакадой, в точке, почти точно обратно симметричной ме-

сту, где мы находились, и стук щеток предопределяли мои реакции. Возможность нового насилия, еще более волнующего тем, что оно коснется скорее моего сознания, чем нервных окончаний, отражалась в деформированном блеске хромированной стойки окна, в помятой крышке капота «линкольна». Я думал о прошлых изменах Кэтрин, о связях, которые живописало мое воображение, но лично мне никогда не доводилось быть свидетелем ее неверности.

Дежурный вышел из кабинки и прошествовал к автомату по продаже сигарет возле смазочной стоянки. Его отражение во влажном бетоне касалось огней проезжавших по шоссе машин. Вода хлестала из железной фермы по машине перед нами. Мыльный поток бил по капоту и лобовому стеклу, скрывая в жидком сиянии двух стюардесс и стюарда.

Когда я обернулся, то увидел, что правая грудь моей жены лежала в чаше ладони Воана.

Я подал машину вперед, в пустую мойку, концентрируясь на приборах. С неподвижных щеток передо мной стекали остатки жидкости. Я порылся в карманах в поисках мелочи и опустил стекло. Округлый меридиан груди Кэтрин покоился на руке Воана, сосок был зажат его пальцами, словно стремился накормить взвод жаждущих мужчин и лесбиянок-секретарш. Подушечкой большого пальца он осторожно ласкал сосок, казалось, он поглаживает многочисленные вообразимые соски, маленькие восхитительные бородавочки. Кэтрин восторженно смотрела на его грудь, словно видела ее

впервые, очарованная ее уникальной геометрией.

Наша машина осталась единственной на мойке. Двор вокруг опустел. Кэтрин легла на спину, расставив ноги и потянувшись ртом к Воану, который коснулся его губами, подставляя для поцелуя по очереди каждый шрам. Я чувствовал, что этот акт был ритуалом, лишенным обычной сексуальности, стилизованным противопоставлением двух тел, отрабатывающих ритм движения и столкновения.

Позы Воана, движение его рук, когда он передвигал мою жену по сиденью, поднимая ее левое колено так, чтобы его тело оказалось в развилке ее бедер, напоминали мне управление сложной машиной, гимнастический балет, апофеоз новой технологии. Его руки медленно исследовали заднюю поверхность ее бедер, взяли ягодичцы и поднесли выступающий лобок ко рту, не коснувшегося его. Он придавал ее телу разные позы и делал это в определенной последовательности, осторожно исследуя ходы ее конечностей и мускулатуры. Кэтрин, казалось, лишь отчасти воспринимала Воана, держа его пенис в левой руке и скользя пальцами к его заднему проходу, словно совершая акт, лишенный каких бы то ни было чувств.

Она прикоснулась правой рукой к его груди и плечам, ощупывая узоры шрамов на теле, выступы, сработанные автоткатастрофами специально для этого сексуального действия.

Послышался окрик. С сигаретой в руке один из дежурных стоял во влажной мгле, отмахивая мне, как командир грузо-

вого самолета. Я опустил монету в щель и закрыл окно. Вода захлестнула машину, затуманив стекла и заключив нас в ее салоне, освещенном лишь огнями приборной панели. В этом голубом гроте по диагонали заднего сиденья лежал Воан. Кэтрин стояла над ним на коленях с обернутой вокруг талии юбкой, обеими руками держа его пенис. Их рты разделяло не более дюйма. Свет фар, преломленный в мыльном растворе, струящемся по стеклу, осветил их тела люминесцентным сиянием; казалось, два полуметаллических человеческих существа из далекого будущего занимались любовью в хромированном будуаре. Включился мотор мойки. Щетки заколотили по капоту и с ревом устремились к лобовому стеклу, обращая мыльный раствор в пенистый ураган. На стеклах лопались тысячи пузырьков. Когда щетки застучали по крыше, Воан начал поднимать таз, почти оторвав ягодицы от сиденья. Неуклюжими движениями Кэтрин расположила влагалище над его пенисом. Под усиливающийся рев щеток они закачались. Воан держал ее груди в ладонях, словно пытался слить их в единый шар. С его оргазмом вздохи Кэтрин потонули в реве автомобильной мойки.

Мойка вернулась в исходное положение. Валы перестали вращаться. Перед чистым лобовым стеклом вяло висели щетки. Остатки воды, перемешанной с пеной, бежали во тьме к сточным канавам. Всасывая воздух исчерченными шрамами губами и смущенно глядя на Кэтрин, лежал истощенный Воан. Он смотрел, как она поднимает напряжен-

ное левое бедро – движение, которое я наблюдал сотни раз. На ее груди остались следы пальцев Воана, метки, образующие узор, похожий на раны от автокатастрофы. Мне хотелось протянуться и приласкать их, поощряя к новому соитию, поднести ее соски ко рту Воана, направить его член по траектории, подсказанной диагональным узором сиденья, который указывал в ее промежность. Я хотел согласовать контуры ее груди и таза с очертаниями крыши машины, благословляя этот половой акт – бракосочетание их тел с этой благодатной технологией.

Я открыл окно и бросил в монетоприемник еще монет. Когда вода брызнула на оконные стекла, Воан и моя жена снова занялись любовью. Кэтрин держала его за плечи, одержимо глядя ему в лицо, растрепанная и страстная. В нетерпеливом порыве она смахнула свои русые волосы со щек. Воан положил ее на заднее сиденье, раскрыл бедра и стал ласкать промежность, нащупывая средним пальцем задний проход. Он склонился к ней, укладывая ее и себя в позу покаленного дипломата и его женщины, которых мы видели в кабине разбитого лимузина. Он приподнял ее, вдавливая пенис во влагалище, держа ее одной рукой под мышкой, а другой под ягодицей – так же санитары скорой помощи держали молодую женщину, доставая ее из машины.

Когда валы барабанили у нас над головой, Кэтрин посмотрела на меня совершенно ясными глазами. В ее взгляде сочетались ирония и любовь, приятие сексуальной логики, кото-

рую мы оба осознали и к которой себя приговорили. Я спокойно сидел на переднем сиденье, а по крыше и дверям жидкими лентами струилось белое мыло. За спиной лежала моя жена, на ее животе и груди лоснилась сперма Воана. Щетки колотили по машине. Потоки воды и мыльного раствора окатывали ее – теперь безукоризненное – тело. Каждый раз, когда мойка заканчивала цикл, я опускал окно и заталкивал в автомат новые монеты. Два дежурных смотрели на нас из стеклянной кабинки, когда мойка возвращалась в исходное положение. В ночном воздухе раздавался звук их приемника.

Кэтрин вскрикнула – выплеск боли, причиненный сильной рукой Воана, зажавшей ей рот. Он откинулся на сиденье – его ноги поперек ее бедер, – похлопывая ее одной рукой, в то время как другая заталкивала во влагалище вялый член. Его лицо было напряжено, словно от ярости и истощения, по шее и груди тек пот. От похлопываний его ладони на руках и бедрах Кэтрин оставались широкие полосы. Измотанная Воаном Кэтрин облокотилась на сиденье за его головой. Когда пенис бесплодно оросил ее измученное лоно, Воан откинулся на сиденье. Он уже потерял интерес к постанывающей женщине, втискивающейся в одежды. Его покрытые шрамами руки бродили по ткани сиденья, выводя спермой загадочную диаграмму: какой-то астрологический знак пересечения дорог.

Когда мы уезжали с мойки, со щеток в темноту тихо ка-

пала вода. По мокрому бетону расплзлась огромная лужа белой пены.

На автостраде не было машин. Впервые после моей выписки из больницы улицы были пусты, словно изматывающая половая связь между Воаном и Кэтрин навсегда изгнали все средства передвижения. Я вел машину в сторону нашего дома в Драйтон-парке. Уличные фонари освещали лицо спящего на заднем сиденье Воана, изрезанные губы были открыты, как у ребенка, и прижимались к влажной от пота спинке сиденья. С его лица исчезла агрессивность, как будто семя, выпущенное им во влагалище Кэтрин, унесло с собой ощущение кризиса.

Кэтрин наклонилась вперед, освободившись от Воана. Она прикоснулась к моему плечу уютным домашним жестом привязанности. Я видел в зеркале царапины на ее щеке и шее, синяки на губах, деформировавшие ее нервную улыбку. Эти повреждения только подчеркивали ее истинную красоту.

Когда мы доехали до дома, Воан все еще спал. Мы с Кэтрин стояли в темноте возле безупречно чистой машины, полированный капот напоминал черный щит. Я взял Кэтрин за руку, успокаивая ее, забрал у нее сумку. Когда мы шли по истертому гравию ко входу, Воан появился из задней двери. Не окликаая нас, он неуверенно влез за руль. Я ожидал, что уезжая, он заревет мотором, но он завелся и ускользнул бесшумно.

В лифте я тесно прижался к Кэтрин, любя ее за удары, нанесенные ее телу Воаном. Позже, тем же вечером, я исследовал ее тело и синяки, нежно прикасаясь к ним губами и щеками, разглядывая ссадины у нее на животе – агрессивную геометрию мощной психики Воана. Мой член скользил по начертанным ссадинами символам, которые оставили на ее коже рот и руки. Я встал над ней, диагонально лежащей на кровати, на колени, ее маленькие ступни покоились на подушке, ладонка лежала на правой груди. Она смотрела на меня спокойным любящим взглядом, а я прикасался к ее телу головкой члена, отмечая точки контакта воображаемой автокатастрофы, которые оставил на ее теле Воан.

На следующее утро я ехал на студию в Шефертоне, наслаждаясь движением вокруг. Наконец я мог радоваться рядам мчащихся автомобилей. Вдоль элегантной динамичной бетонной автострады двигались цветные панцири тысяч машин, словно приветливые кентавры какой-нибудь новой Аркадии⁶.

Воан уже ждал меня на автостоянке студии, припарковав своей «линкольн» на моем месте. Шрамы на его животе отблескивали в лучах утреннего солнца в нескольких дюймах от моих пальцев, покоящихся на окне. Белый ореол высохшей вагинальной слизи окружал ширинку его джинсов, отмечая место, где к его бедру прижималось лоно моей жены.

Воан открыл передо мной водительскую дверь «линколь-

⁶ Аркадия – область в Греции, перен. – счастливая страна.

на». Когда я занял место за рулем, то осознал, что теперь хотел проводить с ним как можно больше времени. Он сидел лицом ко мне, положив руку на спинку сиденья за моей головой, его тяжелый член под джинсами был направлен на меня. Сейчас я ощущал настоящую привязанность к Воану, у меня появилось чувство ревности, гордости и любви. Я хотел прикоснуться к его телу, ласкать его бедро, когда мы едем, – так же я хотел ласкать бедро Кэтрин, когда мы впервые встретились.

Когда я повернул ключ зажигания, Воан сказал:

– Сигрейв исчез.

– Куда? Они здесь уже закончили эпизоды с катастрофой.

– Одному Богу известно. Разъезжает где-то в парике и в леопардовом плаще. Он может начать преследовать Кэтрин.

Я забросил офисные дела. В тот первый день мы часами колесили по автострадам в поисках Сигрейва, настроившись на ультракороткие волны, где обычно передавали переговоры полиции со скорой помощью. Воан слушал сообщения об авариях, проверяя на заднем сиденье свои камеры.

Когда над последними автомобильными пробками спустились сумерки, Воан окончательно проснулся. Я отвез его домой. Квартира его представляла просторную однокомнатную студию на верхнем этаже высокого дома с окнами на реку к югу от Шефертон. Комната была завалена бесхозным электронным оборудованием – электрические печатные машинки, компьютерная клавиатура, несколько осциллогра-

фов, магнитофоны и кинокамеры. На незастеленной кровати кучей лежали мотки провода. Полки на стенах были забиты учебниками по точным дисциплинам, подшивками технических журналов, дешевыми научно-фантастическими книжками и перепечатками его собственных работ. Мебели Воан не придавал никакого значения. Хромированные и виниловые стулья выглядели так, как если бы их наугад выхватили из витрины пригородного универмага.

Над квартирой витал дух нарциссизма Воана – стены мастерской, ванны и кухни были увешаны его фотографиями, кадрами из телепрограмм, бледными газетными вырезками, изображающими его на съемочной площадке, под кистью гримерши, темпераментно разговаривающего с продюсером. Что бы он ни делал, он ни на минуту не забывал о присутствии фотографа. Все эти снимки датированы временем до аварии Воана, словно следующие годы стали мертвой зоной, периодом, когда его стремления переместились за рамки тщеславия. Однако когда он двигался по квартире, принимал душ или сменял одежду, то продолжал неловко заботиться о своих образах: он поправлял загибающиеся уголки, словно боялся, что со снимками что-нибудь случится, его собственная неповторимая личность перестанет что-либо значить.

Когда мы тем вечером ездил по автострадам, я видел, что Воан пытается нацепить на себя бирку, закрепить свою неповторимость, отметив ее каким-то внешним событием.

Слушая радио, он полулежал возле меня на пассажирском сиденье, зажигая первую свою сигарету. На свежий аромат тщательно вымытого тела наложился сперва запах гашиша, а потом и спермы, увлажнившей в паху его брюки, когда мы проезжали место первой автокатастрофы. Пока я вел машину по сети переулков к месту следующей аварии, в моей голове поселился сгоревший гашиш, и я думал о теле Воана в ванной его квартиры, о тяжелом шланге его члена, торчащего из мускулистого паха. Шрамы на его коленях и бедрах казались маленькими ступеньками, ступеньками на этой лестнице отчаянного наслаждения.

К раннему утру мы увидели три автокатастрофы. В моем одурманенном мозгу еще циркулировала мысль о том, что мы разыскиваем Сигрейва, но на самом деле я знал, что Воан уже утратил интерес к дублеру. После третьей катастрофы, когда разъехались машины полиции и скорой помощи и последний ночной водитель грузовика вернулся в свою кабину, Воан докурил сигарету и, пошатываясь, побрел по отливающему маслом бетону к балюстраде шоссе. Тяжелый седан с немолодой дантисткой за рулем занесло через ограду вниз, на запущенный палисадник. Я смотрел с пробитой балюстрады, как Воан спустился к уже поставленной на колеса машине и бродил вокруг нее по достающей до колес траве. Он поднял забытый полицейскими кусок мела. Воан ошупывал ладонями острые края потрескавшегося стекла и металла, трогал смятую крышу и крылья. Остановившись на

минуту, он помочился в темноту на еще теплую радиаторную решетку, подняв в ночной воздух облачко пара. Он посмотрел на свой полувозбужденный член, оглянулся и, недоумевая, кивнул мне, словно просил идентифицировать этот странный орган. Он положил член на правое переднее крыло автомобиля и на черном лаке очертил мелом его контуры. Внимательно изучив рисунок, он, удовлетворенный, пошел вокруг машины, отмечая силуэтом члена двери и треснувшие стекла, крышку бака и задний бампер. Держа свой член в руке, тем самым предохраняя его от острого металла, Воан взобрался на переднее сиденье и стал рисовать силуэт своего члена на приборном щитке, отмечая эротическую сердцевину катастрофы или полового акта, празднуя бракосочетание своих половых органов и разбитой черепом приборной доски, на которой умерла немолодая дантистка.

Для Воана мельчайшие детали отделки были наделены органической жизнью, причем такой же значительной, как и жизнь конечностей и органов чувств человеческих существ, едущих в этих повозках. Он мог остановить меня под светом фаром и минутами смотреть на сочленение дворника и конфигурации окна припаркованной машины. Очертания корпусов американских седанов и европейских спортивных машин с их зависимостью между контурами и функциями, с их особой субординацией доставляли Воану неопишуемое удовлетворение. Мы могли полчаса ехать вслед за новым «бьюиком» или «феррари», пока он изучал каждую деталь от-

делки корпуса и выпуклости задних панелей. Нас несколько раз останавливала полиция за то, что мы околачивались вокруг припаркованного «ламборджини», принадлежащего какому-то преуспевающему владельцу ресторана в Шефертоне, и Воан одержимо фотографировал точный наклон оконных стоек, выступающее стекло фар, отблеск крыла над колесом. Его увлекало все: фирменный дизайн радиаторных решеток, ребра из нержавеющей стали на корпусе, обтекатели дворников, замки багажников и рукоятки дверей.

Он прогуливался по парковочной площадке супермаркета на Западном проспекте, словно по пляжному палаточному городку, очарованный высокими бамперами «корветта», сдающего назад под управлением молодой домохозяйки. При виде передних или задних воздухозаборников Воан мог впасть в транс, словно узнав некогда уже виденную райскую птицу. Часто, когда мы ехали по шоссе, Воан указывал мне на соседнюю полосу, выворачивая свой «линкольн» так, что линия крыши проносащегося мимо автомобиля сверкала перед нами в свете солнца, оттеняя безупречные пропорции заднего номерного знака. Воан постоянно подчеркивал своим поведением тождественность между элементами автомобильной отделки и органическими частями, собственного тела. Когда мы ехали за причудливым итальянским автомобилем, бамперы которого органично выростали из корпуса, жесты Воана, ласкающего аэропортовскую шлюху, сидящую между нами, становились стилизованными и нарочитыми.

ми. Он озадачивал усталую женщину своими отрывистыми фразами и движениями плеча.

Для Воана выдержанные каждый в своем тоне салоны «линкольна» и других автомобилей, которые он стал угонять на часок каждый вечер, были прообразами участков кожи молодых шлюх, которых он раздевал, пока я вел машину по темным автострадам. Их обнаженные бедра оттеняли пастельный пластик панелей, глубокие конусы динамиков повторяли контуры их острых грудей.

Я тоже видел в интерьере машины калейдоскоп освещенных частей женских тел. Эта антология запястий и локтей, бедер и лобков превращалась в бурное бракосочетание человека с автомобилем. Однажды мы с Воаном ехали по автостраде вдоль южной ограды аэропорта. Я аккуратно вел машину по кромке изогнутой дороги, наслаждаясь вместе с Воаном обнаженной грудью школьницы, которую он подцепил возле студии. Мы оба оценили совершенную геометрию этой белой груди, освобожденной от своего покрывала.

Тело Воана, с его непривлекательной кожей и лоснящейся бледностью, обретало жесткую изувеченную красоту, гармонирующую с тщательно размеченным ландшафтом автострады. Бетонные опоры у подножия развязки на Западном проспекте, покоящиеся на них через каждые пятьдесят ярдов массивные балки не позволили израненной психике Воана распасться на куски.

В течение многих недель, пока я выступал в качестве шо-

фера Воана, давая ему деньги на проституток и полупрофессиональных шлюх, которые околачивались вокруг аэропорта и его отелей, я наблюдал, как Воан исследует белые пятна секса и автомобиля. Для него автомобиль был наилучшим и единственным местом для сексуальных забав. С каждой из этих женщин Воан осваивал новый половой акт, вводя член во влагалище, задний проход и рот, как бы соответствуя дороге, по которой мы ехали, напряженности транспортного потока и моему стилю вождения.

В то же время мне казалось, что Воан отбирал в своем сознании определенные половые акты и позы для использования в будущем, для некоего суперполового акта в автомобиле. Выведенное им тождество между половым актом и эстетикой автострады имело какое-то отношение к его одержимости Элизабет Тейлор. Представлял ли он себе половой акт с ней, заканчивающийся смертью в какой-нибудь сложной автокатастрофе? С утра и до обеда он следовал за ней от отеля киностудии. Я ему не говорил, что переговоры по поводу съемок актрисы в нашем рекламном ролике провалились. Когда мы ждали ее появления, руки Воана двигались по небольшим неровностям узора заднего сиденья, словно его тело этими быстрыми движениями бессознательно обрабатывало сотни соитий с ней. Я понимал, что он пытался собрать в расчлененную форму элементы концептуального полового акта с участием актрисы и ее маршрута со студии в Шефертоне. Его неловкие движения, гротескность, с кото-

рой он свешивал через окно руку, словно собирался ее раскрутить и швырнуть, окровавленную, под колеса следующей за нами машины, отверстие его рта, когда он обхватывал губами сосок, – все это казалось репетицией ужасающей драмы, разворачивающейся в его мозгу, полового акта, который станет оргазмом его смертельного столкновения.

В эти последние недели Воан был обречен на соприкосновение его сексуальности с доселе неизвестными маршрутами, нанося собственной спермой коридоры своей трагедии на карту будущего. Мы постепенно приближались к открытой конфронтации с полицией. Однажды вечером, в час пик Воан сказал, чтобы я не ехал на зеленый свет, намеренно блокируя ряд машин позади нас. Мигая фарами, к нам подъехала патрульная машина, и полицейский подумал, взглянув на изломанную позу Воана, что мы побывали в крупной аварии. Прикрывая лицо несовершеннолетней кассирши из супермаркета, Воан улегся в позе покалеченного посла, которого на наших глазах вынимали из лимузина. В последний момент, когда полицейский вышел из машины, я, игнорируя протест Воана, рванул вперед.

Устав от «линкольна», Воан стал уводить другие машины с автостоянок аэропорта, используя набор отмычек, которые ему дала Вера Сигрейв. Мы открывали и закрывали двери этих надолго припаркованных повозок, чьи владельцы были в Париже, Штутгарте или Амстердаме. К вечеру, когда у нас отпадала в них надобность, мы возвращали их на

парковочные места. К этому времени я уже не был в состоянии собраться с мыслями и оставить Воана. Одержимый его сильным телом, как сам он телами автомобилей, я оказался заложником системы манящего насилия и возбуждения, состоящей из автострады и пробок, украденных нами машин и хлещущей через край сексуальности Воана.

В эти последние дни, проведенные с Воаном, я увидел, что женщины, которых он каждый вечер сажал в машину, стали все больше и больше напоминать и цветом волос, и фигурой киноактрису. Темноволосая школьница была похожа на молодую Элизабет Тейлор, а остальные женщины последовательно представляли ее все более поздние образы.

Воан, Габриэль и я посетили автомобильное шоу в выставочном центре «Ерлз корт». Спокойный и галантный Воан вел Габриэль сквозь толпу, неся свое покрытое шрамами лицо так, словно эти раны – ответная реакция на покалеченные ноги девушки. Габриэль переваливалась среди сотен выставленных на подиумах машин, поблескивающих хромированными и лакированными телами, словно парадные доспехи архангельского воинства. Габриэль ковыляла по залу и, казалось, получала колоссальное удовольствие от этих новехоньких повозок, проводя израненной рукой по их лакированным поверхностям, прикасаясь к ним своим покалеченным бедром, как уродливый котенок. Возле «мерседеса» она спровоцировала молодого человека – демонстратора выставки – на то, чтобы он пригласил ее осмотреть белый спортив-

ный автомобиль, смакуя его смущение, когда он помогал ей поставить скованные протезами ноги в салон. Глядя на это, Воан восхищенно присвистнул.

Мы двигались среди витрин и вращающихся автомобилей. Габриэль переваливалась с носка на пятку между работниками машинной индустрии и девушками, обслуживающими выставку. Я не отрывал взгляда от скоб на ее ногах, от деформированных бедер и колен, от раскачивающегося левого плеча – от этих частей ее тела, которые, казалось, манили новехонькие машины на вращающихся подиумах, приглашая их войти в конфронтацию с ее ранами. Когда она забралась в маленький японский седан, ее вкрадчивые глаза увидели мое израненное тело в свете того же очарования, которым были наделены эти совершенной формы машины. Воан сопровождал ее, помогая подняться на подмости, забраться в странные гондолы экспериментальных авто, в кабины концептуальных автомобилей, в стандартные лимузины, на задние сиденья которых она усаживалась как неприветливая королева этой гиперактивной технократии.

– Баллард, прогуляйся с Габриэль, – подзадоривал меня Воан. – Возьми ее за руку. Ты ей не безразличен.

Воан помог мне занять свое место. Когда он ускользнул, сославшись на то, что увидел Сигрейва, я помог Габриэль осмотреть несколько инвалидных машин. В нарочито формальных терминах я беседовал с демонстраторами о монтаже дополнительных средств управления, тормозных педалях

и рычагах коробки передач. Все это время я смотрел на части тела Габриэль, отраженные в этих кошмарных приспособлениях инвалидного управления. Я наблюдал, как трут-ся друг о друга ее бедра, на выступ ее груди над ляжками спинного протеза, на угловатые формы ее таза, на ее кисть, крепко сжимающую мою руку. Она отвечала на мой взгляд сквозь ветровое стекло, поигрывая с хромированным рычагом карбюратора, словно ожидая, что с ним случится нечто непристойное.

Габриэль, похоже, не держала на Воана зла за то, что он предоставил мне возможность первым заниматься с ней любовью на заднем сиденье ее маленького автомобильчика в окружении причудливых рычагов управления для инвалидов. Я исследовал ее тело, нащупывая путь среди ремней и лямок ее нижней одежды. Непривычные поверхности таза и ног увели меня к ее уникальному тупичку, этому нездоровому кожно-мускулатурному образованию. Каждая из ее деформаций служила сильной метафорой упоения новым насилием. Ее тело, с этими угловатыми контурами, неожиданными сочетаниями слизистой оболочки с линией волос, разгибающей мышцы с эрегирующими тканями, было для меня вызывающей энциклопедией извращенных возможностей. Когда я сидел с ней в темной кабине возле ограды аэропорта, а ее белая грудь, покоившаяся в моей руке, освещалась огнями взлетающих авиалайнеров, мои пальцы, казалось, подвергались насилию формы и нежности ее соска. На-

ши половые акты были испытанием огнем и водой.

По дороге к аэропорту я смотрел, как она манипулирует непривычной системой управления. Комплекс рычагов и переключателей этой машины был подогнан специально для ее первого полового акта. Двадцать минут спустя, когда я обнял ее, фабричный запах горчичного кожзаменителя смешался с ароматом ее тела. Мы свернули к резервуарам, чтобы видеть приземляющиеся самолеты. Когда я прижался грудью к ее левому плечу, то увидел, как специальное сиденье плотно облегает ее тело. Я скользнул рукой по ее правой груди, уже сливаясь со странной геометрией интерьера этого автомобиля. Из-под руля торчали неожиданные рычаги. Из стальной оси, идущей от рулевой колонки, рос целый пучок хромированных педалей. Установленный на полу рычаг передач поднимался косо, оставляя пространство для вертикального отростка из хромированного металла, отлитого по форме внешней стороны кисти водителя.

Привычная к этим новым параметрам, к объятиям услужливой технологии, Габриэль откинулась на сиденье. Ее умные глаза следовали за ладонью, ощупывающей мое лицо, словно в поисках недостающей мне яркой хромированной арматуры. Она подняла левую ногу и разместила ее так, что скоба легла мне на колено. На внутренней поверхности ее бедра выделялись глубокие вмятины от лямок, ложбинки покрасневшей кожи, отпечатки кнопок и пряжек. Когда я расстегнул ремень на левой ноге и пробежал пальцами по

глубокой вмятине от пряжки, дряблая кожа оказалась горячей и тонкой, более возбуждающей, чем ткань влагалища. Это развратного вида углубление – чехольчик для полового органа в эмбриональной стадии развития – напомнило мне о маленьких ранках на собственном теле, которые все еще хранили контуры приборного щитка и переключателей. Я ощупывал вмятины на ее бедре, ложбинку под грудью и правой подмышкой – след от спинного протеза, красные метки на внутренней стороне правой руки. Все это были зачатки новых половых органов, символы сексуальных возможностей, которые еще предстоит познать в сотнях экспериментальных автокатастроф. Я ощутил незнакомые очертания сиденья тыльной стороной моей правой руки, скользящей в углубление между ее ягодицами. Салон машины был затенен, полумрак скрывал лицо Габриэль, и я избегал прикосновения к губам откинувшейся на сиденье женщины. Я взял грудь в ладонь и стал целовать холодный сосок, от которого исходил сладкий аромат – смесь какого-то приятного парфюмерного состава. Задержав ненадолго язык на набухающем соске, я направил его далее, в неторопливое путешествие по груди. Мне казалось, что это должна быть съемная каучуковая структура, каждое утро пристегивающаяся вместе со спинным протезом и ножными шинами. И я был слегка разочарован тем, что ощутил под языком плоть. Габриэль подалась вперед, потерлась о мое плечо. Ее указательный палец исследовал внутреннюю поверхность моей нижней губы,

ноготь касался зубов. Открытые части тела были соединены ослабленными скобами и ремнями. Я играл с костистым лобком, перебирая редкие волосы промежности. Глядя, как она пассивно сидит в моих объятиях, едва шевеля в ответ губами, я осознал: эта утомленная и покалеченная девушка считала, что номинальные точки соединения в половом акте – грудь и член, ягодицы и промежность, соски и клитор – не смогут нас возбудить.

В свете угасающего дня над нашими вами вдоль направленных с востока на запад взлетных полос двигались авиалайнеры. В воздухе висел приятный хирургический аромат тела Габриэль с оттенком горчичного кожзаменителя. Хромированные переключатели выступали из тени, как головки серебряных змей – фауна металлического сна. Габриэль выпустила мне на сосок шарик слюны и механически ласкала его, продолжая притворяться, что происходит номинальный половой акт. В ответ я приласкал ее лобок, нащупав инертный комочек ее клитора. Серебристые рычажки вокруг нас казались произведениями технологических искусств, шедеврами кинетико-эстетических систем. Рука Габриэль бродила по моей груди, пальцы обнаружили маленькие шрамики под моей левой ключицей – отпечаток верхней дуги окружности циферблата. Когда она начала обследовать эту ложбинку губами, я почувствовал, что член впервые наливается. Она вынула его из брюк и вернулась к исследованию других шрамов на моей груди и животе, пробегая по каждому из них кончи-

ком языка. По очереди, один за другим, она одобрила каждый из этих знаков, начертанных на моем теле приборным щитком машины. Когда она ласкала член, я переместил руку с лобка на шрамы бедра, ощупывая дорожки, проложенные по плоти ручным тормозом машины, в которой она разбилась. Моя правая рука обнимала плечи, поглаживая отпечатки, оставленные кожей ремней, точки соединения округлых и прямоугольных форм. Я исследовал шрамы на ее бедрах и руках, обнаружил скопление шрамов под левой грудью, а она в ответ исследовала мои. Мы расшифровали эти коды пробудившейся в автокатастрофе сексуальности.

Мой первый оргазм вытолкнул семя на глубокую рану на ее бедре, орошая сморщенный глубокий канал. Она взяла сперму и размазала ее по серебристой головке рычага коробки передач. Мои губы соединились со шрамами под ее левой грудью. Габриэль повернулась на сиденье, так, чтобы я мог исследовать раны на ее правом боку. Впервые я не испытывал ни малейшей жалости к этой покалеченной женщине. Я вместе с ней наслаждался этими абстрактными отверстиями, оставленными в ее теле деталями ее же автомобиля. В течение нескольких последующих дней я достиг оргазма в шрамах под ее грудью, возле ее подмышек, в ранах на шее и плече, в этих половых щелях, нанесенных разлетающимся лобовым стеклом и циферблатами приборной панели в скоростном столкновении, с помощью моего члена сочетая браком машину, которую разбил я, и машину, в которой едва не

погибла Габриэль.

Я мечтал о других авариях, которые расширили бы данный репертуар отверстий, уповая на то, что с непрерывным совершенствованием технологий в будущем появятся еще более сложные элементы технической оснастки. Какие раны будут формироваться благодаря эротическим возможностям камер термоядерного реактора, операторских, покрытых белым кафелем, таинственных сценариев компьютерных программ? Обнимая Габриэль, я представлял себе, как меня учил Воан, аварии с участием знаменитостей и красавиц, раны, которые возбуждают эротические фантазии, необыкновенные половые акты, знаменующие собой возможности невообразимых технологий. В этих фантазиях я наконец смог мысленно увидеть те смерти и травмы, которых всегда боялся. Я представлял себе свою жену, израненную в сильном столкновении, с разбитым лицом и с новым сладостным отверстием, которое открылось в ее промежности в результате удара рулевой колонкой. Не влагалище, не задний проход. Отверстие, достойное величайшей нежности. Я представлял себе травмы киноактрис и телевизионных деятелей, чьи тела расцветут десятками новых отверстий, точками сексуального единения с их публикой, созданными виражирующими автотехнологиями. Я представлял себе тело собственной матери в разные периоды ее жизни, израненное в авариях, награжденное особенно абстрактными и оригинальными отверстиями, так что наш инцест был бы не более, чем ин-

теллектуальным актом, позволяющим мне просто соответствовать ее позам и объятиям. Я представлял себе педофилов рядом с травмированными в катастрофах детьми. Они ласкали детские тельца и орошали их раны испещренными шрамами членами спермой. В моем воображении возникали и пожилые педерасты, запускающие языки в подобия задних проходов на телах полуживых юношей.

Все, что касается Кэтрин, казалось мне в то время лишь моделью чего-то еще, что бесконечно увеличивает возможности ее тела и характера. Когда она, обнаженная, выходила из двери ванной, протискиваясь мимо меня с нервно-рассеянным видом, когда она по утрам мастурбировала возле меня с симметрично раскинутыми ногами, ерзая пальцами по лобку, словно намереваясь окончательно известить эти сладострастные вопли, когда она брызгала дезодорантом себе под мышки, в эти нежные впадинки загадочных миров, когда она шла со мной к машине, возбужденно теребя пальцами мое плечо, – все эти действия и эмоции были ключами к разгадке шифров, хранящихся в твердой хромированной отделке наших мозгов. Автокатастрофа, в которой она умрет, была именно тем событием, которое расшифровало бы скрытые в ней коды. Лежа в постели рядом с Кэтрин, я иногда скользил рукой между ее ягодицами, разминая и оттягивая каждую из этих полусфер, эти сгустки плоти, содержащие программы всех снов и массовых побоищ.

Я стал более обстоятельно думать о смерти Кэтрин, пыта-

ьясь представить еще более простой исход, нежели тот, который создал Элизабет Тейлор Воан. Эти фантазии были частью нежных бесед, которые мы вели, разъезжая вместе по трассе.

К этому времени я уже был уверен, что если даже киноактриса никогда не умрет в автокатастрофе, Воан все равно создал все условия для ее смерти. Из сотен миль и половых актов Воан отбирал определенные необходимые элементы: отрезок развязки Западного проспекта, проверенный моей аварией и смертью мужа Елены Ремингтон, отмеченный сексуальным штрихом орального совокупления с семнадцатилетней школьницей; левое крыло американского лимузина, благословленное рукой Кэтрин, сжимавшей левую дверную стойку, и озаменованное поощрительной эрекцией соска проститутки средних лет; сама актриса, выбирающаяся из машины на фоне полуоткрытого окна, – ее гримасу зафиксировала кинокамера Воана; части ускоряющихся машин, сменяющиеся светофорные огни, покачивающиеся груди, меняющиеся дорожные покрытия, клиторы, сжимаемые нежно, как ботанические образцы, между большим и указательным пальцами, стилизованные акты и позы во время наших поездок, – это все отложилось в сознании Воана, готовое для оснащения любого создаваемого им орудия убийства. Воан снова и снова расспрашивал меня о сексуальной жизни актрисы, о которой я ничего не знал, убеждая меня посадить Кэтрин за литературное исследование ископаемых журналов

о кино. Многие из его половых актов были моделями того, как в его представлении выглядели ее соития в автомобиле.

Однако Воан уже разработал модели половых актов в автомобиле для целого воинства знаменитостей – политиков, нобелевских лауреатов, спортсменов с мировым именем, астронавтов и преступников, – продумал их смерти. Когда мы вместе шли по парковочным площадкам аэропорта, выбирая, какую бы машину одолжить, Воан устраивал мне экзамен по поводу того, как Мэрилин Монро или Ли Харви Освальд обычно совокуплялись в своих машинах; Армстронг, Уорхол, Рашель Велш... их любимые марки и модели, излюбленные позы и эрогенные зоны, предпочитаемые ими автострады Европы и Северной Америки, их тела, обогащенные безграничной сексуальностью, любовью, нежностью и эротизмом.

– Как ты думаешь, Монро или, скажем, Освальд мастурбируют правой или левой рукой? А приборные панели? Оргазм наступает быстрее с утопленными или выступающими циферблатами? Цвет лака, сорт лобового стекла – все это немаловажные факторы. Гарбо и Дитрих, к ним нужен геронтологический подход. И как минимум два Кеннеди связаны с автомобилем... – он всегда намеренно в конце концов начинал себя пародировать.

Однако в последние дни в одержимости Воана появлялось все больше беспорядочности. Сосредоточенность на киноактрисе и секс-смерти, разработанной им для нее, казалось,

только усиливала его подавленность от того, что эта долгожданная смерть все не наступает. Вместо того, чтобы разъезжать по шоссе, мы сидели на заброшенной автостоянке позади моего дома в Драйтон-парке и смотрели, как в уходящем свете носятся над влажным гравием листья клена. Воан часами слушал по радио переговоры полиции и скорой помощи и вздрагивал всем телом, стряхивая пепел в переполненную пепельницу, набитую окурками косяков и старыми медицинскими салфетками. С беспокойством о нем смешивалось желание ласкать его покрытые рубцами бедра и живот, предлагая ему автомобильные травмы своего тела вместо этих воображаемых ран, которых он желал актрисе.

Катастрофа, которой я больше всего боялся, которая после смерти Воана станет реальностью в моем сознании, произошла три дня спустя на гарлингтонской дороге. Как только на полицейской волне прозвучали первые путанные сообщения о тяжелых травмах киноактрисы Элизабет Тейлор – правда, вскоре они были опровергнуты, – я понял, свидетелями чьей гибели мы сейчас станем.

Воан терпеливо сидел рядом со мной, а я протискивал «линкольн» на запад, к месту аварии. Отсутствующим взглядом он смотрел на белые фасады пластмассовых заводов и шиномонтажных мастерских, выстроившихся вдоль дороги. Он слушал подробности столкновения трех машин, постоянно увеличивая громкость, словно желая услышать финальные слова в полном крещендо.

Мы приехали в Гарлингтон к месту аварии полчасика спустя и остановились на травяной кромке дороги под мостом развязки. На перекрестке скоростных дорог столкнулись машины. Первые две – серийная спортивная машина с пластиковым корпусом и серебристый двухместный «мерседес» – столкнулись под прямым углом, у них оторвало колеса и смяло капоты. Кроме того, пластиковую машину сзади ударил правительственный седан. Потрясенному, но не раненому молодому водителю помогали выбраться из автомобиля, капот которого был погребен в хвосте спортивной машины. Вокруг разбитого фюзеляжа валялись бесформенные обломки пластика, словно негодные куски материала в студии дизайнера.

Мертвый водитель спортивной машины лежал в кабине, а два пожарника и полицейский констебль пытались вытащить его из-за выгнувшейся приборной панели. Женский леопардовый плащ на нем был распахнут, обнажая сильную грудь, светлые платиновые волосы были аккуратно собраны под опрятной нейлоновой сеткой. На сиденье рядом с ним, как мертвая кошка, лежал черный парик. Узкое изможденное лицо Сигрейва покрывали осколки лобового стекла, словно его тело уже кристаллизовалось, уносясь из этого неудобного набора измерений в более красивую вселенную.

Всего лишь в пяти или шести футах от него лежала на боку под разбитым стеклом поперек сиденья женщина-водитель двухместного «мерседеса». Толпа зрителей теснилась

вокруг машин, едва не сбивая с ног работников скорой помощи, пытающихся достать женщину из смятой кабины. Я услышал от проходящего мимо полицейского с одеялами в руках ее имя. Это была бывшая телевизионная ведущая, несколько лет назад она представляла яркие, но мимолетные телевикторины и ночные шоу. Когда ее приподняли, я узнал ее лицо – сейчас оно было бледным и обескровленным, как у старухи. С подбородка свисало кружево засохшей крови, напоминая темный слюнявчик. Когда ее положили на носилки, зрители почтительно посмотрели на травмы ее бедер и живота, уступив дорогу к карете скорой помощи.

Кто-то оттолкнул двух женщин в твидовых плащах и с шарфами на головах. Между ними, вытянув руки, протискивался Воан. Его глаза были расфокусированы. Он схватил одну из рукояток носилок, которые уже держал санитар, и побрел с ней к карете. Женщину подняли в машину, она неровно дышала сквозь кровавую корку на носу. Я едва не позвал полицию: глядя на возбужденного Воана, склонившегося над распластанной женщиной, я решил, что он собирается достать свой член и вычистить им кровь из ее рта. Увидев перевозбужденного Воана, санитары решили, что он ее родственник, и освободили для него место, но полицейский, который узнал Воана, толкнул его в грудь рукой и закричал, чтобы тот убирался.

Воан околачивался возле закрытых дверей, игнорируя констебля, потом внезапно обернулся и умчался через тол-

пу, потеряв над собой контроль. Он протолкался к разбитой пластиковой машине и бессмысленно уставился на тело Сигрейва, одетое в парадные доспехи осколков стекла, в костюме из света. Он схватился за стойку окна.

Расстроенный и потрясенный смертью каскадера и видом обрывков одежды актрисы – сами по себе они были атрибутом заранее задуманного столкновения, – все еще лежащих вокруг машины, я пошел через толпу зрителей вслед за Воаном. Он безучастно бродил вокруг «мерседеса», не сводя глаз с размазанных по сиденью и приборной доске пятен крови, изучая каждый фрагмент странного хлама, который материализовался после катастрофы. Его руки отрывисто жестикулировали в воздухе, отмечая траектории внутренних столкновений в машине, в которую врезался Сигрейв; он четко представлял, как эта второстепенная работница телевидения ударилась о приборный щиток.

Позже я осознал, что расстроило Воана больше всего. Его огорчила не смерть Сигрейва, а то, что этим столкновением Сигрейв, все еще одетый в костюм и парик Элизабет Тейлор, отнял у Воана реальную смерть, которую тот припас для себя. После этой аварии актриса была уже мертва в его сознании. Все, что теперь оставалось Воану, формально обозначить время, место да отверстия в ее плоти для бракосочетания с ним, которое он уже отпраздновал у кровавого алтаря машины Сигрейва.

Мы пошли к «линкольну». Воан открыл пассажирскую

дверь, глядя на меня так, словно он впервые увидел меня отчетливо.

– Эшфордская больница, – распорядился он. – Они отвезут Сигрейва туда, когда вырежут его из машины.

– Воан... – я пытался подобрать слова, которые могли бы его успокоить, хотел взять его за бедро, провести пальцами по его губам. – Мы должны сказать Вере.

– Кому? – глаза Воана моментально прояснились. – Вере... она уже знает.

Он вытащил из кармана замусоленный прямоугольник шелкового шарфа, осторожно расстелил его между нами на сиденье. Посередине лежал треугольник запятнанной кровью серой кожи, засыхающая кровь была еще ярко-алой. Воан с видом экспериментатора прикоснулся к крови кончиками пальцев, поднес их к губам и облизал. Он отрезал этот кусочек от переднего сиденья «мерседеса», где между ног женщины расцвела кровь, вытекшая из ран на ее животе.

Воан зачарованно смотрел на этот клочок дерматина. Он лежал между нами, как священная реликвия, как часть руки или берцовой кости. Для Воана этот кусочек кожи, столь же очаровательный и пикантный, сколь пятна на плащанице, таил в себе все магические силы современного мученика автострад. Эти драгоценные квадратные дюймы прижимались ко влагалищу умирающей женщины и были запятнаны кровью, расцветшей на ее израненном половом отверстии.

Я ждал Воана у входа в больницу. Он побежал в отделение

скорой помощи, игнорируя крики проходившего мимо санитаря. Я сидел в машине возле ворот, размышляя, не здесь ли ждал меня Воан со своей камерой, когда привезли мое израненное тело. В этот момент, вероятно, умирала раненая женщина, ее кровяное давление падало, органы наливались застывающими жидкостями, тысячи замерших артериальных клапанов заблокировали реки ее кровеносной системы. Я представил себе, как она лежит на металлической кровати в реанимационной палате, ее окровавленное лицо с перебитой переносицей напоминает маску, которую надевают в День всех святых. Я представил себе графики, отображающие падение температуры в ее заднем проходе и влагалище, угасающие показатели нервных функций, мысленно увидел, как опускается финальный занавес ее гибнущего мозга.

По тротуару к машине шел офицер дорожной полиции, очевидно узнав «линкольн». Увидев за рулем меня, он прошел мимо, но я успел насладиться моментом, когда меня перепутали с Воаном; в глазах полицейского отразились образы преступления и насилия. Я подумал о разбитых машинах на месте столкновения и о Сигрейве, умирающем во время своего последнего кислотного путешествия. В момент столкновения с этим обезумевшим каскадером телеведущая осознала, что это было ее последнее шоу, и она отпраздновала бракосочетание своего тела со стилизованными контурами приборной панели и лобового стекла, своей элегантной позы с безжалостными соединениями рушащихся перегородок.

Я представил себе замедленное воспроизведение этой аварии, такое, как мы видели в лаборатории дорожных исследований. Я видел ведущую в столкновении с приборной панелью, рулевую колонку, сгибающуюся от удара ее грудастого туловища; тонкие руки, знакомые по сотням телеигр, оставляют себя по частям на металле пепельницы и переключателей; самодовольное лицо, идеализированное сотнями крупных планов при самом выгодном и ярком освещении, бьется о верхний полукруг руля; переносица трескается, верхние резцы проваливаются сквозь десны и впиваются в мягкое небо. Изуродовав и убив ее своими руками, сталкивающиеся технологии тем самым короновали ее, освятили неповторимые конечности, черты лица, жесты и оттенки кожи. Каждый из свидетелей унес с места аварии образ насильственной трансформации этой женщины. В комплексе ран ее сексуальность сплавилась с жесткой автомобильной технологией. Каждый из зрителей объединит в своем воображении нежную ткань своих слизистых оболочек, свои эрогенные ткани с ранами этой женщины, прочувствовав все – посредством автомобиля – через последовательность стилизованных поз. Каждый мысленно прикоснется губами к этим кровоточащим отверстиям, прижмется переносицей к ранам на ее левой руке, веком – к обнаженному сухожилию ее пальца, кожей возбужденного члена к изорванному ущелю ее половых губ. Автокатастрофа сделала возможным это финальное и долгожданное единение телезнаменитости с ее

аудиторией.

Последний отрезок времени, проведенный с Воаном, неотделим в моем сознании от возбуждения, которое я испытывал, думая об этих воображаемых смертях, от удовольствия быть рядом с Воаном и полностью принимать его логику мышления. Странно, но Воан оставался подавленным, разбитым и безразличным к моему успешному обращению в его горячие последователи. Когда мы завтракали в придорожных закусочных, он кормил свой изрубцованный рот амфетаминовыми таблетками, но эти стимуляторы цепляли его только позже, днем, и тогда он начинал понемногу оживать. Может быть, мир Воана распадался? Я уже чувствовал, что доминирую в наших взаимоотношениях. Не нуждаясь в инструкциях Воана, я прослушивал по радио переговоры полиции и скорой помощи, мча тяжелую машину по дорогам в поисках свежих нагромождений транспортных средств.

Наши действия становились все более слаженными, словно мы были квалифицированными ассистентами хирурга, фокусника или клоуна. Давно позабыв об ужасе и отвращении при виде этих изувеченных жертв, ошеломленно сидящих на траве возле своих машин в рассеивающемся утреннем тумане или прищипленных к приборной доске рулевой колонкой, и я, и Воан испытывали чувство профессиональной отстраненности, в которой угадывались первые черты некой истинной вовлеченности. Мои ужас и отвращение, вызванные этими отталкивающими травмами, уступили ме-

сто полному приятию идеи, провозглашающей, что перевод этих ран на язык наших фантазий и сексуальных ассоциаций является единственным способом оправдания страданий и смерти этих жертв. Вечером, после того как Воан увидел эту женщину с тяжело травмированным лицом, он едва не удушил стоящую перед ним на коленях немолодую проститутку с серебристыми волосами, десять минут не позволяя ей вынуть член изо рта. Он яростно сжимал руками ее голову, не позволяя ей двигаться, пока у девицы изо рта не закапала, как из крана, слюна. Медленно проезжая по темнеющим улицам среди особняков южнее аэропорта, я смотрел через плечо, как Воан двигает женщину по заднему сиденью, подталкивая ее своими сильными бедрами. К нему вернулись неистовство и сила. После его оргазма женщина тяжело откинулась на сиденье. Сперма капала с ее губ на влажный винил под его яичками, а она пыталась отдышаться, вытирая с его члена следы рвоты. В ее лице я увидел орошенное семенем Воана израненное лицо разбившейся за рулем женщины. На сиденье, на бедрах Воана, на руках этой немолодой проститутки поблескивали опаловые капли спермы, меняясь в цвете от красного до янтарного и зеленого в ритме светофоров, несущихся мимо нас сквозь ночной воздух автострады. Я посмотрел на вечернее небо, и мне показалось, что сперма Воана омыла весь ландшафт, питая моторы, электрические цепи, личные устремления, орошая малейшие движения наших жизней.

Именно этим вечером я увидел первые раны, которые сам себе нанес Воан. На бензоколонке на Западном проспекте он нарочно зажал руку в двери машины, повторяя раны на руке молодой женщины-портъе, пострадавшей от сильного бокового удара на стоянке своей гостиницы. Он еще раз захлопнул дверь, углубляя ранки на суставах. Снова начали открываться шрамы на его коленях, зажившие больше года назад. На потертой ткани джинсов проступили кровавые точки. Красные следы появились на защелке «бардачка», на нижнем ребре радиоприемника и на черном пластике двери. Воан подзадоривал меня, чтобы я ехал быстрее, чем позволяли улицы вокруг аэропорта. Когда мне приходилось резко тормозить на перекрестках, он нарочно позволял своему телу скользить вперед, навстречу удару о приборную панель. Кровь, капая на сиденье, смешивалась с высохшей спермой, темными точками отмечала мои руки, вертящие руль. Его лицо было бледнее, чем когда бы то ни было, как беспокойный зверь он метался по кабине в нервных бессильных припадках.

Эта перевозбужденность напомнила мне, как я сам за несколько лет до этого долго оправлялся от кислотного путешествия, когда в течение нескольких месяцев после него у меня было ощущение, что в мозгу в какой-то момент открылась адская дыра, что в какой-то ужасающей катастрофе обнажилась вся нежная ткань мозга.

Моя последняя встреча с Воаном – кульминация долгой

карательной экспедиции в мою нервную систему – состоялась неделю спустя, в холле под крышей Океанического терминала. В ретроспективе кажется несколько забавным, что этому стеклянному дому, дому полета и неопределенности, суждено было стать местом, откуда разошлись в разные стороны дороги наших с Воаном жизни и смертей. Воан никогда не выглядел более растерянным и неприкаянным, чем тогда, когда он шел ко мне между хромированными стульями и столами, а его отражение умножалось в стеклянных стенах. Испещренное оспинками лицо Воана и изможденная неуклюжая походка придавали ему вид фанатика-неудачника, упорно цепляющегося за свои поистрепавшиеся бредовые идеи. Он остановился у стойки. Когда я поднялся его поприветствовать, он, казалось, не слишком затруднил себя тем, чтобы узнать меня, будто мы были мало знакомы и я вообще не представлял для него интерес. Его руки блуждали по стойке, словно искали переключатели приборной панели, на пятнышки свежей крови, застывшей на костяшках его пальцев, падал свет. В течение шести дней до этого я беспокойно ждал его в офисе и в квартире, нетерпеливо глядя через окна на шоссе, сбегал вниз по лестнице, не дожидаясь лифта, когда мне казалось, что я видел его проносящуюся мимо машину. Просматривая колонки сплетен в газетах и журналах, посвященных телевидению, я пытался угадать, какую звезду экрана или знаменитость из мира политики мог выбрать для преследования Воан, чтобы скомпоновать в своем моз-

гу части воображаемой автокатастрофы. Переживания всех недель, проведенных с ним, привели меня в состояние все возрастающего неистовства, которое, как ни странно, смягчалось только присутствием самого Воана. Когда я занимался любовью с Кэтрин, в моих фантазиях возникал акт содомии с Воаном, словно только этот акт мог открыть мне шифры извращенных технологий. Воан ждал, пока я закажу ему напиток, глядя поверх взлетных полос на авиалайнер, поднимавшийся над западным краем аэродрома. Он позвонил мне тем утром – его голос был едва узнаваем – и предложил встретиться в аэропорту. Увидев его снова, проведя взглядом по его ягодицам и бедрам под поношенными джинсами, по шрамам вокруг рта и под подбородком, я ощутил сильное эротическое возбуждение.

– Воан... – я пытался втиснуть ему в руку коктейль. Он безмолвно и вопросительно кивнул. – Попробуй, хлебни. Завтракать будешь?

Воан не сделал ни малейшего движения к стакану. Он посмотрел на меня неуверенно, словно снайпер, оценивающий расстояние до цели, затем взял графин с водой и с минуту наблюдал за колеблющейся жидкостью. Когда он наполнил грязный стакан, оставшийся на стойке после предыдущего клиента, и жадно его выпил, я понял, что он приближается к открытой стадии кислотного восхождения. Он сжимал и разжимал ладони, проводил кончиками пальцев по губам. Я следил, как он проходит этот этап возбуждения и тревоги.

Его взгляд блуждал по стеклянным стенам, фиксируя в воздухе пылинки, движущиеся в расплавленном свете.

Неуверенной походкой, словно свехосторожный луна-тик, он направился к своей машине, припаркованной на пятчке возле аэропорта. Он вглядывался, переживая, в отдельные кусочки неба – я уже знал это его состояние и хорошо помнил, – в эти пограничные стены света, которые за секунду превращают бриллиантовый летний полдень в свинцовый вечер зимы. Сидя на пассажирском месте «линкольна», Воан погрузился в ткань обшивки сиденья, словно обнявшей его раны. Он смотрел, как я вожусь с зажиганием, слабо посмеиваясь над рвением, с которым я пытался завести машину, и уже признавая собственное поражение и мою власть над ним. Когда я завел мотор, Воан положил забинтованную руку мне на бедро. Удивленный этим физическим контактом, я сначала подумал, что Воан пытается меня приободрить. Он поднес ладонь к моему рту – на ней лежал помятый серебристый кубик. Я развернул фольгу и положил кусочек рафинада себе на язык.

Мы выехали через туннель из аэропорта, пересекли Западный проспект и поднялись по пандусу развязки. Я двадцать минут ехал по нортхолтскому шоссе, удерживая машину посередине дороги, так что с обеих сторон нас обгоняли более быстрые машины. Воан откинул ее, положив правую щеку на прохладную спинку сиденья. Руки бессильно висели вдоль тела. Время от времени он сжимал кулаки, тогда ру-

ки и ноги произвольно изгибались. Я уже тоже начал ощущать воздействие кислоты. Мои ладони стали прохладными и легкими; на спине вот-вот должны были вырасти крылья и унести меня в летящий воздух. Над моей макушкой стали собираться прохладные нимбы, похожие на облака, из которых вылеплены эти ангары космического флота. Я уже совершал кислотное путешествие два года назад – параноидальный кошмар, в котором я впустил в свое сознание Троянского коня. Кэтрин, беспомощно пытавшаяся меня успокоить, предстала передо мной в виде враждебной хищной птицы. Я почувствовал, как сквозь выклеванную в моем черепе дырочку вытекают на подушку мозги. Помню, я плакал, как ребенок, и держал ее за руку, умоляя не оставлять меня, когда мое тело сожмется и превратится в обнаженный комочек плоти.

С Воаном было совсем иначе. Я чувствовал себя раскованно и был уверен в его привязанности ко мне; у меня было такое ощущение, словно он не спеша возил меня по этим автострадам, которые сотворил для меня одного. Все остальные машины, проезжающие мимо нас, обрели существование исключительно благодаря огромной любезности с его стороны. В то же время я был уверен, что то, что происходит вокруг меня – и это непрекращающееся распространение ЛСД по моему телу, – было частью какого-то лукавого замысла Воана, как будто возбуждение, окутывающее мой мозг, колебалось где-то между враждебностью и любовью, и

разница между этими эмоциями исчезла.

Мы выехали на скоростную дугу внешней окружной автострады и направились на восток. Когда мы поворачивали, объезжая центральную клумбу, я выехал на малоскоростную полосу и прибавил скорость. Мимо нас неслись машины. Изменились пропорции. Словно огненные утесы пронеслись над нами развязки. Сливающиеся и поворачивающие разделительные линии превратились в лабиринт белых змей, они корчились под колесами машин, которые, мчась с беззаботностью дельфинов, пересекали их спины. Дорожные знаки висели над головой, словно щедрые бомбардировщики. Я прижал ладони к кромке руля, бесцельно ведя машину сквозь золотистый воздух. Нас обогнали два автобуса и грузовик, их колеса казались неподвижными, словно эти повозки были частью подвешенной к небу сценической декорации. Я посмотрел по сторонам, и у меня сложилось впечатление, что все машины на шоссе были неподвижны, а под ними, создавая иллюзию движения, крутилась земля. Мои предплечья были жестко сочленены с рулевой колонкой, и я ощущал малейшие колебания колес, увеличенные в сто раз, так что каждый камешек и бугорок мы пересекали как поверхность маленького астероида. Урчание трансмиссии отзывалось в моих ногах и позвоночнике, отражалось эхом от коробки моего черепа, словно я сам лежал в туннеле трансмиссии, взявшись руками за коленвал и вращая ногами, чтобы разогнать машину.

Свет дня над автострадой стал ярче – плотный пустынный воздух. Белый бетон превратился в изогнутую кость. Машину окутали волны тревоги, как горячее марево над гравийными площадками. Глядя на Воана, я пытался справиться с этим нервным спазмом. Солнечные лучи раскалили обгоняющие нас машины, и я был уверен, что эти металлические тела были всего на долю градуса холоднее точки плавления, их спасала от разрушения только сила моего восприятия; мне казалось, что если я хоть немного смещу внимание на руль, тонкие металлические пленки, сохраняющие формы машин, порвутся, и эти массы кипящего металла выльются перед нами на дорогу. И наоборот, встречные машины несли за собой массы прохладного света, они везли на праздник полные прицепы электрических цветов. С увеличением их скорости я заметил, что меня втянуло на скоростную полосу, так что встречные машины двигались почти прямо на нас – громадные карусели ускоряющегося света. Их радиаторные решетки складывались в таинственные эмблемы, бегущие письма, на высокой скорости разворачивающиеся по поверхности дороги.

Утомленный от трудоемкой концентрации, удерживающей поток машин в неподвижности, я убрал руки с руля. «Линкольн» пересек скоростную полосу по длинной элегантной дуге. Шины зашуршали вдоль цементной бровки, хлестнув по лобовому стеклу пыльным ураганом. Я беспомощно откинулся на спинку сиденья, тело обессилело. На руль лег-

ла рука Воана. Он склонился надо мной, упершись коленом в приборную панель, и повел машину в паре дюймов от разделительной полосы. По смежной с нами скоростной полосе навстречу мчался грузовик. Воан убрал руки с руля, предлагая мне направить «линкольн» через разделительную полосу прямо в грузовик. Смущенный физической близостью склонившегося надо мной Воана, я опять взялся за руль, удерживая машину на скоростной полосе. Тело Воана представляло собой набор свободно сочлененных поверхностей. Элементы мускулатуры и его самого как личности висели в нескольких миллиметрах друг от друга, проплывая мимо меня в безвоздушном пространстве, напоминая содержимое кабины астронавта. Я смотрел на приближающиеся к нам машины и успевал ухватить лишь малую часть посланий, которыми вспыхивали мне в глаза их колеса и фары, окна и радиаторные решетки.

Я вспомнил мое первое путешествие домой из Эшфордской больницы после аварии. Пестрота улиц, нервные перспективы бордюров автострад и бесконечные ряды машин на Западном проспекте предвосхищали кислотное виденье, словно мои раны дали жизнь этим райским созданиям, торжествующим единение моей катастрофы с металлизированным элизиумом. Когда Воан снова предложил мне разбить машину о приближающийся к нам автомобиль, у меня возникло искушение подчиниться ему, не сопротивляясь дразнящему нажиму его руки. На нас мчался автобус, его сереб-

ристый фюзеляж озарял все шесть полос автострады. Он напомнил мне спускающегося с небес архангела, распростершего над нами крылья.

Я взял Воана за запястье. Темные волосы на его бледном предплечье, рубцы на костяшках безымянного и указательного пальцев оживали грубой красотой. Я отвернулся от дороги и сжал ладонь Воана, стараясь отвести глаза от фонтана световых струй, которые лились через лобовое стекло из едущих нам навстречу машин.

На шоссе с обеих сторон от нас приземлялась армада окруженных огромными световыми нимбами ангельских созданий, тут же ускользящих в противоположных направлениях. Они парили в нескольких футах над землей; все новые и новые приземлялись на бесконечные взлетно-посадочные полосы. Я понял, что все эти улицы и автострады мы, сами того не осознавая, построили специально для их приема.

Склонившись надо мной, Воан вел машину среди этого небесного флота. Когда мы сменили направление, вокруг нас завопили клаксоны и шины. Воан контролировал руль, словно отец, ведущий за руку уставшего ребенка. Я пассивно держался за руль, подчиняясь движению сворачивающей на вилоток развязки машины.

Мы остановились под мостом, задев передним крылом «линкольна» бетонную ограду, за которой находилась заброшенная свалка машин. Я еще немного послушал музыку мотора, потом выключил зажигание и откинулся на спинку си-

дня. В зеркале заднего вида я видел машины, взбирающиеся по пандусу на автостраду – нетерпеливые участники этого воздушного карнавала. Они мчались по дорожной глади над нашими головами, чтобы присоединиться к самолетам, которые так любил провожать взглядом Воан. Я смотрел на далекие перекрестки северного окружного шоссе и видел, что эти металлические создания были везде, они парили в солнечном свете, набирали высоту, когда дорожные пробки пытались заключить их в свои объятия.

Салон нашей машины утопал в полумраке, напоминая обитель колдуна; когда я переводил взгляд, свет в кабине становился то тусклее, то ярче. Панцирь циферблата, наклоненные плоскости приборной панели, металлическая отделка радио и пепельниц поблескивали вокруг меня, словно поверхности алтаря. Мне казалось, что они пытаются заключить меня в объятия, напоминая тем самым сверхразумную машину.

На свалке в изменчивом свете покоились когорты машин, обдуваемые ветром времени. В раскаленный воздух истекали полосы ржавого хрома, ореол света поглощал разноцветные хлопья лака. Обрывки деформированного металла, треугольники треснувшего стекла были сигналами, которые годами никто не считывал в этой скудной траве, тайнописями, расшифрованными мной и Воаном, когда мы сидели, обняв друг друга, в центре электрического урагана, фиксируемого сетчатками наших глаз.

Я погладил плечо Воана, вспоминая тот ужас, с которым я припадал к руке своей жены. Воан же, несмотря на всю его резкость, был вполне располагающим партнером, центром светящегося вокруг нас ландшафта. Я прижал его ладонь к медальону клаксона с алюминиевой эмблемой, которая всегда меня раздражала. Я нащупал отпечаток на его белой руке, вспоминая синяк в форме тритона на ладони мертвого Ремингтона, когда он лежал поперек капота моей машины, вспоминая розовые бороздки на теле моей жены, оставленные ее бельем, отпечатки воображаемых ран, когда она переодевалась в кабинке универмага, вспоминая волнуящие ямочки и складки на покалеченном теле Габриэль. Я по очереди провел рукой Воана по отблескивающим циферблатам приборной панели, прижимая его пальцы к острым рычажкам, выступающим включателям индикатора поворота и переключения передач.

В конце концов я положил его руки к себе на член, меня приободрило то, как он уверенно дотронулся до моих яичек. Я повернулся к Воану, плывя вместе с ним в теплой околоплодной жидкости светящегося воздуха. Мне придавала уверенности стилизованная морфология автомобильного салона, сотни светящихся гондол, скользящих над нами вдоль автострады. Когда я обнимал Воана, его тело, казалось, скользило вверх-вниз в моих объятиях, как только я прикасался к мышцам его спины и ягодиц, они становились твердыми и непрозрачными. Я взял в руки его лицо, ощупывая фарфо-

ровую гладь щек, я прикасался пальцами к шрамам его губ и щек. Казалось, на кожу Воана нанесены золотистые деления, капельки пота на его руках и шее обжигали глаза. Я удивился себе, обнаружив вдруг, что начал бороться с этой страшной золотистой тварью, красивой благодаря своим рубцам и ранам. Я провел губами по шрамам на его лице, ощупывая языком эти знакомые отпечатки уже не существующих приборных щитков и лобовых стекол. Воан распахнул свою кожаную куртку, обнажая открывшиеся раны на груди и животе, словно безработный трансвестит-стриптизер, показывающий кому-то сочащиеся шрамы, оставшиеся после неудачной операции по изменению пола. Я склонился к его груди, прижав щеку к кровавому отпечатку, оставленному ломающимся рулем, к точкам столкновения с приборной панелью. Я пробежал губами по его левой ключице и пососал рассеченный сосок, чувствуя губами шрам на околососочном пятачке. Я спустился по его животу к влажному паху, отмеченному кровью и семенем, со слабым ароматом женских экскрементов, прилипших к древку его члена. Бедрa Воана были озарены целым зодиаком незабываемых столкновений, и я один за другим исследовал эти шрамы губами, ощущая вкус крови и мочи. Я прикоснулся пальцами к рубцам на его члене, потом ртом ощутил головку. Я спустил запятнанные кровью брюки Воана. На его красивых здоровых ягодицах не было шрамов, кожа была нетронутой, как у ребенка. Мышцы моих ног и рук сокращались от возбуждения, мои чле-

ны охватил нервный спазм. Я согнулся позади Воана, прижимая его бедра к своим. Над темной расщелиной между его ягодицами нависал выступающий панцирь циферблата. Правой рукой я раздвинул ягодицы, ощупывая горячее отверстие заднего прохода. На несколько минут, глядя на поблескивающие и смещающиеся стены кабины, я прижал головку моего члена ко входу в его прямую кишку. Его задний проход раскрылся перед головкой моего члена, поглотив его древко, я ощутил пожатие сильных мышц. Когда я ритмично двигался в его прямой кишке, рожденные светом, парящие вдоль автострады машины призвали сперму из моих семенников. После оргазма я медленно поднялся, раздвинув ягодицы Воана, чтобы не поранить прямую кишку. Все еще придерживая половинки ягодиц, я смотрел, как из его заднего прохода сочится на ребристую обивку сиденья мое семя.

Мы сидели рядом, омываемые расходящимся во всех направлениях светом. Мои руки обнимали Воана. Он спал. Я смотрел, как постепенно иссякает фонтан, бьющий из радиаторных решеток разбитых машин в двадцати ярдах от меня. Мое тело пребывало в абсолютном покое, который состоял отчасти из моей любви к Воану, отчасти из нежности к этой металлической беседке, в которой мы сидели. Когда Воан проснулся, утомленный и еще полуспящий, он прислонился ко мне обнаженным телом. Его лицо было бледным, глаза разглядывали очертания моих рук и груди. Мы показали друг другу свои раны, обнажая рубцы на груди и руках на фо-

не многозначительных опасных мест салона машины, на фоне открытых пепельниц, на фоне огней далекого перекрестка. Своими ранами мы восхваляли возрождение тех, кто сражен машиной, раны и смерти тех, кого мы видели умирающими у обочин, и воображаемые травмы и позы миллионов тех, кто еще умрет.

Лобовое стекло кишело жужжащими мухами, бьющими о стекло. Цепочки их тел образовали темную вуаль между мной и движущимися по шоссе автомобилями. Я включил дворники, но щетки скользили как бы мимо мух, не беспокоя их. Воан откинулся на спинку сиденья возле меня, расстегнутые брюки были спущены до колен. Массивные комки мух копошились вокруг кровавых мазков на его груди, гадили на его бледный живот. Из них был соткан передник, прикрывающий лобковые волосы и поднимающийся от отвисшей мошонки к шрамам вдоль диафрагмы. Мухи покрыли лицо Воана, теснясь вокруг рта и ноздрей, словно в ожидании протухших жидкостей, которые должны истечь из его тела. Глаза Воана, открытые и живые, смотрели на меня с откинутой на спинку сиденья головы спокойным взглядом. Я пробовал смахнуть мух с его лица, думая, что они, должно быть, его раздражают, и обнаружил, что мои руки и салон машины облеплены насекомыми.

Руль и приборная панель шевелились, обсиженные глазастыми ордами. Не обращая внимания на протестующий жест Воана, я открыл водительскую дверь. Воан пытался ме-

ня остановить. Его измученное лицо пришло в движение, изображая тревогу и участие, словно испугалось того, что я мог увидеть на открытом воздухе. Я ступил на асфальт, машинально смахивая со своих рук эти пятнышки оптического раздражения. Я вошел в опустевший мир. Камешки на дороге нервно врезались в подошвы моих туфель, камешки, разбросанные пронесшимся ураганом. Бетонные стены моста были сухими и серыми, как вход в подземелье. Беспорядочно движущиеся по дороге надо мной машины уже пролили весь своей груз света и грохотали по шоссе, словно помятые инструменты дезертировавшего оркестра.

Но когда я отвернулся и снова посмотрел на мост, солнечный свет сделал из его бетонных стен куб пронзительного света, будто бы кто-то раскалил эти каменные поверхности. Я был уверен, что белое полотно дороги – это одна из частей тела Воана, а я – одна из ползающих по нему мух. Боясь пошевелиться – мне казалось, что я могу сгореть на этой светящейся поверхности, – я положил руки к себе на макушку, удерживая мягкую ткань мозга.

Свет резко померк. Машина Воана под мостом погрузилась во тьму. Все вокруг снова потускнело. Свет и воздух обессилили. Я пошел по дороге прочь от машины, ощущая бессильно тянущуюся за мной руку Воана. Я шел вдоль поросших сорняками ворот автомобильной свалки. Надо мной по шоссе двигались машины, словно моторизированный хлам с потускневшей и облупленной краской. Их води-

тели в напряжении сидели за рулями, обгоняя автобусы, полные наряженных в бессмысленные одежды манекенов.

На асфальте под мостом лежала на осях оставленная машина со снятыми колесами и мотором. Я открыл висящую на ржавых петлях дверь. Переднее пассажирское сиденье было осыпано конфетти стеклянных осколков. Следующий час я просидел там, ожидая пока кислота выветрится из моей нервной системы. Скорчившись над испачканной приборной панелью этой развалины, я прижал колени к грудной клетке и сжимал икры и руки, пытаюсь выжать из своего тела последние микрочастицы этого безумного раздражителя.

Мухи исчезли. Смена света стала менее частой, воздух над шоссе уравнился. Последние золотые и серебряные брызги стекла обратно в бесхозные обломки на свалке. Обрели свои неряшливые очертания парапеты далеких автострэд. Измотанный и раздраженный, я толкнул дверь и вышел из машины. Кусочки стекла, рассыпанные в траве, поблескивали, как вышедшие из употребления монеты.

Заревел мотор. Выйдя на дорогу, я вдруг осознал, что из тени моста, где мы сидели с Воаном, на меня мчится тяжелый черный автомобиль. Его шины с белыми полосками разметали осколки пивных бутылок и сигаретные пачки, перескочили узкую бровку и понеслись ко мне. Зная, что теперь Воан не остановится передо мной, я вжался в бетонную стену. «Линкольн» пронесся мимо по дуге, ударив передним правым крылом багажник брошенной машины, в которой я

только что сидел. Он нервно помчался прочь, сорвав с петель открытую пассажирскую дверь. В воздухе поднялся столб пыли и рваных газет и унесся прочь через дорогу. Окровавленные руки Воана вертели руль. «Линкольн» снова перепрыгнул бровку. Он снес ярдов десять деревянной ограды. Задние колеса обрели связь с поверхностью дороги, и машина, покачиваясь, помчалась по шоссе.

Я пошел к брошенной машине и облокотился о крышу. Пассажирскую дверь сплющило о переднее крыло. Когда я думал о рубцах на теле Воана, где ткань была сплавлена вдоль произвольных швов – контуров внезапного насилия, – меня вырвало лужицей кислотной слизи. Когда Воан «линкольном» снес ограду, он успел оглянуться, его жесткие глаза оценивали, а мозг просчитывал, может ли он во второй раз попробовать сбить меня. В воздухе носились обрывки бумаги, они медленно опускались на разбитую дверь и радиатор.

В небо над аэропортом взбирались стеклянные аэропланы. Я смотрел сквозь хрупкий воздух на движущиеся по шоссе машины. Воспоминание о прекрасных повозках, которые на моих глазах планировали на бетонные дороги, превратило эти некогда угнетавшие меня пробки в бесконечные блестящие очереди, терпеливо ждущие возможности выехать на некую невидимую дорогу, ведущую в небо. Я смотрел вниз с балкона своей квартиры, пытаюсь отыскать этот райский подъем, широченный пандус, покоящийся на плечах двух архангелов, по которому могли бы улететь все

машины мира.

Все эти странные дни, когда я отходил от кислотного путешествия, которое едва не закончилось смертью, я оставался дома, с Кэтрин. Сидя на балконе, привычно сжав руками подлокотник кресла, я глядел вниз, на металлическую равнину в поисках каких-либо следов присутствия Воана. По бетону вяло двигались сплошные потоки машин, их крыши казались единым лакированным панцирем. Действие ЛСД закончилось, оставив меня в состоянии внушающего тревогу покоя. Я чувствовал отстраненность от собственного тела, словно мускулатура была подвешена в нескольких миллиметрах от арматуры костей, точки соединения были только в нескольких местах, где были раны, которые снова начали ныть. Еще на протяжении нескольких дней ко мне во всей своей полноте возвращались фрагменты кислотного путешествия, и я видел машины на шоссе в торжественных нарядах, они парили над дорогой на огненных крыльях. На пешеходах тоже были огненные костюмы, и мне казалось, что я был одиноким туристом в городе матадоров. Кэтрин двигалась за моей спиной, будто какая-то электрическая нимфа, преданное существо, охраняющее своим спокойным присутствием порывы моего возбуждения. В менее счастливые моменты ко мне возвращался бред и тошнотворные перспективы серого моста, влажное подземелье, у входа в которое я видел тысячи мух, которые роились на приборной панели, на ягодицах Воана, когда он наблюдал за мной со спущенными до колен

брюками. В ужасе от этих коротких воспоминаний, я хватался за руки Кэтрин, державшей меня за плечи, и пытался убедить себя, что я сижу рядом с ней возле отблескивающего окна нашей квартиры. Я часто спрашивал, какое сейчас время года. Перемены света на моей сетчатке без предупреждения смещали сезоны. Однажды утром, когда Кэтрин оставила меня одного, отправившись на свой последний летный урок, я увидел над шоссе ее самолет – стеклянную стрекозу, уносящуюся в лучах солнца. Вдруг мне показалось, что он неподвижно висит у меня над головой, пропеллер вращается медленно, как у игрушечного самолета. Из его крыльев бил непрерывный фонтан света.

Под ней парили вдоль шоссе машины, отмечая на поверхности ландшафта все возможные траектории ее полета, нанося схему нашего грядущего шествия сквозь небеса, маршруты крылатых технологий. Я подумал о Воане, покрытом мухами, словно воскресший труп, когда он смотрел на меня с насмешкой и любовью. Я знал, что Воан никогда окончательно не умрет в автокатастрофе, но каким-то образом возродится в этих искореженных радиаторных решетках и осыпающихся лобовых стеклах. Я думал об изрезанной белой коже его живота, о густых лобковых волосах, начинающихся уже на бедрах, о липком пупке и неприятно пахнущих подмышках, о его грубом обращении с женщинами и автомобилями и покорной нежности по отношению ко мне. Даже когда я погрузил член в его задний проход, Воан знал, что по-

пытается меня убить, и это будет последнее проявление случайной любви ко мне.

Под окна спальни подъехала машина Кэтрин. Содранная краска вдоль левой стороны свидетельствовала о каком-то незначительном столкновении.

– Твоя машина?.. – я взял ее за плечи. – С тобой все хорошо?

Она прижалась ко мне, словно отпечатывая давлением наших тел в мышечной памяти образ этого столкновения. Она сняла летнюю куртку. Теперь у каждого из нас по отдельности состоялся свой любовный акт с Воаном.

– Я не была за рулем в тот момент, машина стояла на стоянке аэропорта, – она протянула руки и взяла меня за локти. – Может быть, это сделано нарочно?

– Один из твоих поклонников?

– Один из моих поклонников.

Ее должно было напугать это бессмысленное нападение на ее машину, но она совершенно спокойно смотрела, как я разглядываю след от удара. Я ощупывал повреждения на левой двери и крыльях и исследовал ладонью глубокую вмятину по всей длине машины, от разбитого заднего габаритного огня до передней фары. На заднем крыле был четко запечатлен отпечаток тяжелого переднего бампера другой машины, неповторимая роспись «линкольна» Воана. Я ошупал округлую вмятинку, отчетливую, как расщелина между жесткими ягодицами Воана, так же четко оформленную, как вход

в его толстую кишку, который я до сих пор ощущал членом во время своих эрекций.

Нарочно ли Воан преследовал Кэтрин? Удар в припаркованную машину был жестом ухаживания? Я смотрел на ее бледную кожу и крепкое тело, думая о машине Воана, несущейся на меня среди бетонных опор моста. Я должен был умереть, подобно Сигрейву, в смертельной кислотной отключке.

Я открыл пассажирскую дверь, приглашая Кэтрин садиться.

– Давай я прокачу тебя... я уже нормально воспринимаю свет.

– Ты действительно уже в порядке?

– Кэтрин, – я взял ее за руку. – Мне нужно снова сесть за руль прежде, чем все это пройдет.

Она скрестила на груди обнаженные руки и уставилась на отделку салона, словно пыталась найти мух, которых я ей описывал.

Мне хотелось показать ее Воану.

Я завел мотор и выехал со двора. Когда я набирал скорость, улица смещала свои перспективы, отклоняясь от меня, словно увеличивая обтекаемость. Возле супермаркета, переливаясь светло-вишневым светом синтетического плаща, переходила дорогу девушка. Движение машины, ее очертания и пропорции существенно изменились, словно очистившись от всего знакомого и личного. Оформление улиц,

витрины и пешеходы освещались фарами машин, и интенсивность света, излучаемого ими, тоже находились в прямой зависимости от хода ведомой мною повозки. На светофорах я поглядывал на Кэтрин. Она сидела, взявшись рукой за стойку окна. Оттенки ее лица и рук играли чистотой и богатством, будто бы каждая клетка крови и частица пигментации, все мышцы ее лица впервые обрели реальность, собравшись воедино в процессе движения автомобиля. Кожа ее щек, дорожные знаки, ведущие нас по шоссе, припаркованные на крыше супермаркета машины – все обрело ясность и определенность, словно наконец сошел некий колоссальный потоп, впервые открыв истинные очертания отдельных предметов. Мы ехали по шоссе на юг.

– Движение... куда все делись? – я вдруг осознал, что все три полосы были почти пусты. – Они все исчезли.

– Джеймс, я хотела бы вернуться!

– Подожди, это только начало...

Я все думал об этом образе пустого города с покинутой технологией. Мы ехали к месту, где за несколько дней до этого меня пытался убить Воан. На заброшенной стоянке, за поломанной оградкой в тусклом свете лежали выброшенные машины. Я проехал мимо исцарапанных бетонных опор к темной пещере моста, где мы с Воаном обнимали друг друга среди цементных колонн, слушая грохот машин над головой. Кэтрин посмотрела на почти церковные своды моста, напоминающие ряд пустых укрытий для подводных лодок.

Я произвольно принял позу, в которой овладел Воаном. Посмотрев на свои бедра и живот, я представил себе ягодичы Воана, поднятые до высоты моего таза, вспомнил липкую фактуру его заднего прохода. Каким-то парадоксальным образом половой акт между нами был абсолютно лишен сексуальности.

Весь этот день мы ездили по автострадам. Бесконечные шоссеиные системы, по которым мы двигались, содержали формулы безграничного сексуального блаженства. Я смотрел на машины, спускающиеся с развязки. Каждая из них несла на крыше кусочек солнца.

– Ты ищешь Воана? – спросила Кэтрин.

– Можно и так сказать.

– Ты его больше не боишься?

– А ты?

– Он убьет себя.

– Я понял это после смерти Сигрейва.

Я смотрел на нее, а она смотрела на машины, соскальзывающие с моста к нам, ждущим в переулке возле Западного проспекта. Я хотел, чтобы ее увидел Воан. Я думал о длинных вмятинах, оставленных на боку машины Кэтрин. Я хотел показать их Воану, побуждая его еще раз овладеть Кэтрин.

Проезжая мимо заправки, мы увидели Веру Сигрейв, она разговаривала с работницей бензоколонки. Я свернул к ней. Широкобедрая, с натруженными ягодицами и грудью, Вера была одета в теплую кожаную куртку, словно собиралась в

антарктическую экспедицию.

Сначала Вера меня не узнала. Она обвела жестким взглядом элегантную фигуру Кэтрин, словно ей внушала какие-то подозрения ее поза со скрещенными ногами в открытой кабине спортивной машины с ободранным корпусом.

– Вы уезжаете? – я указал на чемоданы на заднем сиденье Вериной машины. – Я пытаюсь найти Воана.

Вера закончила беседу с девушкой с бензоколонки, видимо, договорившись о том, чтобы та заботилась о ее сынишке. Все еще глядя на Кэтрин, она села в свою машину.

– Он гоняется за своей актрисой. Его ищет полиция – возле Нортхолта убит какой-то американский служащий.

Я положил руку на лобовое стекло, но она включила дворник, едва не срезав костяшку на моем запястье.

Заканчивая объяснение, она сказала:

– Я была с ним в машине.

Прежде чем я попытался ее остановить, она поехала к выезду с бензоколонки и влилась в быстрый поток вечерних машин.

На следующее утро Кэтрин позвонила мне из офиса, чтобы сказать, что Воан преследовал ее до аэропорта. Пока она говорила с присущим ей спокойствием, я подошел с телефоном к окну. Глядя на машины, ползущие по шоссе, я почувствовал, как напрягается мой член. Где-то подо мной, среди этих тысяч машин на перекрестке ждал Воан.

– Он, вероятно, ищет меня, – сказал я.

– Я видела его дважды, сегодня утром он ждал меня возле въезда на стоянку.

– Что ты ему сказала?

– Ничего. Я обращаюсь в полицию.

– Нет, не нужно.

Беседуя с ней, я обнаружил, что соскальзываю в то состояние эротической мечтательности, в котором я иногда спрашивал Кэтрин о летном инструкторе, с которым она обедала, вытаскивая из нее детали какой-нибудь мимолетной амурной встречи, какого-нибудь незначительного полового акта. Я представлял себе, как Воан ждет ее на тихом перекрестке, едет за ней через потоки машин, по объездным дорогам, продвигаясь все ближе к бурному эротическому единению. Унылые улицы были озарены движением их тел во время этого изысканного брачного ритуала.

Будучи не в состоянии находиться в квартире в то время, когда происходит это ухаживание, я сел в машину и отправился в аэропорт. С крыши многоэтажной автостоянки, рядом со зданием авиафрахтовочных компаний, я оглядывал окрестности, ожидая появления Воана.

Как я и предполагал, Воан ждал Кэтрин возле выезда с развязки на Западный проспект. Он и не пытался спрятаться от кого-нибудь из нас, грубо проталкивая свой тяжелый автомобиль в проходящий дорожный поток. Явно не интересуясь Кэтрин или мной, Воан облокотился о дверь. Когда он стоял на светофоре, то казался почти спящим, но стои-

ло зажечься зеленому свету, как он резко срывался с места. Левой рукой он барабанил по рулю, словно читал быстрыми пальцами шрифт Брайля⁷. Следуя по пунктирным линиям, проложенным в его голове, он метался на «линкольне» из стороны в сторону по всей ширине дороги. Его осоловелое лицо застыло в упрямой маске, покрытые шрамами щеки жестко стискивали рот. Он вклинивался то в одну, то в другую полосу, вырываясь вперед по скоростной полосе, пока не поравняется с Кэтрин, потом соскальзывал назад так, что между ними пристраивались другие машины, затем занимал осторожную позицию на полосе для движения с малой скоростью. Он начал копировать манеру вождения Кэтрин, ее расправленные плечи и высоко поднятый подбородок, он пользовался педалью тормоза с такой же частотой, с какой это делала она. Их согласованные тормозные огни как будто вели между собой диалог, напоминая давно женатую пару.

Я мчался вслед за ними, мигая фарами всем машинам на пути. Мы подъехали к въезду на развязку. Пока Кэтрин взбиралась на эстакаду, вынужденная притормозить, догнав караван цистерн с горючим, Воан резко набрал скорость и свернул в другую сторону. Я погнался за ним, виражируя вокруг разворотных клумб, которыми изобилует развязка. Мы проскочили ряд светофоров вплотную к поперечным потокам машин. Где-то над нашими головами по открытой дуге моста двигалась Кэтрин.

⁷ Письмо для слепых.

Воан пронзал послеобеденный поток машин, в последний момент нажимая на тормоза, поднимал машину на двух внешних колесах, заходил на полной скорости на разворот. В сотне ярдов за ним гнал я, прямо к нисходящей ветке развязки. Воан остановился возле поворота, ожидая, пока мимо него прогрохочут цистерны с топливом. Когда появилась маленькая спортивная машина Кэтрин, он ринулся вперед.

Мчась за ним, я уже ждал, что Воан столкнется с Кэтрин. Его машина неслась через разделительные линии по траектории столкновения. Но в последний момент он свернул, исчезнув в уличном потоке за ее спиной. Он исчез из поля зрения за разворотом северного шоссе. Я высматривал его, одновременно пытаюсь догнать Кэтрин, и все-таки успел бросить последний взгляд на помятый передний бампер и треснувшие фары, требовательно мигающие здоровенному водителю грузовика.

Полчаса спустя в подвальном гараже моего дома я пощупал ладонью отпечатки машины Воана на крыльях спортивного автомобиля – отметки репетиции смерти.

Эти репетиции единения Воана с Кэтрин продолжались еще несколько дней. Дважды звонила Вера Сигрейв, чтобы спросить меня, не видел ли я Воана, но я утверждал, что не покидаю квартиру. Она рассказала мне, что полиция изъяла все снимки и оборудование Воана из темной комнаты в ее доме. Как ни странно, но поймать его самого они не в состоянии.

Кэтрин никогда не заговаривала о том, что за ней гоняется Воан. Мы теперь оба сохраняли ироническое спокойствие, точно такую же стилизованную любовь друг к другу мы демонстрировали на вечеринках, когда кто-то из нас открыто собирался уйти с новым любовником. Понимала ли она, что на самом деле двигало Воаном? В тот момент даже я не сумел осознать, что она была для него всего лишь дублером для тщательной репетиции другой, гораздо более важной смерти.

День за днем Воан следовал за Кэтрин по автострадам и улицам в районе аэропорта, иногда ожидая ее на выезде из глухого тупика, где-нибудь по дороге из нашего дома, иногда, подобно призраку, возникая на скоростной полосе моста. Его побитая машина хромала на левые амортизаторы. Я смотрел, как он ждет на перекрестках, очевидно, прокручивая в мозгу возможные типы катастроф: лобовые столкновения, удары в бок, в хвост, переворачивания. Все это время я провел в состоянии нарастающей эйфории от подчинения неизбежной логике, которой когда-то сопротивлялся, словно я наблюдал, как моя собственная дочь проходит первые стадии яркого любовного переживания.

Я часто стоял на поросшей травой обочине западного нисходящего пандуса развязки, зная, что это любимая зона Воана, и смотрел, как он несется за Кэтрин, ускользающей в вечерний поток часа пик.

На машине Воана появлялось все больше вмятин. Правое

крыло и двери были покрыты глубоко впечатанными в металл точками столкновений, эта ржавеющая чеканка становилась все светлее и светлее, словно под ней обнажался скелет. Стоя позади него в пробке на нортхолтском шоссе, я увидел, что два задних окна разбиты.

Разрушение продолжалось. Начало отделяться от корпуса заднее левое крыло, передний бампер висел на одном креплении, цепляясь за почву ржавым изгибом, когда Воан поворачивал.

Скрытый за пыльным лобовым стеклом, Воан путешествовал на полной скорости по автострадам, ссутулившись над рулем, и не ощущал ни этих вмятин, ни ударов, как не ощущает причиняемой себе боли истеричный ребенок.

Все еще не уверенный, собирается ли Воан врезаться в машину Кэтрин, я и не пытался предостеречь ее. Ее смерть была бы моделью моей заботы обо всех жертвах автокатастроф и природных бедствий. Когда по ночам я лежал рядом с Кэтрин, сжимая ладонями ее грудь, я представлял себе контакт ее тела с различными точками салона «линкольна», репетируя для Воана позы, которые она могла бы принять. Предчувствуя это приближающееся столкновение, Кэтрин вступила в трансовые пространства своего сознания. Она покорно позволяла мне располагать ее члены в позах еще не изведанных половых актов.

Когда Кэтрин спала, измятая машина двигалась по опустевшему проспекту. Во всеохватывающей тишине улиц

весь город казался пустым. В этом коротком предрассветном затишье, когда из аэропорта уже не взлетали самолеты, единственным звуком, который мы могли слышать, было тараканье болтающейся выхлопной трубы Воана. Из окна кухни я видел прислоненное к треснувшей форточке серое лицо Воана, отмеченное свежим рубцом, который напоминал яркую кожаную ленту. На мгновение я почувствовал, что все самолеты, поднимавшиеся из аэропорта, на которые он так любил смотреть, уже улетели. После того как уйдем мы с Кэтрин, он наконец останется один, будет мародерствовать по городу в своей развалюхе-машине.

Колеблясь, не разбудить ли Кэтрин, я подождал с полчаса, потом оделся и вышел во двор. Машина Воана была припаркована под деревьями проспекта. Рассветные лучи уныло отблескивали от пыльного лака. Сиденья были покрыты маслом и грязью, на заднем сиденье лежали остатки пледа и засаленной подушки. По разбитым бутылкам и смятым консервным банкам на полу я понял, что Воан несколько дней жил в машине. В очевидных припадках ярости он колотил по приборному щитку и расшиб несколько циферблатов. Некоторые выключатели были вдавлены в разбитый пластиковый корпус, фрагментарно держащийся на хромированных полосках.

В гнезде зажигания торчали ключи. Я посмотрел в обе стороны проспекта. Не ждет ли меня Воан за каким-нибудь деревом? Я обошел машину, поправляя ладонью разбитые

крылья. Пока я это делал, медленно сплющивалась передняя левая шина.

Спустилась Кэтрин. В свете восходящего солнца мы пошли к подъезду. Когда мы были уже совсем возле порога, в гараже заревел мотор. Сверкающая серебристая машина, в которой я сразу же узнал свою, мчалась на нас вверх по пандусу. Кэтрин вскрикнула, чуть не потеряв равновесия, но прежде чем я успел взять ее за руку, машина обогнула нас и поплыла к улице. В рассветном воздухе казалось, что мотор кричит от боли.

Больше я Воана не видел. Десять дней спустя он погиб на мосту, когда пытался врезаться на моей машине в лимузин, везущий киноактрису, которую он так долго преследовал. Его тело, заключенное в клетку машины, перелетевшей через перила моста и ударившейся в автобус, было так обезображено, что полиция сначала идентифицировала его как мое. Они позвонили Кэтрин – я в это время ехал домой со студии в Шефертоне. Когда я свернул во двор, то увидел Кэтрин, безумно бродившую вокруг ржавеющего остова «линкольна» Воана. Когда я взял ее за руку, она посмотрела сквозь мое лицо на темные ветви деревьев над головой. Я был уверен, что она ожидала увидеть на моем месте Воана, прибывшего после моей смерти, чтобы ее утешить.

Мы поехали к развязке в машине Кэтрин. По радио в сводке новостей говорили об опасности, которой актриса избежала. Мы не получали известий о Воане с тех пор, как он

взял в гараже мою машину. Я все больше убеждался, что Воан был всего лишь проекцией моей собственной фантазии и одержимости и что в каком-то смысле я оставил его на произвол судьбы.

Покинутый «линкольн» лежал на проспекте. Без Воана он разлагался очень быстро. Листья с осенних деревьев устилали его крышу и проникали сквозь разбитые стекла в салон, а машина опускалась вместе с ними на землю на сдувающихся шинах. Ее запущенное состояние, болтающиеся бамперы и крылья внушали неприязнь прохожим. Шайка подростков разбила лобовое стекло и окончательно выбила фары.

Когда мы достигли места происшествия под мостом, я почувствовал, что инкогнито пришел на место собственной смерти. Недалеко произошла моя катастрофа в машине, идентичной той, в которой погиб Воан. Развязка была блокирована огромным хвостом из машин, так что мы оставили автомобиль во дворе многоэтажной стоянки и пошли на свет вращающихся в миле от нас полицейских маячков. Яркое вечернее небо озаряло весь ландшафт, отблескивая на крышах машин, словно застывших перед погрузкой для отплытия в ночь. Авиалайнеры наверху двигались, напоминая самолеты-разведчики, поднятые в воздух, чтобы руководить течением этой колоссальной миграции.

Я смотрел на людей в машинах, уставившихся в лобовые стекла, настраивающих приемники. Мне казалось, что я узнаю их всех – гостей одной бесконечной серии дорожных

вечеринок, которые мы посещали минувшим летом.

На месте катастрофы под высоким полотном моста по меньшей мере пять сотен человек облепили каждый парапет и обочину, привлеченные сюда известием о том, что здесь только что чудом избежала смерти известная киноактриса. Многие ли из них думали, что она уже мертва и заняла свое место в пантеоне жертв автобедствия? На нисходящем пандусе развязки зрители стояли в три ряда вдоль поднимающейся балюстрады, глядя вниз на полицейские машины и кареты скорой помощи на перекрестке с Западным проспектом. Над головами тех, кто был внизу, возвышалась смятая крыша автобуса. Я держал Кэтрин за руку, думая о насмешливых покушениях на нее, которые на этом перекрестке совершал Воан. Моя машина лежала в сиянии прожекторов возле автобуса. Ее шины еще сохраняли форму, но в остальном она изменилась до неузнаваемости, словно ее били со всех сторон изнутри и снаружи. Воан мчался по открытой плоскости моста на максимальной скорости, пытаясь отправиться в небо.

С верхнего этажа автобуса унесли последнего пассажира, но взгляды публики были сосредоточены не на этих человеческих жертвах, а на деформированных машинах в центре сцены. Усматривали ли зрители в них модели своих будущих жизней? Киноактриса стояла в стороне, возле своего шофера, она подняла руку к шее, словно отгораживаясь от смерти, которая была так близка. Полицейские и врачи, зрители

катастрофы, теснящиеся между полицейскими машинами и каретами скорой помощи, заботливо оставляли вокруг нее пространство.

На крышах полицейских машин вращались предупреждающие огни, привлекая к месту катастрофы все больше и больше зевак из скверов, из жилых районов Нортхолта, круглосуточных супермаркетов Западного проспекта. Освещенная снизу прожекторами дуга моста казалась авансценой, открытой взглядам машин на много миль вокруг. По пустым улицам из окрестных домов, из залов безмолвного аэропорта стекались к этой громадной сцене зрители, привлеченные сюда логичностью и прелестью смерти Воана.

Прошлым вечером мы с Кэтрин пришли на полицейскую стоянку, куда были отправлены останки моей машины. Я взял ключи от ворот у офицера на контрольном пункте, молодого человека с пронзительным взглядом, которого я уже видел – он руководил погрузкой машины Воана, когда ее забирали из-под нашего дома. Я был уверен, что он понимал, что Воан планировал покушение на лимузин киноактрисы в течение многих месяцев и собирал материал для этого столкновения, воруя машины и фотографируя совокупляющиеся пары.

Мы с Кэтрин шли вдоль рядов сваленных там машин. Площадка была затемнена, свет падал только от уличных фонарей, отражавшихся от побитой хромировки. Забравшись на заднее сиденье «линкольна», мы с Кэтрин быстро заня-

лись любовью; после короткой серии спазмов ее влагалище вытянуло из меня маленький комочек семени; я крепко сжимал ее ягодицы, а она обхватила ногами мою талию. Я задержал ее, стоящую надо мной на коленях, пока семя не вытекло из ее лона мне на ладонь.

После этого, с семенем в моей руке, мы пошли дальше. Наши колени озарило светом фар. Возле ворот остановилась открытая спортивная машина. За лобовым стеклом, вглядываясь во тьму, сидели две женщины, та, что за рулем, поворачивала машину, и фары выхватили из темноты остатки покалеченной машины, в которой погиб Воан.

Женщина, которая сидела на месте пассажира, вышла из машины и на мгновение задержалась у ворот. Глядя на нее из темноты, пока Кэтрин поправляла свою одежду, я узнал доктора Елену Ремингтон. За рулем машины сидела Габриэль. Их привело сюда желание бросить последний взгляд на то, что осталось от Воана, и это казалось вполне закономерным. Я представил себе, как они объезжают автостоянки и трассы, отмеченные в их памяти одержимостью Воана, а теперь еще и освященные объятиями этой медработницы с ее покалеченной любовницей. Меня радовало, что Елена Ремингтон становилась все более извращенной, находя блаженство в шрамах и травмах Габриэль.

Когда они уехали – рука Елены покоилась на плече сдающей назад Габриэль, – мы с Кэтрин побрели среди автомобилей. Я заметил, что все еще несу в ладони сперму. Протя-

живая руку сквозь выбитые стекла, я освящал своим семенем приборные панели и циферблаты, прикасаясь к этим травматическим зонам в их наиболее деформированных точках. Мы остановились возле моей машины, остатки салона блестя от крови и слизи Воана. Приборную панель покрывало густое пятно человеческих тканей, словно кто-то разбрызгал кровь из пульверизатора для краски. Семенем из своей ладони я отметил смятые переключатели и циферблаты, в последний раз обозначив контуры присутствия Воана на сиденье. Казалось, в складках этих исковерканных сидений еще хранится отпечаток его ягодиц. Я размазал сперму по сиденью, потом отметил острый шпиль рулевой колонки – кровавую пику, торчащую из приборной панели.

Мы с Кэтрин отступили, глядя на эти бледные пятнышки жидкости, поблескивающие в темноте, первые созвездия нового зодиака наших сознаний. Я положил руку Кэтрин себе на талию, и мы побрели среди бесхозных машин. Ее пальцы прижимались к мышцам моего живота. Я уже начал разрабатывать фрагменты собственной автокатастрофы.

А между тем по мосту развязки течет непрерывный поток машин. Со взлетных полос аэропорта поднимаются лайнеры, неся остатки семени Воана к приборным панелям и радиаторным решеткам тысяч сталкивающихся машин, к раздвинутым ногам миллионов пассажиров.